

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Китай и глобализация: взгляд из Москвы и Пекина

Москва
ИМЭМО РАН
2013

УДК 339.92(510)

ББК 65.5(5Кит)

Кит 45

Серия «Библиотека Института мировой экономики и международных отношений»
основана в 2009 году

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках
Международного конкурса РГНФ – Китайская академия общественных наук (КАОН) 2013



Проект «Глобализация Китая и ее влияние на мировую экономику и политику. Выводы и
предложения для российско-китайских отношений. Взгляд из Москвы и Пекина»
(№ 12-22-21001)

Рецензент – д.и.н., профессор С.Г. Лузянин

Кит 45

Китай и глобализация: взгляд из Москвы и Пекина / Отв. ред. – В.В. Михеев, В.Г.
Швыдко – М.: ИМЭМО РАН, 2013. – 114 с.

ISBN 978-5-9535-0380-8

В работе представлен взгляд российских и китайских специалистов на различные аспекты участия Китая в происходящей глобализации хозяйственной и политической активности. Рассматривается воздействие усиливающейся всемирной взаимозависимости национальных хозяйств и общественно-политических процессов на качественные характеристики экономической и общественной жизни в КНР, на направленность и динамику их изменения. Одновременно анализируется возрастающее влияние Китая на систему международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе и, шире, в глобальном измерении. Описаны процессы, связанные с превращением КНР в активного и влиятельного игрока на международной арене, и их возможные последствия для развития ситуации в Тихоокеанской Азии и, в частности, в российско-китайских отношениях.

China and Globalization: a View from Moscow and Beijing. Russian and Chinese scholars review China's involvement in ongoing globalization of economic and political activities. Growing interdependence of economies and societies on a global scale directly influence important characteristics of China's economic and political life and shape its evolution. Also, authors look into China's growing impact on international relations in the Asia-Pacific region, as well as in the world at large. The paper reviews the developments related to China's becoming an active and influential actor on the international scene and their possible repercussions on the situation in the Pacific Asia and relations between Russia and China.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>
(<http://new.imemo.ru>)

ISBN 978-5-9535-0380-8

© ИМЭМО РАН, 2013

Оглавление

Часть I. Китай в условиях глобализации: взгляд из Москвы

1. Изменение характера мирового хозяйства и Китай.....	6
1.1. Глобализация как вызов XXI века	6
1.2. КНР: предпосылки для подключения к процессам глобализации	7
1.3. КНР и мировая экономика: формирование отношений взаимозависимости	8
2. Переход КНР к новой экономической модели - шаг к дальнейшей интеграции в мировое хозяйство	10
2.1. Поиск пути к современной модели (2005-2012 гг.)	10
2.2. Двенадцатая пятилетка: новые задачи	13
2.3. Инновации как основа новой модели экономического роста	15
2.4. Смена высшего руководства в 2012-13 гг.: новые акценты?	20
2.5. Капиталистическая экономика китайского образца в среднесрочной перспективе	22
3. Внешняя политика КНР в условиях глобализации.....	25
3.1. Изменение места Китая на мировой политической арене.....	25
3.2. Глобальная роль КНР глазами китайского руководства	25
3.3. Подключение Китая к системе глобального управления	26
4. Основные направления внешней политики Китая в меняющемся мире	28
4.1. Отношения с Японией.....	28
4.2. Корейский полуостров	30
4.3. Отношения со странами АСЕАН.....	31
4.4. Отношения с США	31
4.5. Отношения с Евросоюзом	36
4.6. Китай и многостороннее сотрудничество в АТР	39
5. Китай в АТР: региональный срез глобализации	40
5.1. Азиатско-тихоокеанский регионализм как срез процессов глобализации	40
5.2. Китай и азиатско-тихоокеанская интеграция	41
6. Новая роль Китая: вызовы и возможности для России	44

Часть II. Китайский ответ на вызовы глобализации: взгляд из Пекина

China's Growing Role in the World Economy	52
I. Introduction	52
II. China's Economic Size and Contribution	52
III. China's Investment and Energy Consumption	56
IV. China's International Trade and Investment	60
V. China's Foreign Exchange Reserves	65
VI. Regime Shift and Internationalization of the RMB	67

VII. China's Role in Global Economic Governance	68
VIII. China's Economic Prospect and Role in the World Economy	71
References	73
The Rise of the Chinese Economy and the Impacts of Renminbi Internationalization on International Monetary System	74
1. Renminbi Internationalization: Conceptual Impact versus Real Demand	74
2. International Monetary System and Currency Internationalization	80
3. Limited Renminbi Internationalization is Feasible	83
References	87
Globalization and the implications for China's cooperation with US, EU and Japan.....	89
1. Introduction	89
2. Three versions of globalization since WWII.....	90
3. Implications for China's grand strategy and suggestions for cooperation with selected main players	96
References	100
Приложение	103

Часть I. Китай в условиях глобализации: взгляд из Москвы

**Авторский коллектив: Михеев В.В., Амиров В.Б., Кузнецов А.В.,
Луконин С.А., Луконина Ю.С., Швыдко В.Г.**

1. Изменение характера мирового хозяйства и Китай

1.1. Глобализация как вызов XXI века

Последние три десятилетия отмечены резким ускорением выхода экономических и политических процессов за рамки национальных государств и приобретения ими нового качества, когда внешние условия становятся определяющими при выработке основных положений экономической и социальной политики отдельных государств.

При этом процессы глобального, мирового масштаба уже не являются простой суммой локальных изменений, происходящих в рамках отдельных национальных государств, а развиваются в соответствии со своей собственной внутренней логикой. Результатом этих изменений стал резкий рост взаимозависимости различных составляющих мирового сообщества и мирового хозяйства, отражаемый устоявшимся термином «глобализация».

Глобализация мировой экономики находит свое выражение в многообразных конкретных процессах. Это, в частности, выход интересов хозяйственных субъектов за национально-государственные рамки, рост числа и расширение сферы деятельности транснациональных экономических и финансовых структур. Это качественное облегчение условий для трансграничного передвижения как результатов хозяйственной деятельности, так и используемых для нее ресурсов – капитала, технологий, рабочей силы. Это движение в направлении сближения, а в перспективе и унификации условий хозяйственной деятельности в различных странах, к формированию единого мирового экономического пространства. Это, наконец, постоянный учет мировых процессов и интересов при анализе хозяйственной конъюнктуры и выработке экономической политики в отдельных странах.

Таким образом, глобализация – это, в конечном счете, превращение национальных хозяйств, включенных в международные экономические связи, в интегральную часть мирового хозяйства, не способную более функционировать и развиваться в отрыве и независимо от него.

Экономическая глобализация выросла из *интернационализации* хозяйственной жизни, но является качественно новой ее ступенью, определяющей чертой которой становится невозможность успешно развивать национальное хозяйство без координации с мировой экономикой. Глобализация мировой экономики является также более широким понятием, чем интеграция, поскольку экономическая глобализация обуславливает взаимозависимость даже интеграционно не связанных напрямую друг с другом частей мирового хозяйства.

Прогресс глобализации стал возможен во многом благодаря появлению в мире новых, революционных по сравнению с предшествующим этапом средств коммуникации и транспорта. В первую очередь, это стало результатом внедрения в деловую практику электронных форм хранения, обработки и передачи информации, широкого распространения компьютерной техники и сопутствующей коммуникационной инфраструктуры. Принципиально важную роль сыграло беспрецедентное в истории расширение возможностей огромных объемов информации и ее обработки в чрезвычайно сжатые сроки, а также резкое снижение барьеров, связанных с географическими факторами и языковыми различиями.

В то же время происходит и обратное воздействие – глобализация создает экономические условия для превращения индустрии информации и связи в один из наиболее динамичных и прибыльных секторов современной экономики.

Глобализация как сближение условий хозяйствования и формирование единого мирового экономического пространства означает, в числе прочего, превращение *рыночной модели хозяйствования* в универсальное глобальное явление. Несмотря на сохраняющиеся различия в степени развитости и конкретных деталях в отдельных странах и регионах, в целом рыночные механизмы и основанные на них модели экономики превращаются в одну из основополагающих характеристик нового глобализированного мира.

Другой универсальной чертой становится *открытость экономических систем* национального уровня – присутствие в любой из них возможности и мотивации для участия в международных хозяйственных обменах. При этом степень открытости для трансграничного перемещения товаров и хозяйственных ресурсов и оказания разнообразных услуг, хотя и неравномерно, но повышается практически во всех составных частях мирового хозяйства.

1.2. КНР: предпосылки для подключения к процессам глобализации

На этом фоне Китай сегодня предстает перед миром в качестве страны с быстро формирующейся открытой рыночной экономикой, в последнее десятилетие значительно ускорившей трансформацию в этом направлении. Экономика КНР все отчетливее приобретает и усиливает обе основополагающие характеристики формирующейся единой глобальной экономики – 1) доминирование рыночных механизмов в хозяйственной деятельности и 2) открытость для трансграничных связей.

При этом процессы перехода от государственно-директивных методов организации и стимулирования хозяйственной деятельности к предоставлению большего простора для рыночных механизмов, с одной стороны, и все более полного открытия экономики страны для внешнего мира – с другой, развиваются параллельно и сопровождаются эффектом взаимного усиления. Более того, несмотря на сопровождающие оба этих процесса политические ограничения, вытекающие из природы ныне существующей в КНР системы государственного управления, они набрали достаточную инерцию, чтобы рассматриваться как необратимые.

Так, взаимоотношения между хозяйствующими субъектами, включая субъектов в государственном секторе экономики, давно и прочно поддерживаются действием рыночных механизмов и стимулов, альтернативы которым при нынешних масштабах и структуре китайской экономики не существует. Тем более это относится к режиму деятельности предприятий негосударственного сектора экономики, который стабильно увеличивает свою долю в ВВП и совокупной занятости.

Несмотря на сохранение крупного государственного сектора в сферах, не связанных с оказанием общественных услуг (добывающая и обрабатывающая промышленность, кредитные и страховые учреждения, грузовой и пассажирский транспорт и др.), частные предприятия в Китае в настоящее время играют незаменимую роль с точки зрения поддержания достигнутого уровня занятости и доходов населения; сбалансированности внутреннего потребительского рынка, а также материального обеспечения

производственных и общественных инвестиций. Любая попытка ограничить рост этого сектора в долгосрочном плане чревата не только потерей динамизма, но и нарушением экономического равновесия и социальной стабильности. В этом смысле движение Китая к превращению его экономики в составную часть глобальной рыночного хозяйства является необратимым долгосрочным процессом.

То же можно сказать и об открытости как характеристике китайской экономики. Последние полтора-два десятилетия экспорт промышленной продукции, в первую очередь на рынки США и Западной Европы, а также Японии был главным драйвером роста китайской экономики. Соответственно, контакты с внешним миром – помимо торговых еще и технологические и образовательные – не только не ограничивались, но и поощрялись на государственном уровне. Система бизнес-образования, а также, в значительной степени, корпоративного управления были перестроены с учетом потребности китайских компаний в работе на внешних рынках. Китай стал одним из крупнейших реципиентов прямых иностранных инвестиций, привлечение которых стало одной из задач государственной политики.

1.3. КНР и мировая экономика: формирование отношений взаимозависимости

Несмотря на то, что сегодня руководство КНР хотело бы в большей степени ориентировать экономический рост на использование потенциала внутреннего спроса, зависимость экономики от внешних факторов по любым, даже самым современным меркам, достаточно велика.

Так, темпы роста китайской промышленности коррелируют с состоянием конъюнктуры в развитых странах, которые остаются главным рынком сбыта для ее продукции. Последствия кризиса 2007-2009 гг., неустойчивость послекризисного восстановления спроса заставили серьезно скорректировать прогнозные оценки роста китайской экономики на среднесрочную перспективу. Китайская промышленность, безусловно, зависит от конъюнктуры на международных товарно-сырьевых рынках, а условия финансирования внутренних инвестиций во многом определяются текущей ситуацией на мировых финансовых рынках.

В то же время прогресс глобализации ведет к качественным изменениям в содержании и движущих силах торгового обмена Китая с развитыми странами. Традиционную торговлю потребительскими и инвестиционными товарами на базе преимущества в издержках и/или доминирующего положения тех или иных компаний на отдельных рынках в значительной степени потеснил внутрикорпоративный и внутригрупповой (в рамках иностранных транснациональных бизнес-групп) обмен изделиями и их компонентами.

Новой ступенью развития этого процесса является повышение значимости в составе внешнего товарооборота Китая торгово-технологических обменов между крупными иностранными компаниями – лидерами в своих отраслевых и продуктовых нишах, с одной стороны, и независимыми китайскими производителями – с другой.

Последнее десятилетие также отмечено вступлением многих динамично растущих китайских компаний в фазу транснационализации. Активизировалось приобретение ими

зарубежных активов с целью частичного переноса своей профильной деятельности за пределы Китая.

Ориентация на мировую практику и тенденция к интеграции в глобальные системы затронули и валютно-финансовую сферу. За последние 15 лет Китай не только проделал огромный путь с точки зрения либерализации валютного контроля и движения к конвертируемости национальной валюты, но и сделал первые шаги для превращения ее в перспективе в валюту международных расчетов. Наряду с интеграцией в китайскую экономику финансового центра глобального значения в Гонконге происходит формирование инфраструктуры центра финансовых операций в Шанхае, привлекающего внимание зарубежных инвесторов.

2. Переход КНР к новой экономической модели – шаг к дальнейшей интеграции в мировое хозяйство

Начало второго десятилетия XXI века является новым этапом в развитии Китая, который выражается в качественных изменениях экономики, политики, поведения на мировой арене, философских, психологических и ценностных ориентиров. Важнейшим аспектом этих фундаментальных изменений является поиск новой модели социально-экономического развития страны. Внешними проявлениями этого перехода является принятие 12-го пятилетнего плана социально-экономического развития и углубление начатых еще в конце прошлого столетия экономических и институциональных реформ.

2.1. Поиск пути к современной модели (2005-2012 гг.)

Подводя итоги социально-экономического развития страны в период 11-ой пятилетки, отчет которой начинался в 2006 г., китайское правительство выделило в качестве основных достижений решение выполнения в этот период ряда важных задач. К таковым были отнесены: 1) обеспечение стабильного экономического развития страны в условиях мирового финансового кризиса, 2) преодоление последствий глобального финансово-экономического кризиса, и 3) формирование основы для модернизации экономики.

За 2006-2010 гг. среднегодовые темпы прироста ВВП составили около 11,5%, что на 1,6 процентных пункта превышало показатель 10-ой пятилетки, который составлял 9,8%. В целом, с поправкой на кризис, темпы прироста ВВП были достаточно ровными и стабильными (подробные данные о темпах экономического роста в этот период приведены в Приложении).

Для преодоления глобального финансово-экономического кризиса китайское правительство сделало ставку на расширение потребительского спроса, для чего был предпринят ряд мер:

- упрощение выдачи кредитов населению, среднему и малому бизнесу;
- стимулирование использования кредитных карт населением;
- увеличение занятости, в том числе за счет государственной поддержки среднего и малого бизнеса;
- отмена налога на доход физических лиц от размещения средств на банковских счетах;
- снижение процентной ставки по банковским вкладам.

Благодаря этим мерам в период 11-ой пятилетки наблюдалось стабильное увеличение объема розничных продаж потребительских товаров (см. статистические данные в Приложении).

В период 11-ой пятилетки был реализован ряд крупных инфраструктурных проектов в сфере транспорта, энергетики и жилищного строительства. Было построено более 190 тысяч домов эконом-класса, 120 крупных ирригационных сооружений, число аэропортов выросло до 175. Протяженность железных дорог выросла на 16 тысяч километров, а скоростных автотрасс – на 32 тысячи, достигнув 73 тысяч километров¹. Китай вышел на второе место в мире по протяженности скоростных автотрасс, уступая только США. При этом общая протяженность шоссейных дорог в Китае составляет 3,98 млн. км². В настоящий момент 96% поселков и 81% сел имеют асфальтированные подъездные пути.³

Протяженность речных фарватеров увеличилась на 500 км и составила 10 тыс. км. Число глубоководных морских причалов возросло почти до 1800. Протяженность оптоволоконных каналов связи выросла более чем на 1,6 млн. км и теперь составляет 9,5 млн. км.

В сельской местности было введено в эксплуатацию 300 тыс. км линий электропередач. В рамках реализации проекта транспортировки электроэнергии из западной части Китая в восточную пропускная способность линий электропередач превысила 78 млн. кВт.⁴

В 2006-2010 гг. достаточно активно продвигались работы в области китайских научно-технических программ развития. В Шанхае запущена в эксплуатацию установка синхронной радиации. Начали функционировать более 90 государственных научно-технических центров, в стадии строительства находятся еще более 50 центров и более 30 лабораторий. Количество предприятий, участвующих в проекте по созданию инновационной промышленности возросло до 550, а количество инновационных городов выросло до 45⁵.

Развивались проекты по развитию энергосбережения, в результате которых общий объем сэкономленных энергоресурсов достиг 33,1 млн. т условного топлива. За 11-ю пятилетку удельная энергоемкость китайского ВВП сократилась на 19% (см. статистические данные в Приложении). Широкое распространение получили автомобили, работающие на альтернативном топливе. В настоящий момент количество таких машин, включая гибридные и электромобили, насчитывает порядка 1 млн.

Несмотря на глобальный финансово-экономический кризис, влияние которого на экономику Китая наблюдалось в 2008-2009 гг., стабильно увеличивался объем привлеченных в страну иностранных инвестиций (см. данные в Приложении).

В целях модернизации национальной экономики Китай в период 11-ой пятилетки активно осуществлял перенаправление привлекаемых иностранных инвестиций в высокотехнологичные и инновационные отрасли – альтернативные источники энергии; энергосберегающие технологии; экологически чистые технологии.

¹Развитие транспорта в КНР – одно из главных достижений 11-й пятилетки / Жэньминь жибао онлайн (<http://russian.people.com.cn/31518/7166511.html>)

²Там же.

³«Доклад о выполнении плана экономического и социального развития за 2010 г. и проект плана развития на 2011 г.», представлен на 4-ой сессии ВСНП 11-го созыва (<http://russian.people.com.cn/31521/7320862.html>)

⁴«Доклад о выполнении плана экономического и социального развития за 2010 г. и проект плана развития на 2011 г.», представлен на 4-ой сессии ВСНП 11-го созыва (<http://russian.people.com.cn/31521/7320862.html>)

⁵Там же.

Продолжала осуществляться стратегия «выхода за рубеж», в рамках которой общий объем иностранных инвестиций, осуществленных китайскими компаниями в 2010 г. достиг практически 60 млрд. долл.¹

Кроме традиционных способов осуществления инвестиций выросла и доля слияний и поглощений. В 2010 г. на этот способ инвестирования пришлось более 23 млрд. долл. или 40% от общего объема китайских иностранных инвестиций. В результате по итогам 2010 г. Китай занял второе место (после США) по количеству слияний и поглощений, осуществленных китайскими компаниями. Большая часть слияний и поглощений наблюдалась в высокотехнологичных и отраслях «зеленой экономики».

В период 11-ой пятилетки продолжался рост доходов городского и сельского населения. В конце отчетного периода среднедушевые доходы городского и сельского населения составили более 19 и 5 тыс. юаней соответственно. Причем, в 2010 г. темпы прироста доходов сельского населения опередили соответствующий показатель для городского населения.²

Повысился уровень социального обеспечения. В 2010 г. общее число лиц охваченных системой пенсионного страхования в городах и сельской местности составило более 250 и более 16 млн. человек соответственно. Общее количество лиц охваченных системой медицинского страхования достигло практически 433 млн. человек³.

Несмотря на положительную оценку китайским правительством итогов развития в прошлом пятилетнем периоде, некоторые проблемы так и не удалось решить. Среди них, в частности:

Нестабильный рост доходов сельского населения. Это происходит, в том числе, из-за недостаточного урожая, дефицита пресной воды и других ресурсов. Ирригационная система остается слабой, а научно-технический уровень аграрного сектора и его эффективность – низкими. Жители сельских районов, выезжающие в город на работу, продолжают сталкиваться с институциональными препятствиями.

Трудный ход модернизации экономики и ее переориентирования на производство инновационных продуктов. В Китае не хватает ключевых технологий и высококвалифицированных специалистов. Не разработаны механизмы поощрения самостоятельной инновационной деятельности и внедрения ее результатов в производство. В ряде отраслей наблюдается избыток производственных мощностей. Уровень развития индустрии сервиса отстает от мирового. Сохраняется неравномерность развития города и сельской местности, а также разных регионов Китая.

Инфляция. В стране наблюдается избыток ликвидности, растет количество спекуляций на фондовом и рынке недвижимости. Увеличивается себестоимость земли, рабочей силы и других производственных ресурсов. В 2010 г. цены росли в основном на потребительские товары, что затруднило жизнь городского и сельского населения, прежде

¹Companies to boost overseas investment / China Daily (http://www.chinadaily.com.cn/bizchina/2011-04/28/content_12410068.htm).

²См. данные в Приложении

³«Доклад о выполнении плана экономического и социального развития за 2010 г. и проект плана развития на 2011 г.», представлен 4-ой сессии ВСНП 11-го созыва (<http://russian.people.com.cn/31521/7320862.html>)

всего семей со средними и низкими доходами. В ряде средних и крупных городов цены на жилье достаточно высоки.

Угрожающая экологическая обстановка. Общие затраты энергоресурсов остаются высокими, выброс основных видов загрязняющих веществ достаточно велик. Механизм энергосбережения и сокращения вредных выбросов до сих пор не разработан.

Рост социальных противоречий, вызванный неравномерным распределением доходов. Проблема социального неравенства населения чрезвычайно актуальна для Китая. Даже в среде среднего класса расслоение очень велико. По данным Всемирного банка коэффициент Джинни в Китае с момента начала экономических реформ вырос с 0,16 до 0,48 при международном стандарте для развитых стран – 0,4.

2.2. Двенадцатая пятилетка: новые задачи

Основные положения 12-го пятилетнего плана во многом направлены на решение проблем, которые возникли в Китае во время бурного экономического развития. Эти проблемы вместе с продолжающейся антикризисной политикой, будут оказывать заметное влияние на дальнейшее развитие КНР.

Одной из главных задач предстоящего периода является ***поддержание стабильного развития экономики***. Рекомендованные китайским правительством темпы прироста ВВП в среднегодовом выражении составляют 8%¹.

С одной стороны, такие показатели позволят сохранить достаточную динамику экономического развития, избежать увеличения безработицы, улучшить социальную обеспеченность населения. С другой стороны – ускорить трансформацию модели экономического развития и обеспечить соответствие темпов роста экономики с ее структурой, качеством, эффективностью, демографической ситуацией, ресурсами и окружающей средой.

Несмотря на то, что заявленные темпы ниже соответствующего показателя предыдущей пятилетки, их достижение потребует значительных усилий. Трудности заключаются в нестабильной внешнеэкономической обстановке, увеличении числа ограничителей в области экологии, ресурсов, повышении себестоимости компонентов производства.

Следующая, не менее важная задача – *продолжение формирования “общества среднего достатка” и улучшение условий жизни населения*. Предполагается общее и относительно быстрое увеличение доходов городского и сельского населения. Будут прилагаться усилия для синхронизации увеличения доходов населения и экономического роста, синхронизации увеличения заработной платы и повышения эффективности труда. Для решения этой задачи, по мнению китайского правительства необходимо:

- › создать систему увеличения заработной платы, основанную на эффективности труда;

¹ «Доклад о выполнении плана экономического и социального развития за 2010 г. и проект плана развития на 2011 г.», представлен 4-ой сессии ВСНП 11-го созыва (<http://russian.people.com.cn/31521/7320862.html>).

- разработать юридическую основу для заключения коллективных трудовых договоров;
- предотвращать задержку выдачи заработной платы, прежде всего трудовым мигрантам из сельской местности;
- повысить минимальный размер заработной платы, необлагаемый налогом.

В свете улучшения социальных условий жизни особый статус получает программа обеспечения населения гарантированным и доступным жильем, для чего в период 12-ой пятилетки необходимо:

- осуществлять масштабное строительство муниципального и частного жилья;
- увеличить строительство жилья малой и средней площади;
- реконструировать ветхие кварталы в городах, на территории предприятий, шахт и т.д.

В сфере образования будут продолжены программы развития сельского школьного и дошкольного образования, а также программы среднего специального образования.

Основной задачей медицины и здравоохранения в период 12-ой пятилетки будут формирование системы санаторно-курортного лечения и первичного санитарного обслуживания населения. Кроме того, будут запущены программы охраны здоровья материнства и младенчества.

Борьба с безработицей и поддержание социального равенства – приоритетные задачи 12-ой пятилетки, для решения которых необходимо:

- поощрять создание и развитие малых и средних, а также предприятий семейного типа;
- поощрять самостоятельное предпринимательство;
- стимулировать самостоятельный поиск работы;
- осуществлять программы по трудоустройству выпускников вузов, трудовых мигрантов из сельской местности;
- проводить программы профессиональной переподготовки.

Распределение доходов будет регулироваться за счет оптимизации и расширения потребления путем повышения различных субсидий городскому и сельскому населению с низкими доходами.

Борьба с инфляцией логически увязана с улучшением качества жизни населения и формированием «общества среднего достатка».

Несмотря на то, что в настоящий момент цены на потребительские товары достаточно стабильны, угроза инфляции сохраняется на фоне роста мировых цен на товары, непрерывного роста издержек в виде цен на энергоресурсы, сырья, расходов на рабочую силу (на заработную плату, социальное и медицинское обеспечение населения), арендных платежей и др.

Для удержания инфляции в заявленных пределах (4%) китайское правительство планирует:

- создавать и развивать резервные фонды основных видов потребительских товаров, включая временные закупки и хранение сельхозпродукции;
- регулировать импортно-экспортные операции;
- обеспечивать свободное движение сельхозпродукции;
- усиливать взаимодействие крестьянских хозяйств с рынками и супермаркетами;
- уменьшать сборы за аренду торгового места на городских рынках сельхозпродукции и плату за поставку товаров в супермаркеты;
- ввести систему мониторинга и заблаговременного информирования о состоянии рынка важнейших видов сельхозпродукции;
- усилить контроль над фьючерсными сделками сельхозпродукции.

Главной же задачей 12-ой пятилетки является *изменение технологического уклада* китайской экономики на основе инноваций.

2.3. Инновации как основа новой модели экономического роста

На сегодняшний день экономическая модель Китая не может быть охарактеризована как инновационная. Основными двигателями роста экономики Китая остаются инвестиции и экспорт, а инновации, в первую очередь, собственные, играют подсобную и несистемную роль.

В середине 2000-х годов в Китае лишь 0,03% предприятий являлись создателями интеллектуальной собственности, заложенной в основу производимой ими высокотехнологичной продукции. 99% предприятий вообще не подавали заявки на получение патентов. 60% – не имели собственных фирменных знаков. Китай зависит от ввозных технологий на 50%, импортирует более 70% оборудования для производства автомобилей, прецизионных станков с цифровым управлением, текстиля, 90% – для производства интегральных схем, более 95% сложного медицинского оборудования, продуктов информационной электроники, 100% оборудования для производства оптического волокна, телевизоров, мобильных телефонов.

Выпуск высокотехнологичной продукции осуществляется в Китае преимущественно путем отверточной сборки импортных компонентов. Самые передовые западные технологии остаются недоступными для Китая. Ставка делается на прямое использование ввозных технологий, а не на их модификацию. На 1 юань, затраченный на импорт технологий, Китай расходует всего 7 фэней на их освоение и технические инновации, тогда как Япония и Южная Корея в период индустриального роста тратили на эти цели аналог суммы от 5 до 8 юаней. Китай – по способности к техническим инновациям – занимает 24-е место в мире, позади Индии и Бразилии. На 10 тыс. чел. населения в Китае патентуется 11 изобретений, тогда как в Японии – 1700, в ФРГ – 1500, в Южной Корее – 550, в Индии – 440.

Идея осуществить инновационный рывок в условиях мирового финансового кризиса является одной из ключевых стратегических установок 12-ой пятилетки. Действия Китая по созданию условий для реализации программы инновационного развития представлены ниже:

Создание условий для реализации программы инновационного развития	
	проведение институциональной реформы национальной инновационной системы с акцентом на то, что инновационная деятельность будет сконцентрирована на предприятиях;
	координация с предприятиями государственной поддержки инновационной деятельности;
	развитие инновационной культуры общества;
	развитие инфраструктуры, человеческого капитала и международного сотрудничества в инновационных целях.
Финансирование программы	
	создание многовариантных каналов инвестирования НИОКР;
	неизменный рост бюджетных расходов на НИОКР;
	правительственные инвестиции в мега-проекты;
	разделение труда между государственными и частными банками в финансировании НИОКР (первые будут поддерживать мега-проекты, вторые – инновационную деятельность среднего и мелкого бизнеса);
	создание национального рынка венчурного капитала;
	стимулирование (в том числе через уменьшение административных барьеров) национальных компаний к созданию китайских центров НИОКР за рубежом.
Налоговые стимулы	
	расходы на НИОКР вычитаются из налогооблагаемой базы предприятий из расчета 150% от реальных затрат на НИОКР в течение пяти лет;
	осуществляется политика ускоренной амортизации оборудования, используемого в целях НИОКР;
	высокотехнологичные компании, работающие в зонах освоения новых технологий, освобождаются от уплаты налогов в течение двух лет после того, как их деятельность становится прибыльной.
Импорт и освоение иностранных технологий	
	утверждение списка иностранных технологий, наиболее предпочтительных для

импорта в Китай;  ограничение импорта устаревших технологий.
Защита интеллектуальной собственности
 поддержка компаний, стремящихся к приобретению прав интеллектуальной собственности в высокотехнологичных областях;  поддержка китайских предприятий и промышленных ассоциаций с целью активизации их участия в разработке международных технологических стандартов;  защита прав интеллектуальной собственности и ужесточение наказания за их нарушение;  улучшение патентной системы и ускорение интеграции Китая в мировую систему торговли инновациями.

Сегодня инновационный курс трактуется как новая национальная стратегия. Китай к 2020 г. должен был стать инновационным государством, а к середине столетия – мировым лидером в науке и технике. Главный акцент делается на развитии собственных инноваций. Инновационная стратегия Китая должна обеспечить следующие изменения в китайской экономике:

- переход от системы, когда инновационная деятельность осуществлялась политической и научной элитой, к системе широкого участия населения и иностранных экспертов;
- переход от модели, когда НИОКР концентрировались в научно-исследовательских институтах, к модели развития НИОКР на предприятиях;
- перефокусирование роли государства с поддержки, главным образом, исследовательских областей и программ на формирование условий и развитие инфраструктуры для инновационной деятельности НИИ и бизнеса;
- переход от практики поддержки НИОКР путем прямых государственных инвестиций в конкретные программы к использованию других инструментов поддержки НИОКР, таких как рыночные стимулы, благоприятное законодательство и т.д.

Инновационная стратегия предусматривает следующее.

Во-первых, ускорение национальной инновационной деятельности будет осуществляться за счет:

- приоритетного создания научно-технологической инфраструктуры;
- развития человеческого капитала;
- развития дальне-магистрального самолетостроения и современной атомной энергетики; внедрения инноваций в областях экономии энергоресурсов и сокращения вредных выбросов, а также в сельском хозяйстве и социальной сфере;

- развития государственных инженерных внедренческих лабораторий в информатике, биологии, экологии; а также за счет государственной поддержки сертифицированных правительством внедренческих центров, созданных на китайских предприятиях;
- государственных наработок и оказания финансовой поддержки венчурному инвестированию и корпоративным инновационным разработкам;
- стимулирования сотрудничества НИИ, вузов и предприятий по созданию опытно-внедренческих площадок, ориентированных на разработку и внедрение собственных технологий, товарных и инновационных брэндов;
- расширения государственной поддержки фундаментальных исследований в целях их поднятия до мирового уровня.

Во-вторых, определены высокотехнологичные отрасли, которые будут пользоваться максимальной поддержкой государства:

- мобильная связь третьего поколения;
- цифровое телевидение;
- широкополосный доступ в Интернет;
- дисплеи нового типа;
- биофармацевтика;
- новые материалы;
- новые источники энергии;
- информатизация.

В-третьих, вводится понятие «новой индустриализации», которая предполагает развитие таких ключевых сфер как:

- экологически чистое крупное генераторное оборудование;
- высокоточные станки с цифровым управлением;
- современное оборудование для энергетической и добывающей отраслей;
- реструктуризация крупных предприятий «за счет слияния и поглощения» и создание конкурентоспособных китайских ТНК в металлургии, автомобилестроении, цементной, угольной, целлюлозно-бумажной промышленности, в тяжелом машиностроении.

В-четвертых, взят курс на ускоренное развитие сферы услуг путем упрощения процедуры создания предприятий в этой сфере, а также стимулирования инвесторов на вложение средств.

Для реализации инновационного развития будут разрабатываться системы управления, подходящие для новых типов отраслей, в рамках которых смогут регулироваться на государственном уровне: система налогообложения, система тарифов на землю, воду, электричество и др. Например, в области налогообложения уже отменены льготы для предприятий, основанных на иностранном капитале. Исключение составили только предприятия, перенесенные из Восточного в Центральный и Западный Китай. Правительство взяло курс на уравнивание в правах национального и иностранного бизнеса еще в 2008 г., однако, реализация была отложена в связи с кризисом. По мнению китайских властей, льготы уже выполнили свою задачу и теперь необходимо защитить отечественных производителей высокотехнологичных товаров. Тем более, что курс на развитие и внедрение ноу-хау принят на государственном уровне. Также существует политика преимущественного выбора национальной продукции при реализации закупочных проектов.

В предстоящий период развитие зеленой экономики выйдет на первый план. В результате будет снижаться энергопотребление на единицу ВВП, объем выбросов углекислого газа и общий объем выбросов основных загрязняющих веществ. Значит, Китай уже не сможет поддерживать уровень роста ВВП только за счет ресурсоемкого, дешевого производства и экспорта. В 2009 г. китайский ВВП был равен 8% от мирового, при этом Китай израсходовал 18% мировых энергоресурсов, 44% металлургической продукции, 53% цемента. Такой высокий расход ресурсов и экологически опасное производство не могут поддерживать поступательное и долгосрочное развитие Китая¹. Следовательно, в предстоящий период будет произведена переориентация промышленности на выпуск высокотехнологичных товаров.

Однако на пути инновационного развития Китая есть и препятствия, и главное из них – недостаточность научно-технического потенциала Китая для реализации амбициозных задач.

Основные слабости организации НИОКР в Китае заключаются в следующем:

- ✓ вопреки усилиям по созданию единой, консолидированной национальной системы НИОКР, она остается все еще фрагментарной и раздробленной;
- ✓ связи с бизнесом, особенно фундаментальных и прикладных исследований – слабы;
- ✓ финансовые расходы на науку также малы – в расчете на одного ученого США тратят 230 тыс. долл. в год, Япония – 170 тыс. долл., Китай – лишь 90 тыс. долл.;
- ✓ по числу исследователей в расчете на 1 млн. жителей Китай также значительно отстает от развитых стран;
- ✓ требует дальнейшего усиления защиты интеллектуальной собственности.

¹О новых политических курсах Китая по привлечению и использованию иностранных инвестиций / информационно-аналитический портал «Бизнес в Китае» / http://www.asia-business.ru/lenta/china/2010/05/11/news_679.html

Очевидно, что для заявленных целей потребуются корректировка и оптимизация структуры иностранных инвестиций в Китае, которая будет выражена в следующем:

- изменение качества привлекаемых инвестиций, путем применения региональных налоговых режимов и разрешительной системы. Преимущество будет отдаваться иностранным инвестициям в высокотехнологичные отрасли (наукоемкие производства, современные непроизводственные услуги, новая энергетика, экология). Инвестиции в энергоемкие и экологически грязные производства будут строго ограничены;
- переориентирование потока иностранных инвестиций в Западный и Центральный Китай. Для этого будут использоваться государственные инвестиции в инфраструктуру для подготовки площадки для иностранных инвесторов, а также региональные налоговые льготы.

Для обеспечения дальнейшего стабильного развития Китай будет проводить экспансию национального капитала. В настоящее время Китай занимает 5 место в мире по объемам иностранного инвестирования (в 2008 г. – 12 место). В первой половине 2010 г. китайские инвестиции в США и Европу выросли почти на 107%, инвестиции в страны АСЕАН – на 125% и в Россию – на 58%¹. Основными игроками на этом поле станут интенсивно развивающиеся китайские транснациональные корпорации. Они будут выступать основными проводниками китайских инвестиций за рубежом.

Основные цели внешней экспансии Китая:

- обеспечение ресурсами национального развития (подразумеваем не только природные ресурсы, но и интеллектуальные);
- повышение своего влияния на международную политику в целом и мировую финансовую архитектуру в частности;
- обеспечение стабильности и потенциала развития для национальной промышленности (баланс между внутренним и внешним спросом на китайскую продукцию).

2.4. Смена высшего руководства в 2012-13 гг.: новые акценты?

В конце 2012-начале 2013 гг. в Китае произошла смена власти. К руководству пришло новое поколение руководителей во главе с Си Цзиньпином, получившим все ключевые партийные и государственные посты: Генсек КПК, Председатель КНР, Председатель Центрального военного совета и Центральной военной комиссии КПК. По умолчанию предполагается, что кадровое обновление, которое неизбежно последует за сменой лидера, может означать начало формирования и *новой стратегии развития* – отталкиваясь от

¹China surges to 5th largest global investor / China Daily / http://www.chinadaily.com.cn/bizchina/2010-09/06/content_11260204.htm

достигнутых за годы реформ экономических успехов и их, как позитивных, так и негативных социальных, политических и иных последствий.

На практике, однако, в руководстве КПК сложился кадровый компромисс между тремя китайскими руководителями – бывшим Генсеком ЦК КПК Цзян Цзэмином, действовавшим на тот момент Генсеком Ху Цзиньтао и новым лидером – Си Цзиньпином. Последствия этого компромисса будут выявляться в будущих дискуссиях вокруг нюансов внутри- и внешнеполитического курса страны. Однако применительно к 18-му съезду КПК доминирование кадровых вопросов не позволило добиться прорывов на других направлениях: идеологическая и политическая реформа, реформа внешнеполитического курса и т.д.¹

В результате компромисса сложилась новая политическая ситуация внутри китайской партийной элиты. *С одной стороны*, Си Цзиньпин получил большой ресурсный потенциал. Он сразу же стал и Генеральным секретарем, и председателем Центрального военного совета. Число членов главного политического органа – ПК Политбюро ЦК КПК сократилось с 9 до 7 человек – что упрощает процедуру согласования сложных политических решений. При этом из семи членов ПК пять (кроме премьер-министра Ли Кэцзяна) не могут, по возрастным ограничениям, избираться на второй срок на следующем съезде КПК в 2017 г. Это теоретически дает возможность Си Цзиньпину сформировать через пять лет уже полностью свою команду.

С другой стороны, члены ПК и ПБ представляют собой весьма пеструю палитру лидеров, опирающихся на те или иные политические и политико-экономические кланы. Это сдерживает разработку новой стратегии, которую могло бы взять на вооружение новое руководство, а там, где она все-таки происходит, она принимает форму наполнения прежних лозунгов и постулатов новым содержанием, а не их открытой замены на новые.

Так, объективно (хотя это и не формулируется прямо идеологами КПК) меняется наполнение главного концептуального тезиса КПК о развитии *«социализма с китайской спецификой»*.

Когда этот тезис был сформулирован китайскими реформаторами на заре реформ, он был направлен против коммунистических ортодоксов-леваков и той части общества, что верила в «идеалы коммунизма». И означал, что Китай сохраняет приверженность социализму марксистско-ленинского и маоистского содержания, но идет к марксистскому коммунизму «собственным путем». Это позволяло Дэн Сяопину и его сторонникам проводить рыночные реформы и политику открытости, отвергая обвинения леваков в ревизионизме и отходе от коммунистических принципов неприятия частной собственности и рыночных отношений.

Сегодня же этот тезис означает, что Китай идет *по пути рыночно-демократических трансформаций и глобального соразвития своим темпом и в своем варианте*. Идя по этому

¹ Многие китайские интеллектуалы, в т.ч. члены КПК, особенно представители молодого и среднего поколения, в неофициальных комментариях и комментариях в китайских блогах, не скрывают разочарования концептуальными итогами съезда.

пути, Китай уже миновал «точку невозврата» к марксистско-ленинскому и маоистскому коммунизму.

Однако не все компоненты китайской общественной модели развиваются одинаковым темпом и с одинаковым успехом. Кроме того, саморазвитие порождает естественные негативные последствия.

Замедленная модернизация *научно-технологического* потенциала пока не позволяет Китаю осуществить столь же видимый, как по количественным показателям, рывок в области *качественных* характеристик экономического роста. Здесь Китай отстает не только от США, но и от Японии, ЕС, Южной Кореи.

В свою очередь, нынешний переход на инновационное развитие выявляет *неготовность менее развитых* секторов китайской экономики к адаптации инноваций.

С естественным запозданием развивается и зависимая от экономики *социальная сфера* (сначала экономический рост – затем перераспределение его результатов в пользу потребления). Негативными последствиями этого являются рост социального расслоения и недовольства менее успешных слоев населения своим положением.

Модернизация *военного сектора* до последнего времени шла меньшим темпом, чем экономики. Однако ускорение в последние 2-3 года военной модернизации имеет своим негативным последствием рост подозрительности и недоверия к Китаю со стороны региональных соседей.

2.5. Капиталистическая экономика китайского образца в среднесрочной перспективе

У Китая есть все шансы сохранить высокую динамику экономического роста на уровне 8-9% в год. Этому будет способствовать новая экономическая стратегия Китая, состоящая в отходе от стратегии высоких темпов роста любой ценой; ставке на качество роста; инновационной стратегии и стратегии «зеленого роста».

Уже сейчас из страны – мировой фабрики товаров – Китай превращается в мировую фабрику товарных брендов и в «мировой рынок огромного платежеспособного спроса». Стратегические перспективы Китая состоят в том, что рост спроса на товары длительного пользования и люксовые товары перерастает в спрос на инновации, высококачественную рабочую силу, робототехнику и т.п.

Фактор Китая стратегически будет вызывать изменение международного разделения труда. Трудоемкие и грязные производства будут перемещаться из Китая в менее развитые страны ЮВА, Южной Азии, Африки. В Африке произойдет изменение направлений китайских инвестиций: от ресурсов и инфраструктуры к производству трудоемких готовых изделий.

Китай ожидает превращение в 10-летней перспективе (по мере интернационализации юаня и открытости китайских финансовых рынков) в мировой финансовый центр. В среднесрочной перспективе Китай может стать главным мировым экспортером капитала, держателем правительственных ценных бумаг ведущих мировых стран.

Китай будет расширять региональный спрос на свой экспорт – за счет активизации работы (с АСЕАН) и создания новых (Китай – Япония – Южная Корея) региональных зон свободной торговли.

Однако у новой стратегии существуют ограничители:

- ✓ *естественные*: дефицит ресурсов, ограничители экологического характера;
- ✓ *исторические*: неразвитость собственной базы фундаментальных исследований, сохраняющаяся закрытость финансовых рынков Китая и т.п.;
- ✓ *структурные*: как уже отмечалось выше, 50% населения – живет в отсталой деревне. Еще 15% - внутренние мигранты (из деревни в город и обратно).

Неурбанизированное население является резервом пополнения среднего класса Китая и продолжения экономического роста. Вместе с тем, его использование потребует старых экстенсивных приемов: инвестиций в инфраструктуру, в урбанизацию, в систему образования и медицинского обслуживания на селе, в развитие трудоемких производств, обеспечивающих занятость.

Робототехника и вывоз трудоемких производств за рубеж, с одной стороны, повышает производительность труда в Китае, но одновременно убивает спрос на мало- и среднеквалифицированную рабочую силу – с негативными последствиями для социальной стабильности.

Новые и перспективные тренды переноса производств, инновационной стратегии, внедрение роботов и т.п., о которых упоминалось выше, могут привести к кризису в «отсталом сегменте» китайской экономики.

Отсюда ожидаемые негативные последствия – безработица, социальные протесты, еще больший разрыв в жизненном уровне.

Двухрусность китайской экономики потребует поддержания высоких темпов государственных и частных инвестиций и, одновременно, проведения структурных реформ в пользу инновационных, ресурсосберегающих и «зеленых» технологий.

В случае ускорения экономического роста новое китайское руководство может стать заложником ловушки, в которую попало нынешнее правительство в последние два года. Речь идет о замедлении инвестиций в экономику, приведшем к замедлению экономического роста из-за опасений высокой инфляции и «финансовых пузырей»¹.

¹Здесь Китай столкнулся с фактором «умной силы» в международных отношениях. После мирового финансового кризиса 2008-2009 гг. Китай резко укрепил свои позиции в мировой экономике и приобрел имидж «спасителя» многих стран. Это вызвало озабоченность в антикитайски настроенной части американской элиты. Появилась идея притормозить Китай. Не замедлить сильно – т.к. Китай – важный фактор мирового спроса, в т.ч. и на продукцию США, а именно притормозить. Отсюда стали появляться статьи, проводиться конференции на тему о критических долгах китайских местных правительств, о «перегреве» на рынке недвижимости, о рисках финансовых «пузырей». Интеллектуальный натиск оказался достаточно сильным и убедительным, чтобы подвести китайскую научную и политическую элиту к мысли о необходимости снизить темпы роста инвестиций в Китае, ввести ограничения на покупку недвижимости и т.д.

Макроэкономическая ошибка такого рецепта в том, что данный подход, во-первых, не учитывает растущие потребности в капитале второго, менее развитого яруса китайской экономики. Без инвестиций в этот сектор не будет ни роста внутреннего спроса, ни роста числа рабочих мест. А во-вторых, игнорирует потребности среднего класса, заинтересованного в наращивании (в частности, через инвестиции в жилье) своего личного капитала.

Замедление темпов экономического развития Китая может произойти вследствие намечающегося после 18-го съезда КПК перераспределения государственных инвестиций в пользу *военной модернизации*.

Замедление темпов урбанизации и роста численности среднего класса вследствие наращивания военных расходов негативно скажется на общей экономической и социальной динамике.

Нахождение нового баланса между экономической и военной модернизацией станет одной из главных дилемм нового руководства в среднесрочной перспективе.

3. Внешняя политика КНР в условиях глобализации

3.1. Изменение места Китая на мировой политической арене

По мере развития процессов глобализации, с одной стороны, и роста экономического, военного и политического потенциала Китая – с другой, восприятие Китая глобальными политическими игроками с очевидностью меняется. На протяжении последних тридцати лет Китай в глазах западных политиков из «коммунистического заповедника и захолустья» постепенно превратился в динамичную рыночную супердержаву с амбициозным коллективным руководством, держащим страну под относительно эффективным контролем, и растущими аппетитами в отношении новых рынков, активов и сфер влияния.

С другой стороны, и сам Китай стал чувствовать себя на международной арене гораздо более уверенно, более заинтересованно смотреть на окружающий его мир, жестче отстаивать свои внешнеполитические позиции. Если в прошлом китайское руководство полагало, что Китаю рано брать на себя роль активного игрока в глобальной политике, то сегодня оно все чаще ощущает, что это время уже настает, и Китаю необходимо играть роль активного игрока на глобальной политической сцене.

Китай заинтересован в усилении своего влияния на систему глобального управления для повышения своего политического статуса на международной арене, а также для укрепления своей экономики, в том числе через расширение использования китайского капитала и национальной валюты в международной финансовой системе.

3.2. Глобальная роль КНР глазами китайского руководства

С 2003 г. китайское руководство, возглавлявшееся тогда бывшим председателем Ху Цзиньтао, активно продвигало идею построения «гармоничного мира», которая не противоречит глобализации, но направлена против единоличного лидерства США в системе глобального управления. Эта идея, однако, не приобрела международную значимость, поскольку изначально носила формализованный и малоконкретный характер, и по сути сводилась к набору самоочевидных положений типа «мир должен развиваться гармонично», «необходима гармония между бедными и богатыми странами», «региональные конфликты должны решаться мирно» и т.д.

В 2012 г. была предпринята новая попытка сформулировать идеологическую основу китайской внешней политики. В ноябре, выступая на выставке «Дорога к возрождению» в Национальном музее Китая, новый Председатель КНР Си Цзиньпин впервые выдвинул идею «китайской мечты».

Первоначально этот лозунг был ориентирован на внутреннюю аудиторию как возможная альтернатива идее «социализма с китайской спецификой». Однако в следующем году на саммите стран БРИКС в ЮАР Си Цзиньпин упомянул «китайскую мечту» уже как идею, обращенную вовне. Новое ее прочтение состояло в том, что ее реализация в КНР будет позитивно влиять на глобальное развитие.

Как и в случае с теорией «гармоничного мира», ясной концепции «китайской мечты» пока нет. В выступлениях Си Цзиньпина содержалась лишь самая общая ее трактовка как

«построение мощного Китая, возрождение китайской нации и рост благосостояния народа». В результате «китайская мечта» пока не стала внятной альтернативой западной концепции единого глобального мира.

Трудно сказать, будет ли дальше развиваться внешнеполитическая составляющая «китайской мечты» или все же миру будет предложена более конкретная китайская идея нового миропорядка. Не ясно также, окончательно ли оставлена идея Ху Цзиньтао о «гармоничном мире». В целом, внешнеполитическая доктрина Китая находится в стадии разработки.

3.3. Подключение Китая к системе глобального управления

Тем не менее, вне зависимости от обсуждения основополагающей официальной доктрины своей внешней политики Китай активно действует в рамках сложившейся системы управления международными отношениями.

Так, Китай постепенно занимает позицию лидера группы стран БРИКС. Это наглядно проявилось в результатах встречи глав БРИКС во время саммита G20 в Санкт-Петербурге, когда была достигнута договоренность о создании нового Банка развития и валютного пула БРИКС. По предварительной договоренности, из общего объема валютного пула, определенного в 100 млрд. долл., Китай внесет 41 млрд. долл., в то время как Бразилия, Индия и Россия сделают взносы по 18 млрд. долл., а Южная Африка – 5 млрд. долл. Китай также обеспечит формирование преобладающей доли капитала Банка развития.

Вместе с тем, понимая ограниченность своих возможностей участия в таком управлении на глобальном уровне, китайское правительство делает акцент на активное продвижение своей позиции и своих интересов на региональном уровне, в первую очередь через активность в рамках двусторонних связей со странами Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии, а также в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Говоря же объективно, нельзя не отметить, что возможности и ресурсы КНР для осуществления активной внешней политики существенно возросли, и, главное, сфера его интересов вышла за рамки отношений с соседними странами и получила если не глобальное, то, во всяком случае, региональное измерение.

В первую очередь, сказанное относится к азиатско-тихоокеанскому региону, где максимально сосредоточены экономические и политические интересы Китая.

Стратегия усиления влияния КНР в Тихоокеанской Азии базировалась, в сущности, на следующих основных моментах. Во-первых, Китай предлагал некую альтернативу американскому варианту глобализации. Во-вторых, выступал экономическим локомотивом развития всего региона. В-третьих, представлял себя спасителем региональной экономики от возможных драматических последствий азиатского финансового кризиса 1997-98 гг. и мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг.

Однако Китай столкнулся с целым рядом проблем, затрудняющим решение им своих региональных геополитических задач. Так, зашли в тупик шестисторонние переговоры по северокорейской ядерной проблеме, обострились территориальные споры в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях.

В рамках ШОС Китай столкнулся, во-первых, с игрой стран-участниц на противоречиях между Китаем и Россией и, во-вторых, с противодействием России, которая,

опасаясь потери лидерства, выступает против превращения ШОС в экономическое объединение.

Для преодоления этих проблем Китай делает ставку на диалог с США в создании новой конфигурации системы безопасности в этом регионе с учетом роли и позиций Японии, Южной Кореи и России.

В области экономических связей Китай делает акцент на более тесные отношения со странами Восточной и Юго-Восточной Азии. В 2010 г. официально создана зона свободной торговли в формате АСЕАН плюс Китай. Одновременно КНР участвует в переговорах о создании подобной зоны с Японией и Южной Кореей. Из-за обострения в последнее время территориального спора с Японией, китайское правительство активизировало усилия по созданию двусторонней зоны свободной торговли с Южной Кореей. В начале сентября 2013 г. завершился первый этап переговоров, по итогам которого была достигнута договоренность о том, что 90 процентов товаров в китайско-южнокорейской торговле будут освобождены от таможенного обложения.

Параллельно усиливается внимание КНР к Центральной Азии. Во время своего турне по странам этого региона в сентябре 2013 г. председатель Си Цзиньпин предложил создать экономическую зону «Шелкового пути», которая, по сути, позволит Китаю обойти противоречия, возникшие в ШОС и занять лидирующие позиции во внешней торговле центральноазиатских государств.

В своей деятельности в рамках международных организаций КНР не делает демонстративного акцента на противостоянии США и их союзникам, хотя и не боится, в случае необходимости, продвигать собственную позицию, отличную от позиции США и Европы.

В целом Китай пока не вышел на необходимый уровень влияния на глобальную систему управления. Качество идей и количество ресурсов, используемых для того, чтобы оказывать влияние на мировую политику и экономику, остаются недостаточными. Вместе с тем, со временем этот недостаток будет восполнен, и влияние Китая будет возрастать. Также Китай, скорее всего, предложит свою собственную доктрину будущего мироустройства.

Пока же Пекин предпочитает не конкретизировать свои стратегические тезисы «гармоничного мира» и «ответственного лидерства» и, тем самым, не брать на себя слишком большую ответственность за состояние международных отношений. Существенной активизации усилий по повышению роли Китая в вопросах, которые непосредственно не затрагивают безопасность КНР, но важны для приобретения статуса державы с глобальными международными интересами, можно ожидать только после фундаментального укрепления позиций нового руководства страны.

4. Основные направления внешней политики Китая в меняющемся мире

В географическом отношении главными направлениями внешнеполитической активности Китая предсказуемо являются его отношения со своими историческими соседями, то есть со странами, расположенными в непосредственной географической близости от Китая – Японией, Кореей и странами Юго-Восточной Азии – и с основными мировыми центрами силы, расположенными за пределами Тихоокеанской Азии – США и Европейским Союзом. При этом в долгосрочной перспективе относительная значимость последних имеет тенденцию к возрастанию, что, однако, не означает снижения интереса Китая к управлению своими взаимоотношениями с соседями по региону.

Особое место на карте китайской внешней политики занимает Россия, которая одновременно является одним из мировых центров силы и географическим соседом Китая, что почти автоматически означает наличие длительной истории активных экономических и культурных связей между странами и народами.

4.1. Отношения с Японией

Отношения КНР с Японией сложны и противоречивы. Ключом к пониманию сути взаимодействия между Китаем и Японией во всех без исключения сферах международных отношений, включая их гуманитарные аспекты, является логика сотрудничества и одновременно – соперничества.

В области экономических связей Китай и Япония являются и на ближайшую перспективу останутся друг для друга важным партнером и ресурсом экономического роста.

Для Японии КНР является важной производственной и ресурсной площадкой транснационализации японского бизнеса, а также растущим рынком для его технологичной продукции. Несмотря на рост издержек и политических трудностей, Китай продолжает оставаться выгодной сферой перспективного использования японскими компаниями своих финансовых, технологических и интеллектуальных ресурсов.

В свою очередь, для Китая отношения с Японией – важный инструмент политики стимулирования деловой активности в стране. Хотя удельный вес Японии во внешней торговле КНР в последние годы снижается, за ней сохраняется роль важнейшего (наряду с США и Европой) торгового партнера, ключевого иностранного инвестора и поставщика технологий, а также объекта взаимодействия при продвижении китайской продукции в третьих странах.

Имеются элементы сотрудничества и даже партнерства двух держав и при обсуждении идей переустройства международной валютно-финансовой системы с учетом уроков кризиса 2008-2009 гг.

Так, Япония разделяет желание Китая уменьшить роль американского доллара как международной резервной валюты и укрепить региональные механизмы регулирования финансовых рынков в рамках Северо-Восточной Азии (СВА). Оба государства склонны выступать в поддержку регионализации нынешней международной финансовой архитектуры, которая и Китаю, и Японии видится пережитком послевоенной

американоцентричной модели мирового устройства, не соответствующим реалиям XXI столетия. В этой связи Китай и Японию объединяет идея привлечения большей доли международных финансовых операций на азиатские площадки (в противовес традиционному доминированию в этой области евроатлантической системы международных рынков капитала).

Правительство КНР в рамках стратегии диверсификации состава китайских золотовалютных резервов увеличивает долю своих вложений в японские ценные бумаги, главным образом в деноминированные в иенах гособлигации.

Обе страны также поддерживают идею ограничения масштабов спекулятивных операций на мировых товарных рынках, прежде всего на рынках нефти и продовольствия.

Но существуют и реальные противоречия между Китаем и Японией. Хотя японское правительство, в отличие от США, не «зацикливается» на проблеме контролируемого и заниженного курса юаня, оно демонстрирует растущее раздражение сохранением в КНР элементов валютного контроля, прежде всего в части операций с капиталом. С настороженностью смотрит Япония и на попытки Китая повысить международный статус своей валюты, в частности использовать ее в торговле с некоторыми торговыми партнерами, а также для номинирования кредитов, предоставляемых в порядке помощи развивающимся странам и содействия китайским зарубежным инвестициям.

Сочетание отношений сотрудничества с жестким соперничеством и серьезным взаимным недоверием характерно и для сферы собственно политических двусторонних отношений.

С одной стороны, Китай и Япония, осознавая свое значение друг для друга как экономических партнеров, постоянно поддерживают политический диалог и стараются избегать ситуаций, при которых периодически возникающие между ними обострения разногласий могли бы разрушить механизм хозяйственного взаимодействия. Обоюдное выражение готовности прилагать все возможные усилия для развития дружбы и сотрудничества и «спокойного решения проблем» между двумя странами стало уже привычным ритуалом встреч на высшем уровне.

Растущее в последнее время в японской политической элите недовольство ролью вечного должника США, которая была отведена стране в рамках «демократического сообщества» в общей картине политического устройства послевоенного мира, объективно толкает Японию к координации своей позиции по многим глобальным вопросам с политикой КНР.

С другой стороны, между КНР и Японией объективно существуют политические противоречия, которые периодически оборачиваются вспышками напряженности во взаимных отношениях. К таковым относятся, в частности:

- ✦ сохраняющийся территориальный спор по поводу принадлежности островов Сэнкаку (Дяюйдао), инциденты вокруг которого регулярно поднимают градус антияпонских настроений в КНР, в том числе не только на официальном, но и на массовом уровне;
- ✦ крайне настороженное отношение каждой из двух стран к наращиванию партнером своего военного потенциала;

→ объективно существующие политические амбиции КНР и Японии, которые одновременно (и по умолчанию) претендуют на роль региональной супердержавы в тихоокеанской части Азии.

Кроме того, две страны разделяют различные подходы к некоторым частным проблемам, имеющим большое значение в глазах китайской либо японской стороны. В частности, для КНР раздражителем являются фактическое признание Японией ядерного статуса Индии, ее неоднозначная позиция по тибетскому вопросу, поддержание активных связей с Тайванем и стремление расширить практику участия японских военнослужащих в международных «миротворческих операциях».

Следует заметить, что в конце 2012 г. градус противоречий по территориальному вопросу повысился очень сильно, вплоть до того, что возможность вооруженных инцидентов в районе островов Сэнкаку (Дяоюйдао) перестала быть чисто гипотетической. Сопровождавшая это обострение вспышка антияпонских настроений в Китае сильно сократила продажи в Китае товаров японских компаний, в первую очередь автомобилей, а также их производство на предприятиях в КНР.

Тем не менее, Япония остается одним из важнейших направлений китайской внешней политики, и КНР, несомненно, будет прилагать все усилия, чтобы ситуация в двусторонних отношениях не вышла из-под контроля и не нанесла ущерба долгосрочным интересам Китая.

4.2. Корейский полуостров

Взаимоотношения в рамках треугольника «Китай – Северная Корея – Южная Корея» остаются для Китая одним из наиболее приоритетных узлов мировой международной политики. В известном смысле, в китайско-корейских отношениях ясно отражается логика действий китайского руководства в отношении всего внешнего мира, его внешнеполитические приоритеты.

В развитии отношений с Югом (Республикой Корея) КНР явно преследует политические и экономические цели: с одной стороны, укрепить свои претензии на политическое лидерство в этом регионе, с другой – использовать потенциал сотрудничества с РК в качестве дополнительного импульса для развития китайской экономики.

Экономические цели реализуются относительно более успешно: РК является для КНР крупным торговым и технологическим партнером, источником инвестиций и, во многих отношениях, альтернативой США и ЕС. Политические отношения в большой мере отягощены подозрительным отношением РК к экономической помощи Китая Северной Корее, которая часто рассматривается как свидетельство желания Пекина заморозить нынешнее конфликтное положение на полуострове и не предпринимать серьезных усилий для ослабления напряженности.

Отношения КНР с Северной Кореей (КНДР) противоречивы и неровны, хотя обе стороны и стараются не предавать гласности свои споры и разногласия даже в периоды их обострения. КНР осторожно осуждает действия КНДР, направленные на разработку и производство ядерного оружия и средств его доставки, и дает понять, что его поддержка

руководства Северной Кореи в случае острого противостояния с Западом будет иметь свои пределы.

Тем не менее, КНР остается главным экономическим донором Северной Кореи и выступает против ужесточения международных санкций в отношении нее, призывая искать решение на пути диалога с существующей в КНДР властью. Китай обоснованно считается одним из ключевых участников процесса шестисторонних консультаций по ядерным проблемам на Корейском полуострове, несмотря на то, что КНДР неоднократно давала понять, что предпочитает обсуждать проблемы и достигать договоренности в формате двусторонних переговоров с США.

4.3. Отношения со странами АСЕАН

Дипломатия КНР на этом направлении также очень активна и направлена, в первую очередь, на достижение экономических целей. КНР связана с АСЕАН соглашением о зоне свободной торговли (действует с начала 2010 г.), что позволило ей существенно увеличить объемы экспорта в страны Ассоциации. В рамках программ помощи Китай ведет строительство инфраструктурных объектов; направляет в эти страны своих специалистов.

Экономические связи КНР пытается активно использовать как средство распространения своего политического влияния на этот регион, позиционируя себя как развивающуюся страну, связанную со странами АСЕАН общими интересами борьбы за «место под солнцем» в условиях «засилья» развитых стран в мировой экономике.

Вместе с тем, именно со странами АСЕАН Китай имеет множество конфликтов, связанных с неурегулированностью территориальных споров, межэтническими трениями с участием китайского населения на территории этих стран, агрессивным проникновением в них китайских товаров и китайского бизнеса. Попытки китайской стороны вывести эти споры за рамки отношений с АСЕАН как с организацией, а то и вообще за рамки межгосударственных отношений, служат причиной дополнительных трений, порой перерастающих в серьезную напряженность. Со стороны стран АСЕАН периодически раздаются протесты в связи с жесткими действиями Китая по реализации односторонне установленных им прав на хозяйственное использование ресурсов спорных акваторий.

Тем не менее, АСЕАН и Китай сохраняют тесные контакты и периодически подтверждают готовность вести заинтересованный диалог по проблемам региона и координации интеграционных усилий.

4.4. Отношения с США

В целом китайско-американские отношения в последние годы развиваются сложно, скорее волнообразно, нежели поступательно, и с большими особенностями в зависимости от конкретной области или сферы.

В самом общем виде эти отношения характеризуются *одновременным развитием двух линий*. Первая из них – это поиск путей координации интересов двух стран как в экономической, так и в политической сферах, вторую составляют обоюдные попытки ограничить влияние друг друга в региональной политике. При этом, очевидно, в первую очередь речь идет о регионе Северо-Восточной Азии, где эти интересы вступают в

непосредственный контакт, а во многом – и в очевидное противоречие, а также о тихоокеанском пространстве в целом.

Обе названные линии развиваются параллельно, однако на некоторых временных отрезках одна из них может явно преобладать над другой. Вместе с тем, и та, и другая линии имеют под собой объективные основания, которые существуют независимо от представлений и желаний участвующих в двусторонних отношениях сил и персон. Соответственно, дуализм тенденций является закономерным и будет сохраняться на обозримую перспективу.

Главный вопрос, создающий неопределенность во взаимоотношениях и объясняющий, на наш взгляд, частую смену доминирующей в них тенденции – это неоднозначное отношение президентских администраций в США к оценке места Китая в современном политическом миропорядке.

Действительно, с одной стороны, растущий экономический и военный потенциал Китая и рост его международной активности вынуждают США признавать Китай в качестве самостоятельного игрока, претендующего на роль одного из региональных, а в перспективе, и глобальных лидеров. Собственно, появление концепции «большой двойки» (США и КНР), хотя бы в качестве темы для обсуждения, является тому лучшим свидетельством.

С другой стороны, американский политический класс пока не готов признать за Китаем право выступать в роли военного и политического противовеса США в мире, исходя из своего убеждения, что сегодняшний экономический и политический вес Соединенных Штатов гарантирует им неоспоримое лидерство в решении международных проблем. Полагая, что США могут и должны сдерживать международные политические амбиции Китая, в том числе путем американского военного присутствия в АТР, американские политики, как правило, считают недопустимым позволить Китаю делать то же самое в отношении США.

Более того, влиятельная часть американского истеблишмента полагает, что непрозрачность политической жизни Китая в сочетании с присущими ему традициями авторитарного управления и, главное, невозможность влиять на нее извне делают КНР принципиально враждебной США силой. Эта часть истеблишмента считает оправданным и необходимым продвигать в американском общественном сознании образ китайского руководства как жесткой антилиберальной «диктатуры», изначально противостоящей, по ее мнению, «американским ценностям». Линия, которую они предлагают в отношении КНР – это, главным образом, политика «сдерживания» – как политическими средствами, так и посредством наращивания военного присутствия США в Северо-Восточной и Восточной Азии.

Фактическая же политика США в отношении Китая эклектична и частично отражает все вышеобозначенные подходы. Признавая растущие возможности Китая оказывать влияние на экономическую и военно-политическую ситуацию в тихоокеанской части Азии, Соединенные Штаты относятся к расширению этих возможностей с тревогой и настороженностью. Соглашаясь вести формально равноправный диалог с руководством «коммунистического» Китая, США (тем не менее) исходят из того, что именно они являются главным гарантом безопасности и мира в этом регионе и, соответственно, единолично и по

собственному усмотрению определяют необходимое для этого количества размещенных в нем сил и средств. США готовы прислушиваться к выражаемым китайскими властями подходам и «озабоченностям» в сфере безопасности, однако при формулировании своей оборонной и внешнеполитической доктрины исходят исключительно из собственных, американских интересов и представлений.

Кроме того, Соединенные Штаты не намерены модифицировать имеющиеся у них в этом регионе военно-политические союзы, прежде всего с Японией и Южной Кореей, чтобы адаптировать их к китайскому видению региональных проблем безопасности.

Наконец, усилия по поиску точек взаимодействия между Соединенными Штатами и КНР не мешают и, по мнению американского руководства, не должны мешать Соединенным Штатам продвигать в этом регионе, как и в остальном мире, постулаты «либеральной демократической модели» политического устройства и поддерживать силы, которые они считают своими идеологическими союзниками, даже если они являются в своих странах оппонентами действующей официальной власти.

В тех случаях, когда все названные соображения объективно заставляют США действовать вопреки мнению и даже требованиям руководства КНР, они без колебаний идут на такие действия, даже если это приводит к обострению противоречий и охлаждению (в краткосрочном плане) атмосферы двусторонних отношений. Тем не менее, в том, что касается долгосрочной перспективы, среди высшего слоя американского политического класса преобладает понимание объективно неизбежного повышения международного статуса КНР и необходимости поиска путей адаптации к новой реальности.

Соответственно, диалог с властями КНР возведен в ранг одной из приоритетных задач внешней политики США, и к его развитию подключены высококвалифицированные эксперты и ведущие научно-аналитические центры США. Всячески поощряются контакты с китайской элитой на неофициальном и неформальном уровнях, в том числе через американских экспертов и бизнесменов китайского происхождения. Американская администрация тщательно следит за тем, чтобы враждебные выпады в адрес Китая со стороны отдельных политиков не воспринимались как демонстрация враждебности со стороны США в целом, а меры усиления американского военного присутствия на Тихом океане не выглядели попыткой взять «в кольцо» Китай. Кроме того, администрация Обамы старается приглушить периодически раздающиеся в конгрессе призывы к жестким санкциям в отношении китайских компаний, имеющих интересы на территории США, под предлогом излишне тесных связей этих компаний с политическим руководством КНР и, возможно, с ее оборонными и разведывательными ведомствами.

Заявляя о безусловном приоритете обязательств, принятых США в отношении своих союзников, администрация нынешнего президента в то же время стремится по возможности сглаживать или, по крайней мере, не обострять их противоречия с Китаем. Характерна позиция, которую Вашингтон занял касательно недавнего обострения отношений КНР с Японией в связи с эскалацией напряженности вокруг о-вов Сэнкаку (Дяоюйдао). Несмотря на то, что США сами передали эти острова под японский контроль и к тому же связаны с Японией двусторонним Договором безопасности, Вашингтон избегает категорических формулировок в отношении претензий Китая на эти острова, предпочитая делать акцент на

том, что этот вопрос должен быть разрешен мирным образом путем переговоров между двумя сторонами.

Наконец, США дают понять, что надеются на конструктивную позицию и даже поддержку со стороны Пекина на шестисторонних консультациях по вопросу о ракетно-ядерной программе КНДР, выражая, в числе прочего, надежду на то, что Пекин использует для этого своё влияние на северокорейское руководство.

В свою очередь, и Пекин старается не подвергать отношения между двумя странами чрезмерным стрессам. Несмотря на жесткую антиамериканскую риторику китайских СМИ, официальные контакты КНР с США протекают, в целом, в спокойной и конструктивной атмосфере. Реагируя на несправедливые, с точки зрения Пекина, претензии со стороны США (в частности, по поводу управляемого курса юаня, цензуры интернета или жестких мер в отношении «диссидентов» и т.д.), Китай проявляет сдержанность в оценках и не идет на демонстративное обострение взаимных обвинений.

Он также воздерживается от резких, тем более силовых шагов во внешней политике, которые бы поставили США перед трудным выбором между сохранением отношений с Китаем и поддержанием своего престижа как государства, взявшего на себя роль «гаранта безопасности в Азии» – по крайней мере, в тех случаях, когда под вопрос не ставятся жизненные интересы Китая.

В своей деятельности в международных организациях Китай также не делает демонстративного акцента на противостоянии США и их союзникам, хотя и не боится, в случае необходимости, продвигать собственную позицию, отличную от позиции США и Европы.

Главное же – Китай пока не стремится выйти за рамки региональной дипломатии и взять на себя ответственность за глобальное состояние международных отношений, что с неизбежностью породило бы новый виток обострения китайско-американских противоречий. Сегодня КНР в лице ее руководства довольствуется защитой своих интересов (в том виде, в каком оно, то есть руководство, их понимает) в регионе, который оно считает их естественным сосредоточением, и занимает достаточно спокойную и не слишком активистскую позицию в тех вопросах международных отношений, которые не имеют непосредственного отношения к жизненным интересам Китая. Именно это является сегодня базой для определенной аккомодации внешнеполитических стратегий США и КНР, что позволяет им развивать взаимные контакты без неприемлемого ущерба для основополагающих принципов и приоритетов каждой из сторон.

Если теперь попытаться оценить перспективы китайско-американских отношений на среднесрочную перспективу, то есть на перспективу ближайших трех лет, то можно заметить следующее.

Несмотря на смену руководства в Китае, в ближайшие годы существенных изменений в китайско-американских отношениях, видимо, не произойдет. При том – что возможны как их ухудшение, так и улучшение, эти изменения будут происходить в достаточно жестких пределах, определяемых рядом факторов, неподконтрольных правительствам двух стран, по крайней мере в кратко- и среднесрочной перспективе.

Так, *пределы возможного ухудшения* отношений определяются сильной экономической взаимозависимостью двух стран. Китай как крупнейший в мире экспортер промышленной продукции, не может рисковать своими позициями на американском рынке или возможностями приобретать американские технологии, без того чтобы поставить под угрозу благоприятную экономическую динамику в КНР, которую руководство Китая справедливо считает условием социальной и политической стабильности в своей стране.

В свою очередь, для США Китай является важным торговым партнером и крупнейшим на сегодняшний день покупателем и держателем облигаций американского государственного долга. От ответственного поведения политических и финансовых властей КНР сегодня в значительной степени зависит динамика доходности американских долговых ценных бумаг, а значит и стабильность финансового положения американского федерального правительства. Да и динамика внутренних инвестиций в США в последние годы приобретает уже ощутимую зависимость от степени агрессивности инвестиционной активности в Соединенных Штатах компаний, прямо или косвенно аффилированных с китайским капиталом.

В этой связи КНР и США проявляют растущую готовность взаимно обсуждать свои позиции по таким вопросам, как либерализация международного торгово-инвестиционного режима, регулирование экспорта высоких технологий, защита интересов инвесторов и собственников в иностранных юрисдикциях, охрана прав интеллектуальной собственности.

Обе страны объединяет незаинтересованность в дестабилизации военно-политической ситуации в СВА, в том числе и в первую очередь на Корейском полуострове.

Кроме того, США и Китай имеют общие интересы в области так называемых «нетрадиционных» угроз и вызовов безопасности, исходящих от организованных криминальных сообществ, действующих в сфере киберпреступности, международного мошенничества, наркотрафика и т.д.; природных и техногенных катастроф, негативных климатических изменений. Характерно, что все эти вопросы в последние годы стали частью повестки межправительственных контактов, в том числе на высшем уровне.

Пределы возможного улучшения отношений двух стран определяются их соперничеством за влияние в этом регионе и американским общественным мнением, которое расценивает КНР как государство идейно чуждое и политически недружественное США.

Главными зонами конфликта интересов будут военное и, в первую очередь, военноморское строительство в Китае, непрозрачность его военного потенциала, территориальные споры и конфликты в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, а также чрезмерная, по мнению США, роль китайского государства в экономике и внешнеэкономической деятельности.

КНР, в свою очередь, будет испытывать возрастающее беспокойство по поводу так наз. «репозиционирования» США в Тихоокеанской Азии и увеличения их военного присутствия в регионе. Китай также испытывает большие опасения по поводу американских планов создания глобальной системы ПРО.

Кроме того, КНР не желает усиления американского влияния на процессы экономической интеграции в АТР и стремится продвигать те его форматы, которые исключают или ограничивают роль Соединенных Штатов.

С другой стороны, по таким вопросам, как стабильность на Корейском полуострове, снижение торговых барьеров в АТР и обеспечение безопасности судоходства в регионе, существует поле для сотрудничества США и Китая.

Что касается российской тематики, то Китай в своем политическом диалоге с Соединенными Штатами избегает публичных выпадов в адрес России, считая отношения с ней своим внутренним делом, не требующим вмешательства третьих стран. В то же время взаимные противоречия и фобии в российско-американских отношениях объективно облегчают Китаю решение его стратегических внешнеполитических задач, позволяя ему использовать разногласия между двумя крупнейшими ядерными державами для сглаживания остроты или отодвигания на задний план противоречий в отношениях Китая с каждой из них.

4.5. Отношения с Евросоюзом

Схожую логику Китай выдерживает и в своих отношениях со странами ЕС. Китай стремится микшировать претензии, которые ЕС постоянно высказывает в адрес Китая, обвиняя его в несоблюдении прав человека, репрессиях в отношении прозападно настроенных диссидентов, а также в агрессивных намерениях относительно Тайваня и, наоборот, заступничестве в отношении режима в Северной Корее. Отвергая эти претензии как, в лучшем случае, следствие предвзятости и непонимания ситуации, а в худшем – как вмешательство в чужие дела, Китай в то же время стремится не раздувать противостояние, а развивать официальные контакты с ЕС в конструктивном духе. Попытки же увязать вопросы экономических связей, и в первую очередь торговлю товарами, «чувствительными» с точки зрения безопасности, с требованиями внести изменения в китайскую политику, Китай игнорирует, считая их неизбежной данью европейских политиков собственной «общественности», враждебно настроенной по отношению к КНР.

Со своей стороны, Китай стремится использовать контакты со странами Западной Европы для того, чтобы, во-первых, оградить от давления и санкций европейские компании, инвестирующие и работающие в КНР; во-вторых, чтобы обеспечить по возможности беспрепятственный доступ китайских товаров на европейские рынки, и, в-третьих, чтобы попытаться найти общие интересы с Европой в реформировании деятельности международных экономических организаций, с тем чтобы уменьшить влияние на них США.

Примечательно также, что, несмотря на большие трудности, Китай стремится поддерживать на высоком уровне свою активность в рамках форума Азия-Европа (АСЕМ), считая, что главная идея форума – развитие сотрудничества между Азией и Европой без участия США – соответствует стремлению КНР добиваться изменения глобальной системы международных отношений в направлении ее большей полицентричности.

В последние годы налицо заметное усиление торговых и инвестиционных связей ЕС и Китая. Например, за 2007-2011 гг. товарооборот ЕС с Китаем рос ежегодно на 8,9%, тогда как в целом с внешним миром (включая КНР) объем торговли ЕС увеличивался ежегодно на 4,7%¹. При этом речь идет не только о постоянно растущих объемах поставок китайских

¹Пресс-релиз к 15-му саммиту ЕС и Китая: EU – China Summit (Brussels, 20 September 2012) – EU Relations with China // Fact sheet (<http://eeas.europa.eu>).

товаров на европейские рынки, что могло бы свидетельствовать лишь об обострении экономического соперничества Старого Света и Китая. Для Германии и других стран ЕС с конкурентоспособной экономикой наличие емкого рынка Китая в условиях кризиса в зоне евро стало одним из наиболее спасительных направлений переориентации собственного экспорта.

В результате Китай стал вторым по значению торговым партнером ЕС. В 2011 г. на КНР приходилось 8,7% товарного экспорта ЕС и 17,1% товарного импорта, а также 4,3% экспорта и 3,7% импорта услуг. За последние годы наблюдался колоссальный рывок Китая – ведь в 2000 г. на него приходилось, например, только 3% товарного экспорта ЕС и 7,5% товарного импорта (а в 2007 г. – соответственно 5,8% и 16,1%). При этом со всеми членами ЕС, кроме Германии, у Китая устойчивое положительное сальдо в торговле¹.

Еще заметнее сдвиги произошли в условиях мирового кризиса в сфере взаимных трансграничных инвестиций. По сути, улица с односторонним движением по переводу производственных мощностей из ЕС в Китай превратилась во встречный поток капиталовложений. Правда, пока все же количественно доминируют инвестиционные потоки из европейских стран. К тому же в обоих направлениях прямые инвестиции – наиболее устойчивый вид трансграничных капиталовложений – обеспечивают трансферт технологий преимущественно лишь из Евросоюза в Китай. Ведь китайские прямые инвесторы в ЕС демонстрируют не столько мотивы эксплуатации имеющихся у них активов, сколько мотивы прибавления новых активов. В частности, можно вспомнить приобретение шведской «VolvoCars» за 1,5 млрд. долл. в 2010 г., которое осуществила китайская «Geely Holding Group».

Вместе с тем специфика внешней активности ЕС такова, что Китай даже в среднесрочной перспективе будет оставаться второстепенным партнером для ЕС. В результате формально развиваемое стратегическое партнерство Китая и ЕС еще долго окажется лишено реальной стратегической составляющей.

Китайские эксперты, как правило, анализируют прогресс во взаимоотношениях с ЕС, отталкиваясь от ранее существовавшего характера взаимодействия двух партнеров, абстрагируясь от того, какое место связи ЕС с Китаем играют на фоне отношений ЕС с другими стратегическими партнерами. Например, они явно преувеличивают усиление роли европейского интеграционного проекта в качестве противовеса гегемонии США в духе китайской политики создания нового международного политического и экономического порядка².

Если же анализировать фактические действия ЕС по всем географическим векторам одновременно, то легко увидеть, что для него существует три уровня взаимодействия со странами, не входящими в ЕС:

¹ EU27 deficit in trade in goods with China down to 67 bn euro in the first six months of 2012 // Eurostat News release. 135/2012 – 18 September 2012.

² Статья Юй Хунцуня из Отдела внешних связей ЦК КПК «20 лет после распада СССР: последствия далеко не преодолены». Цит. по: Об отношениях между КНР и Европейским Союзом. – М.: Институт Дальнего Востока, 2012.

- страны-кандидаты на вступление в ЕС, потенциальные страны-кандидаты (в основном на Балканах), участники Европейской ассоциации свободной торговли (прежде всего Норвегия и Швейцария, которые сами в ходе всенародных референдумов регулярно отказываются вступать в ЕС);
- традиционные внешние партнеры – крупные державы (США и Россия) и малые страны из пояса соседства (Южное Средиземноморье / Ближний Восток, Украина, Белоруссия, Молдавия, страны Закавказья);
- прочие игроки – как имеющие тесные связи (например, бывшие колонии), так и страны, слабо раскрывшие потенциал взаимодействия с ЕС.

В случае третьей группы стран ЕС действует наиболее прагматично, особенно не интересуясь политическими режимами или экономическими моделями своих контрагентов. Это связано с тем, что изначально европейцы не ожидают распространения в этих странах так называемых европейских ценностей (хотя понятно, что трактовка этого понятия у разных экспертов и политиков различается), европейских социально-экономических моделей развития и т.д.

Несмотря на то, что интерес к неевропейским партнерам временами может значительно возрасть, надо четко осознавать, что перейти в понимании представителей ЕС из третьей группы стран во вторую в краткосрочной перспективе нельзя, а в долгосрочной очень сложно. Нередко настороженное отношение к противоположной стороне демонстрируют как простые граждане, так и политики в ЕС (впрочем, также и в Китае)¹. Соответственно, при том что внимание ряда европейских экспертов к китайской модели, которая показала в условиях мирового кризиса высокую степень устойчивости, в последние годы усилилось, Китай еще долго не будет для ЕС выполнять большую часть ролей, возложенных на США и даже на Россию.

Таким образом, усиление экономических контактов ЕС и Китая не должно вводить в заблуждение, будто вполне логично оно сопровождается в политической сфере углублением стратегического партнерства ЕС и Китая, о котором стороны договорились еще в 2003 г. На самом деле ЕС и Китай вкладывают разный смысл в содержание такого партнерства. Более того, несмотря на формальный прогресс по развитию стратегического партнерства, между ЕС и Китаем сохраняются существенные политические противоречия (начиная от эмбарго ЕС на поставки оружия и военной техники в КНР и претензий европейцев по соблюдению прав человека в Китае до некоторых разногласий с отдельными членами ЕС, например, по вопросу Тайваня).

Довольно сложными подчас оказываются торговые противоречия. ЕС и КНР как партнерам тяжело найти общие интересы, а совместные приоритеты по-прежнему концентрируются в сфере бизнес-контактов.

¹Europe and China: Rivals or Strategic Partners? // Policy briefing. 2011. November (<http://www.understandingchina.eu>). В качестве примеров в названной публикации приводятся результаты опросов китайцев, более не считающих ЕС важным центром силы, а также довольно неоднозначные высказывания китайских лидеров о современной экономике Евросоюза.

4.6. Китай и многостороннее сотрудничество в АТР

Китай прекрасно осознает, что к настоящему времени он превратился в одну из ключевых составных частей Азиатско-Тихоокеанского региона, без участия которого любые схемы создания интеграционных группировок будут ущербными. Это позволяет Китаю тщательно подходить к выбору площадок многостороннего сотрудничества, на которых он собирается вступать в предметные конструктивные переговоры.

Более того, на этих площадках Китай ведет свою собственную игру, отстаивая собственный взгляд на то, в каком направлении и с какой скоростью должны идти процессы снижения барьеров для торговли и инвестиций. Пекин также настаивает на том, что любые региональные организации и форумы не должны обсуждать вопросы, относимые к компетенции суверенных стран и правительств, включая вопросы соблюдения прав человека, особенности политических систем тех или иных стран, положение национальных меньшинств, вопросы их самоопределения и т.д. Кроме того, КНР считает свои отношения с Тайванем внутрикитайским делом, а попытки их публичного обсуждения – вмешательством во внутренние дела Китая.

С учетом вышеприведенных оговорок, Китай стремится не самоустраняться от участия в тех многосторонних форматах, где он имеет возможность, по его мнению, получить реальную экономическую выгоду (например, в виде снижения региональных барьеров для экспорта китайских товаров) и в то же время не брать на себя жестких обязательств, которые бы ограничивали его суверенитет в сфере хозяйственного регулирования. Тем более неприятны для Китая любые региональные форматы, могущие предоставить третьим странам (в первую очередь, США или Японии) возможность оказывать на КНР давление в политических вопросах, будь то его позиция по территориальным проблемам или линия в отношении оппозиционных или сепаратистских движений внутри КНР.

В целом, китайская внешняя политика является достаточно предсказуемой и адекватной своей главной задаче – созданию благоприятных условий для роста китайской экономики. Во многом в результате проведения подобной политики Китай смог привлечь огромный поток иностранных инвестиций, гарантировать своим производителям обширные рынки сбыта и обеспечить бесперебойное снабжение экономики промышленным сырьем и энергоносителями.

В то же время, очевидно, что с ростом экономической и военной мощи уверенность Китая в своих международных возможностях возрастает, и нельзя исключать, что претензии КНР на роль самостоятельного игрока на глобальной политической сцене будут возрастать.

5. Китай в АТР: региональный срез глобализации

5.1. Азиатско-тихоокеанский регионализм как срез процессов глобализации.

В силу географического положения и исторических обстоятельств для Китая в рамках общего процесса глобализации на первый план выходит его региональный срез – азиатско-тихоокеанский регионализм.

Теоретически, регионализм является особой формой интернационализации национальных хозяйств. Как и глобализация, он означает выход интересов хозяйственных субъектов за национальные границы и рост взаимозависимости государств, но ограничивает сферу этих процессов региональными рамками. Исторически регионализм может быть ступенью или этапом глобализации, но в определенных ситуациях может выступать в роли явления, противостоящего ей.

В зависимости от роли, которую регионализм играет в контексте общих процессов глобализации, выделяют два его вида – открытый и закрытый.

Открытый регионализм, хотя и устанавливает определенные преференции для ограниченного круга стран, рассматривает их экономическое развитие и интеграционное взаимодействие в контексте развития мировой экономики, находится в русле экономической глобализации. Этот вид регионализма служит своеобразной предпосылкой и этапом глобализации мировой экономики. Примером такого регионализма может служить, в частности, ЕС.

Закрытый регионализм, напротив, нацелен на защиту конкретного региона от втягивания в процесс глобализации и сопутствующих ей реальных или мнимых угроз. В этом смысле закрытый регионализм противостоит глобализации, противодействует ей. По сути, он представляет собой спроецированную на масштаб региона политику экономической автаркии («опоры на собственные силы»). Примером закрытого регионализма может служить деятельность бывшего Совета Экономической Взаимопомощи. Возможно, что именно стратегия закрытого регионализма бывших стран-членов СЭВ стала, наряду с другими известными факторами и обстоятельствами, причиной краха мировой социалистической системы, оказавшейся не способной адаптироваться к растущей экономической взаимозависимости стран мира.

Движение в сторону экономической интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), частью которого является Китай, имеет характер, скорее, открытого регионализма. Процесс интернационализации деловой жизни и интенсификации трансграничных хозяйственных связей и зависимостей на тихоокеанском пространстве можно рассматривать как часть экономической глобализации.

Особенность ситуации в этом регионе, однако, состоит в том, что в отличие от Европы здесь отсутствует сформировавшееся интеграционное ядро типа ЕС. Региональная интеграция здесь происходит в иных формах – в виде разноформатного и разноскоростного процесса.

Первая характеристика означает наличие и развитие различных интеграционных форматов. Параллельно с работой Форума Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), охватывающего практически все страны АТР, происходит

формирование ряда более узких субрегиональных интеграционных платформ или форматов. К последним, в частности, относятся так называемая группа СВА-3 (Китай, Япония и Южная Корея), АСЕАН и ряд форматов на его основе (АСЕАН+КНР, АСЕАН+3, АСЕАН+6, возможное дальнейшее расширение формата АСЕАН+... через реализацию идеи так называемого Регионального всеобъемлющего экономического партнерства), а также переживающее этап реорганизации сообщество под названием Транстихоокеанское партнерство (ТТП).

Вторая из названных характеристик означает, что интеграционные мероприятия проходят с разной скоростью в зависимости от формата интеграционной группировки и области конкретных мероприятий. В разноскоростном варианте проходит и либерализация торговых и инвестиционных режимов стран АТР – в соответствии с взятыми ими на себя обязательствами по двусторонним и отдельным многосторонним соглашениям, а также односторонними добровольными обязательствами.

В результате в настоящее время формирование общего экономического пространства в Тихоокеанской Азии идет по нескольким основным направлениям.

Во-первых, это сеть двусторонних (или трехсторонних, как в случае с Японией, Южной Кореей и КНР) соглашений о свободной торговле, которые заключаются странами региона не только между собой, но и с партнерами на других континентах.

Во-вторых, это интеграция уже заключенных двусторонних соглашений в многосторонние. По сути, первым масштабным экспериментом такого рода является вышеупомянутый проект РВЭП¹.

В-третьих, это проект Транстихоокеанского партнерства, который имеет высокие шансы на реализацию в формате, как минимум, 13 стран, включая Японию и часть государств АСЕАН. Главной отличительной чертой этого проекта является перспектива свободного доступа участников из числа стран Тихоокеанской Азии на североамериканский рынок, который для них является ключевым.

Параллельное развитие и расширение названных проектов в длительной перспективе может в конечном итоге привести к формированию единого азиатско-тихоокеанского экономического пространства.

5.2. Китай и азиатско-тихоокеанская интеграция

В целом масштаб взаимодействия Китая с внешним миром приобрел такие масштабы, что существующие проекты формирования в Азиатско-Тихоокеанском регионе крупной региональной зоны свободной торговли выглядят малоперспективными без привлечения к их реализации Китая. Кроме того, Китай уже сейчас приобретает возможность настаивать на участии в любых переговорах и соглашениях, определяющих на международном уровне

¹Задуманная АСЕАН как попытка объединить в одно целое соглашения о свободной торговле, подписанные этой организацией с Китаем, Японией, Южной Кореей, Индией, Австралией и Новой Зеландией, РВЭП провозглашается открытым для других участников, у которых есть соглашение о свободной торговле с АСЕАН. Теоретически это открывает возможность присоединения к РВЭП даже Европейского союза – переговоры о перспективе формирования ЗСТ между ЕС и АСЕАН идут с 2007 г.

правила ведения бизнеса и поведения правительств в тех или иных конкретных сферах и областях.

В этих условиях перед Китаем стоит сложная задача – исходя из своих представлений о желаемом формате участия страны в процессах глобализации, определиться с вопросом о приоритетности для Китая конкретных интеграционных платформ в этом регионе.

По существу, КНР находится сегодня в процессе поиска и определения своей позиции. Изучаются и проверяются возможности, создаваемые для Китая участием в работе той или иной интеграционной площадки, оцениваются сопутствующие риски и негативные последствия, делаются пробные шаги в различных направлениях.

Проблема АТЭС как наиболее широкой по составу участников организации в АТР состоит в том, что процесс ее институционализации в направлении заявленной цели формирования всеобъемлющей Азиатско-тихоокеанской зоны свободной торговли и, в перспективе, аналогичного экономического сообщества идет крайне медленно. Попытки ускорить этот процесс встречают противодействие со стороны стран-участниц форума, которым далеко не всегда удается согласовать свое видение развития азиатско-тихоокеанской экономики.

Что же касается идей и концепций локальной интеграции с более узким составом участников, то имеется несколько принципиально различающихся подходов, которые в разной форме пытаются реализовать образовавшиеся здесь субрегиональные форматы.

Одни политики и эксперты видят цель интеграционных процессов в АТР в противодействии совместными усилиями американскому и западноевропейскому доминированию на мировых товарных и финансовых рынках. Чрезмерная, по мнению некоторых, зависимость азиатских экономик от американского доллара стимулирует разработку различных концепций создания единой валюты для азиатской части тихоокеанского региона и единого, но отдельного от Европы и Северной Америки общего рынка.

Другие, напротив, рассматривают субрегиональные образования в АТР не как противостоящие североамериканской или западноевропейской интеграции, а как органически их дополняющие и позволяющие в перспективе перейти к единому мировому экономическому пространству.

Третьи предполагают поэтапность развития азиатской экономической интеграции на субрегиональных уровнях с минимальным ограничением полномочий национальных правительств и максимальным сохранением экономического суверенитета участвующих государств.

Китай сегодня в наибольшей степени склоняется к третьему из названных подходов. Считая своей главной задачей защиту и продвижение собственных национальных интересов (в том виде, в каком их видит партийное и государственное руководство), Китай с настороженностью подходит к любым попыткам ограничить национальный суверенитет в сфере экономической и финансовой политики, перевести принятие важных решений с межгосударственного на надгосударственный уровень. С этой точки зрения Китай видит двусторонние контакты и переговоры главным инструментом своей внешнеэкономической политики и не выражает склонности к отказу от них в пользу многосторонних

консультаций, не говоря уже об обязывающих решениях наднациональных органов и международных институтов.

Именно с таких позиций Китай подходит к заключению межправительственных соглашений о свободной торговле. Содержание заключаемых им договоров регулируется исключительно участвующими в них правительствами на индивидуальной основе. Причем этот же принцип соблюдается в затянувшемся процессе подготовки трехстороннего соглашения о свободной торговле между КНР, Южной Кореей и Японией, несмотря на то, что двусторонние контакты более уязвимы в случаях обострения существующих между странами политических проблем.

С таких же позиций Китай участвует и в консультациях в формате «АСЕАН плюс...». Поддерживая в принципе идею создания Восточноазиатской зоны свободной торговли (в формате АСЕАН+3) или похожей зоны в формате АСЕАН+6 (например, в результате реализации идеи создания Регионального всеобъемлющего экономического партнерства) Китай не форсирует шаги по ее созданию, предпочитая в большей степени использовать периодически организуемые консультации в этих форматах для отстаивания своих политических позиций.

Практика последних лет наглядно показывает, что КНР с настороженностью относится к любым международным проектам и форматам, где она не будет иметь возможность активно участвовать в определении повестки и эффективно блокировать решения, идущие, по мнению китайского руководства, вразрез с интересами своей страны.

Этот фактор определяет и отношение КНР к проекту Транстихоокеанского партнерства. Избегая резких оценок, во всяком случае при определении своей официальной публичной позиции, китайское руководство, вместе с тем, дистанцируется от участия в нем, справедливо полагая, что в этом случае станет объектом массированного давления со стороны американских и проамерикански настроенных переговорщиков, прежде всего по тем вопросам, которые являются предметом споров в двусторонних отношениях с США (регулируемый валютный курс китайского юаня, качество охраны прав владельцев интеллектуальной собственности, степень информационной прозрачности экономики и политики КНР, система отношений между государством и бизнесом в Китае).

В целом, риторика и действия Китая наводят на вывод о том, что на данном этапе он хотел бы ограничить движение в сторону интеграции географическими рамками Восточной и Юго-Восточной Азии и избежать включения в него стран, расположенных за пределами этого субрегиона. Одновременно Китай не высказывает желания присоединиться к тем интеграционным проектам на тихоокеанском пространстве, где ключевую роль играют США.

Другими словами, признавая как факт тенденцию к глобализации экономики современного мира, КНР в то же время демонстрирует решимость включаться в соответствующие процессы с осторожностью, сохраняя свободу собственных действий и максимально избегая ситуаций, когда ему пришлось бы принимать решения по воле или под давлением международных структур, на которые он не может оказывать весомое влияние.

6. Новая роль Китая: вызовы и возможности для России

Новое качество роли Китая в мире создает новые возможности и новые вызовы для мира и для России.

Китай становится стратегическим конкурентом России в традиционном квартете мировых лидеров (США, ЕС, Япония, Россия). Для России все явственнее вырисовывается ряд новых угроз:

▲ экономически – в силу своей роли экспортера энергоресурсов очутиться по «другую сторону баррикад» от ведущих мировых импортеров энергоносителей, включая Китай;

▲ политически – оказаться «дальше» от Запада, чем Китай, который, пусть и медленно, идет по пути демократических реформ (*внутрипартийная демократия, расширение правового поля и власти закона, а не партии, воспитание ответственного за свой выбор избирателя и т.д.*).

Возникает потребность в «дозагрузке» наших отношений с Китаем.

В качестве внутренней основы такой «дозагрузки» необходим глубокий, с использованием широкого круга экспертов, политиков и бизнесменов, анализ того, насколько обоснованы существующие в России негативные взгляды на «стратегическое партнерство» с Китаем, а также – корректировка на этой платформе российских подходов к тем или иным аспектам двусторонних отношений.

Анализ показывает, что в России, на сегодня, настроения в пользу сотрудничества с Китаем перевешивают негативное восприятие КНР. Вместе с тем, отрицательное отношение к дальнейшему углублению взаимодействия с Китаем в рамках так называемого «стратегического партнерства» существует и даже нарастает. В основе этого негатива лежат как традиционные, так и новые факторы.

Традиционные факторы связаны с антикитайскими чувствами, сохраняющимися в глубине души многих россиян среднего и старшего возраста, попавших под воздействие антикитайского воспитания «советских людей» в 60-80-ые годы.

Новые факторы обусловлены быстрыми изменениями внутри Китая, изменяющимся местом Китая в мире, переменами в российско-китайском сотрудничестве:

✓ быстро развивается российско-китайское экономическое сотрудничество и, как следствие, растет доля китайских товаров в потреблении россиян (по отдельным позициям до 30-50% рынка), растет объем китайских инвестиций в Россию, число китайских трудовых мигрантов (более 20% от всех официально зарегистрированных), число конфликтов и преступлений, связанных с китайцами;

✓ роль Китая в мировой и региональной политике и экономике активизируется настолько быстро, что российские политики не всегда успевают к этому адаптироваться;

✓ Китай все явственнее стремится играть активную и важную роль – но пока не понятную для российской политической элиты – в создании новой глобальной архитектуры безопасности и сотрудничества.

На основе традиционных и новых факторов укрепляются прежние и появляются новые негативные мнения относительно стратегического партнерства России и Китая. Их можно структурировать в следующем варианте.

☐ Сохраняется историческое недоверие к Китаю. Подобные настроения получают подпитку из нередких, на поверхности «мудрых», высказываний китайских политиков (чаще – пожилого возраста), сводящихся к тому, что Китай в любой момент может пересмотреть свой открытый подход к России.

☐ Россия воспринимается российской элитой как «часть европейской цивилизации», тогда как Китай – часть «азиатской (в трактовке россиян – «варварской») цивилизации». Отсюда делается вывод, что России надо стратегически ориентироваться на Европу, а не на Китай.

☐ В России устоялось суждение, что Россия – демократическая (пусть и со своими особенностями) страна, отказавшаяся от коммунизма, тогда как Китай – «коммунистическая страна». Отсюда суждение: Китай – не пример для России, и России «надо опасаться китайского коммунизма».

☐ В России нарастают опасения, что Китай – по мере усиления своих международных позиций – будет:

(а) во все большей степени действовать исключительно в своих интересах, игнорируя интересы России или противодействуя России и

(б) все чаще блокироваться с Западом. Вероятность того, что по мере сближения Китая и Запада, Россия может оказаться в маргинальном положении на мировой арене, рассматривается как стратегическая угроза России.

☐ На региональном уровне:

(а) активность Китая в Центральной Азии рассматривается как «выдавливание» России из этого региона;

(б) сближение Китая и Японии – как угроза интересам России в Восточной Азии;

(в) в рамках шестистороннего процесса по Северной Корее – Китай не проявляет конструктивного взаимодействия с Россией по «пятой группе» (безопасность в СВА), в которой Россия председательствует.

☐ Китай не может быть «стратегическим партнером», поскольку действует в своих интересах и создает новые проблемы в российской экономике.

Экономика Китая в стратегическом плане поглощает российские ресурсы, превращая Россию в «сырьевой придаток» и нанося невосполнимый урон природным богатствам России.

Китай «эгоистически ведет себя» в вопросах структуры импорта из России – не желая закупать больше обработанной российской продукции и, тем самым, усиливая сырьевой характер российского экспорта.

С 2007 г. Китай создает новые стратегические проблемы России, увеличивая свой экспорт более быстрыми темпами, чем импорт из России. В результате, впервые в российско-китайских отношениях, образуется дефицит торгового баланса в российско-китайской торговле. В стратегической перспективе – эта тенденция только усилится.

Рост экспорта китайских товаров в Россию приводит:

(а) к «заполнению российского рынка некачественными, опасными для здоровья китайскими товарами»,

(б) к разорению российского мелкого и среднего бизнеса.

Рост китайских мигрантов отнимает рабочие места у россиян. Около 60% россиян, по опросам ВЦИОМ, считают, что развитие сотрудничества с Китаем ведет к росту безработицы.

Рост китайских инвестиций в Россию создает угрозу «скупки» российских предприятий и территорий китайцами – что стратегически работает против интересов российского капитала.

Китай вступает в прямую конкуренцию российскому энергетическому бизнесу в Центральной Азии, в первую очередь в Туркмении и Казахстане, создавая серьезные стратегические угрозы энергетическим доходам России.

В долгосрочной перспективе конкуренция России и Китая за нефтегазовые ресурсы в Африке, на Ближнем Востоке, в Азии, Латинской Америке только обострится.

Китай препятствует налаживанию стратегического газового партнерства в Восточной Сибири, на переговорах с «Газпромом» жестко настаивая на своих «заниженных» ценах на газ.

Китай создает все нарастающие экологические угрозы р. Амур и не проявляет необходимой готовности к их решению – это подрывает стратегические основы сотрудничества.

Расширение сотрудничества с Китаем на Дальнем Востоке ведет к уничтожению российских заповедных лесов.

Не исчезла угроза захвата Китаем российских дальневосточных территорий:

- ✓ нашествие китайцев – в условиях дефицита жилья – ухудшает жилищные условия россиян;
- ✓ усиливается криминализация общества: по опросам, 50% россиян считают, что сотрудничество с Китаем ведет к росту преступности.

📖 Китай использует стратегическое сотрудничество с Россией для получения доступа к новейшим военным технологиям – что:

(а) создает в перспективе военную угрозу российскому Дальнему Востоку и

(б) может превратить Китай в конкурента России на международном рынке вооружений.

📖 В условиях потепления отношений с Тайванем Китай проводит военные учения в географических районах, по ландшафту близких к российским дальневосточным – что придает таким учениям потенциальную антироссийскую направленность.

📖 Глобальная активизация Китая по времени совпадает с восстановлением Россией своих международных позиций. *Гипотетически* это означает, что в стратегической перспективе будет появляться все больше сфер, где интересы России и Китая скорее конкурируют друг с другом, чем совпадают. *Стратегически* – позиции России и Китая по созданию новой мировой архитектуры безопасности и сотрудничества расходятся:

- ⇒ Россия – экспортер энергоресурсов и заинтересована в поддержании высоких цен на них,
- ⇒ Китай – импортер энергоносителей и заинтересован в уменьшении своей зависимости от импорта нефти и газа.

Отсюда делается вывод, что стратегически глобальные позиции Китая будут ближе к Японии, ЕС, отчасти США (поскольку крупный энергетический бизнес США также имеет интерес в поддержании высоких цен на нефть) и дальше от позиций России.

В Китае, в свою очередь, существует неоднозначное восприятие России. В интеллектуальной среде распространены мнения о том, что:

- ✓ Россия «все еще должна» Китаю часть своих дальневосточных территорий,
- ✓ российский бизнес – не такой надежный партнер,
- ✓ российские власти предвзято и необоснованно жестко относятся к китайцам, живущим и имеющим бизнес в России,
- ✓ Россия теряет свое мировое влияние: в экономике превратившись в «сырьевого поставщика», в политике – переместившись из «элитарного клуба» «Большой Восьмерки» в

разряд развивающихся стран формата БРИК, наравне с Китаем. (Кстати, сторонники последней точки зрения видят именно Китай вместо России в будущем составе «Большой Восьмерки», хотя официальный Пекин таким образом вопрос не ставит и продолжает настаивать на том, что Китай пока все еще остается развивающейся страной),

✓ Россия не играет существенной роли в АТР и т.п.

Если антикитайские мотивы в России и антироссийские в Китае будут оставаться без анализа и обоснованной реакции и, вдобавок, будут усиливаться и накладываться друг на друга, то наше «стратегическое партнерство» не просто лишится перспективы, но, с учетом возрастающей роли Китая в мире, может превратиться в новый вариант стратегического противостояния, не нужного ни россиянам, ни китайцам.

Исходя из сказанного, для России представляется стратегически рациональным качественно улучшить взаимодействие с Китаем:

(а) с тем, чтобы избежать обострения российско-китайских отношений по причинам, вызванным превращением Китая в нового мирового лидера;

(б) не упустить новые шансы, обусловленные активной международной финансовой и экономической политикой Пекина и новым характером китайско-американского, китайско-японского и, хотя пока и в меньшей степени, китайско-европейского партнерства.

В этом контексте «стратегическое партнерство» России и Китая рационально понимать в том смысле, что обе страны готовы совместно решать глобальные и долгосрочные проблемы. Они также готовы выявлять, открыто обсуждать и преодолевать те противоречия, которые вытекают из обостряющейся конкуренции России и Китая – как следствия приобретения Китаем нового международного качества.

Конечно, повышение эффективности двусторонних отношений, в первую очередь, требует постоянной, рутинной работы тех механизмов двусторонних отношений, которые уже созданы. Это высокие технологии, космос, экономика, торговля, миграция, экология, медицина, образование, приграничное и таможенное сотрудничество и т.д. Но сегодня одного этого уже недостаточно.

Необходимо высвечивать связь нашего двустороннего сотрудничества с новой архитектурой безопасности и сразвития в АТР и в мире в целом.

Двустороннее *взаимодействие* с Китаем по проблемам (а) традиционной и (б) нетрадиционной безопасности, (в) энергетическому, (г) высокотехнологическому и космическому сотрудничеству и т.п. важно развивать, имея в виду перспективу вывода его (*взаимодействия*) на многосторонний уровень.

Российско-китайское сотрудничество в военной сфере и сфере безопасности целесообразно повернуть в трех направлениях.

Первое – перестать рассматривать Китай как потенциального военного противника и пойти на более высокий технологический уровень сотрудничества с Китаем. Это позволит России сохранить часть китайского рынка вооружений и военных технологий после того, как вследствие процессов сближения Китая и Запада, с Китая будут сниматься существующие санкции и в Китай пойдет европейский и американский военный экспорт.

Второе – повернуть наше силовое взаимодействие на решение конкретных проблем безопасности в Центральной Азии (трансграничная борьба с терроризмом и сепаратизмом), на Корейском полуострове (в случае необходимости взятие под контроль наиболее опасных военных объектов Северной Кореи), на пространствах активности международного пиратства и т.п.

Третье – вовлекать Китай в диалог по ядерной безопасности. По мере реализации национальных ракетно-космических и ядерных программ Китая в перспективе может оказаться так, что одного прогресса в российско-американском взаимодействии в ракетно-ядерной и космической областях может оказаться недостаточно для обеспечения глобальной ядерной безопасности.

Имея в виду возрастающую актуальность задач формирования новой мировой архитектуры безопасности и соразвития, важно инициировать с Китаем *диалог по ценностям и концептуальным представлениям будущего мира*.

У современной России, как и у Китая, нет опыта ведения такого рода диалогов.¹ Но это не плюс, а минус внешней политики. Решение многих важнейших и острейших политических проблем заходит в тупик именно по причине отсутствия взаимного понимания в вопросах, что «хорошо» и что «плохо» в мировом развитии.

Без концептуального согласования таких понятий, как евро-атлантические ценности, общечеловеческие ценности, «ценностная» специфика китайских идеологических построений и их перспективы и т.п., нельзя обеспечить реального и эффективного сотрудничества по стратегическим вопросам миротворчества.

Проблемы создания правового государства, развития демократических преобразований в целях укрепления внутренней политической стабильности, вопросы глобальной взаимозависимости и взаимоответственности – все эти проблемы могли бы стать темами такого диалога.

Механизмы его проведения предполагали бы объединение усилий официальных структур и потенциала «второй дорожки».

В условиях финансового кризиса необходим также отдельный российско-китайский диалог по новому мировому финансовому миропорядку.

Содержательную часть важно повернуть к поиску наиболее эффективных совместных шагов России и Китая, которые бы усиливали наше участие и нашу роль в работе глобальных и региональных финансовых институтов. И были бы направлены на наше взаимодействие с мировыми финансовыми центрами – США, Японией, ЕС.

Учитывая новое качество китайско-американского партнерства, необходим российско-китайский диалог по роли и месту США в мире и в регионах (АТР, ЦА, Ближний Восток и т.д.). Перспективным представляется вывод этого диалога на трехсторонний формат Россия – Китай – США. Цель та же – не оказаться на обочине мировых процессов, изменяющихся в связи с приобретением Китаем нового мирового политического качества.

Другое стратегически перспективное направление – российско-китайский диалог по проблемам *транстихоокеанской безопасности* – как нового явления в мировой политике,

¹При СССР роль такого, хотя и ограниченного, диалога, играли, например, совещания коммунистических и рабочих партий.

сравнимого с трансатлантической безопасностью и вырастающего из нового характера китайско-американских отношений.

Идеи вывода российско-китайского партнерства на региональные и глобальные уровни включают:

 Диалог по Центральной Азии вне формата ШОС.

Нам необходимо откровенно проинвентаризировать российско-китайские противоречия в ЦА и вести дело к разработке совместных шагов в этом регионе до представления их на рассмотрение странам ШОС. Цель – избежать возникновения и эскалации реального, а не просто как сейчас, пока еще ожидаемого, конфликта России и Китая в ЦА. Пойдя на это, мы должны быть готовы к постановке китайской стороной жестких вопросов, например, о создании китайских антитеррористических или военных баз на территории стран Центральной Азии, о правовых основах «горячего преследования» и т.п.

 *Диалог по Северной Корее* важен в период пробуксовки шестистороннего процесса. Цель – сохранение кооперативистского потенциала шестисторонки и продолжение работы «пятой группы» по безопасности в СВА и без участия Северной Кореи. Другая тема – оценка реального ракетно-ядерного и военного потенциала Пхеньяна, вероятности войны на Корейском полуострове и разработка российско-китайского плана предотвращения негативных сценариев развития КНДР.

 Энергетический диалог – направленный на:

(а) дальнейшее привлечение китайских инвестиционных возможностей к реализации принятых Россией программ развития Восточной Сибири и Дальнего Востока и,

(б) формирование восточноазиатского рынка углеводородов на потенциале российских ресурсов.

Рассматривая *фактор Китая во внешней стратегии России в контексте разработки основ и механизмов стабильного развития*, важно отметить, что *стратегическая проблема* для России состоит в нахождении эффективного варианта адаптации к глобализирующемуся и стремительно развивающемуся Китаю.

Структурные риски видятся в том, что перед Россией, как экспортером энергоресурсов, прочерчивается новая разделительная линия, ставящая ее по «другую сторону интересов», стратегически нам невыгодную, от интересов Китая и других крупнейших импортеров нефти и газа – США, Японии, Южной Кореи.

Главная проблема для России не в том, чтобы не отстать или отстать, но не так сильно, от Китая. Проблема в том, чтобы не оказаться в маргинальном положении в мире на фоне интегрирующегося в мировое экономическое пространство Китая.

В свете существующих вызовов и рисков в российско-китайских отношениях России необходимо не просто «*скорректировать*» политику к Китаю, а *постоянно корректировать* эту политику – с тем, чтобы эффективно реагировать на регулярно возникающие новые вызовы и возможности, которые несет в себе укрепление глобальных позиций Китая в мировой экономике, политике и сфере безопасности.

При этом, на наш взгляд, для внесения регулярных своевременных и эффективных корректировок важен постоянный широкий диалог по проблематике двусторонних отношений как на уровне профессиональной дипломатии, так и внутри экспертного сообщества.

Часть II. Китайский ответ на вызовы глобализации: взгляд из Пекина

**Авторы: Ван Юнчжун (Wang Yongzhong), Сунь Цзе (Sun Jie), Фэн
Вэйцзян (Feng Weijiang)**

China's Growing Role in the World Economy

WANG Yongzhong¹

I. Introduction

Over the past three decades, China's export-led growth mode has obtained tremendous success in economic growth and export promotion. Now, China's GDP ranks second just next to US in the world, and it is the largest exporter and foreign reserve accumulator and the second largest foreign trader. In accordance with the fame of "World Factory", China is also the largest manufactured goods producer, fixed capital investor, energy and raw materials consumer and CO₂ emitter in the world, which has engendered prolonged worldwide impacts on manufactures supply, commodities demand and environmental conservation.

However, until recently China still has been peripheral to the international monetary and economic system. China's voting power at the IMF and World Bank has long been disproportionately small compared to its relative weight in the world economy. Chinese firms have only a modest international presence. The Chinese currency-the RMB-is at most a regional currency and hardly circulated in outside China. With an intention of establishing a new international financial and economic order, China has reiterated its appeals to accelerate the reform of the IMF, World Bank and the Financial Stability Board, and increasing their representation of developing nations in recent years. Due to its relatively low economy development level and limited capabilities in global governance, it is clear that China is generally a rule taker rather than a rule maker in the current Bretton Woods System.

The undergoing European sovereign debt crisis and recent global financial crisis has highlighted China's increasingly growing role in global economy. In western political and academic circle, the sharp rise of China has led to considerable controversy regarding potential repercussions for the current global governance architecture. There are at least two opposing scenarios are conceivable: China's adaptation to the rules and norms system shaped by developed countries or the pursuit of a distinctive policy approach, a possibility that involves the danger of clashing regulatory policies (Berger, 2008). In this context, we undertake a comprehensive investigation in the growing role of China in terms of GDP size, investment and energy and raw material consumption, international trade and direct investment, RMB internationalization, and global governance participation, and conduct a predict on China's economic prospect and its role in the world economy.

II. China's Economic Size and Contribution

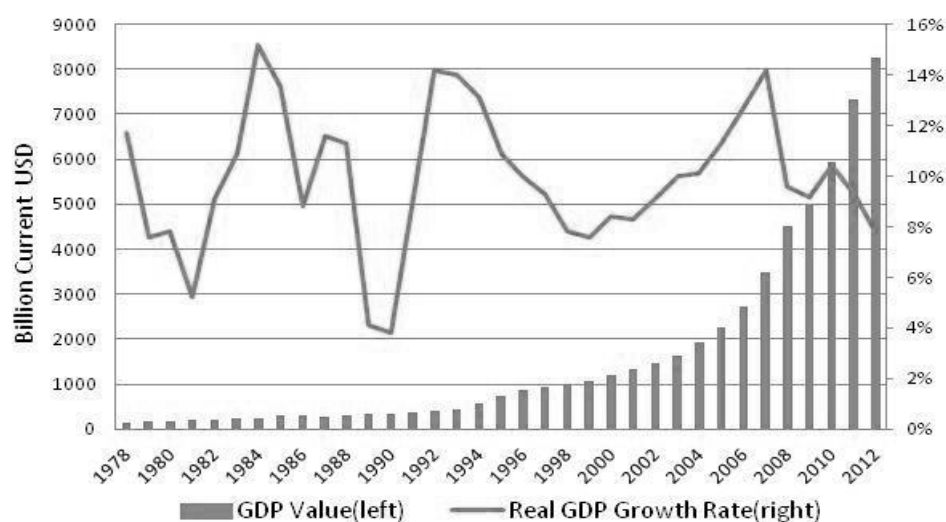
1. China's Economic Size

Since the application of the policy of reform and open-up in 1978, China has experienced continuous and dramatic high economic growth, and its economy scale has increased 27 times in

¹Institute of World Economics and Politics, Chinese Academy of Social Sciences.

real RMB term, the GDP size rose amazingly from 148bn USD in 1978 to 8260bn USD in 2012. Characterizing with high savings, heavy investment and export stimulation (competitive local currency exchange rate), China's export-led economic growth mode has achieved great success over the past thirty-five years, its average real economic growth rate attaining 9.9%, the highest economic growth rate in the world (Figure 1). In 2010, China's GDP reached 5930bn USD in current price, overtook Japan's GDP scale of 5474bn USD and became the second largest economy in the world. If China's strong growth trend continues, China will overtake USA as the largest economy in the not so far future. According to a prediction of OECD, if calculated in constant PPP international dollar, China economy size has surpassed the eurozone and will become the largest economy in the world in around 2016.

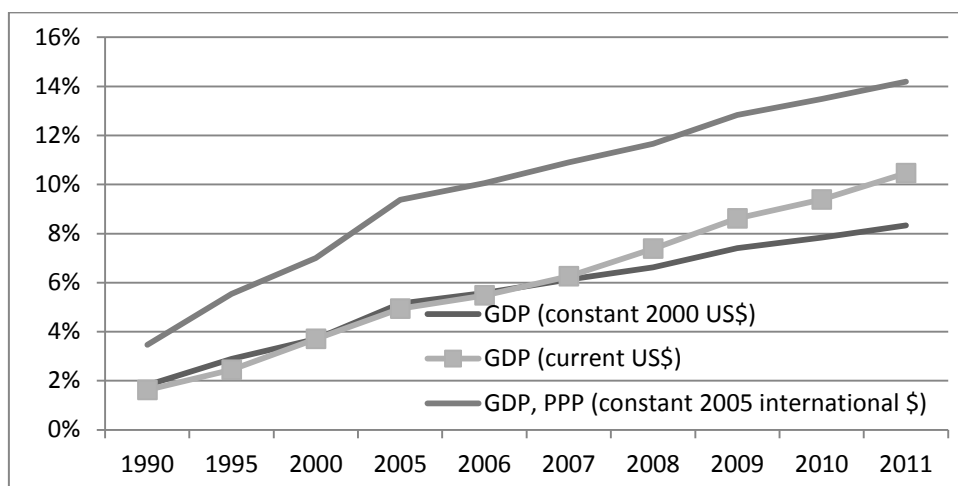
Figure 1. China's Real Economic Growth Rate and GDP Value



Source: World Bank.

As a result of the persistently high economic growth, the share of Chinese economy scale in the world aggregate output has risen steadily in the past decades. Figure 2 shows China's GDP share in terms of current USD, constant 2000 USD and PPP constant 2005 international dollar over the period from 1990 to 2011.

Figure 2. China's GDP Share in the World Aggregate GDP

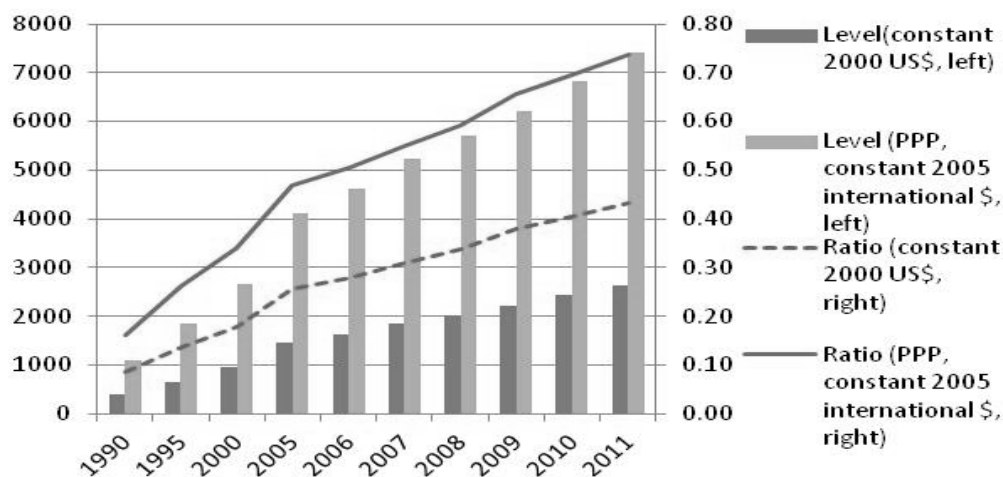


Source: World Bank.

In 2011, China's GDP share in the world aggregate world GDP reached 8.34% in constant 2000 USD, 10.46% in current USD and 14.20% in PPP constant 2005 international dollar respectively, and which was 3.58, 5.44 and 3.09 times higher than the level of 1990 correspondingly.

It is worthy of noting that China is basically a relative poor developing country although it has made substantial progress in economic development and poverty alleviation. As manifested by Figure 3, the level of GDP per capita in China has increased for 5.74 times over the period between 1990 and 2011, sharply rising from 392 in 1990 to 2640 in constant USA dollars or from 1100 in 1990 to 7417 in 2011 in constant purchasing power parity international dollars. However, China's GDP per capita is still far lower than world average level, meaning that current China is poor country even though its aggregate GDP ranks only next to USA as second largest economy. In 2011, the ratio of China's GDP per capita to world average GDP per capita equalled to 0.43 in constant 2000 US dollars and 0.74 in constant PPP 2005 international dollars respectively.

Figure 3. China's GDP Per Capita and Its Ratio to World Average Level

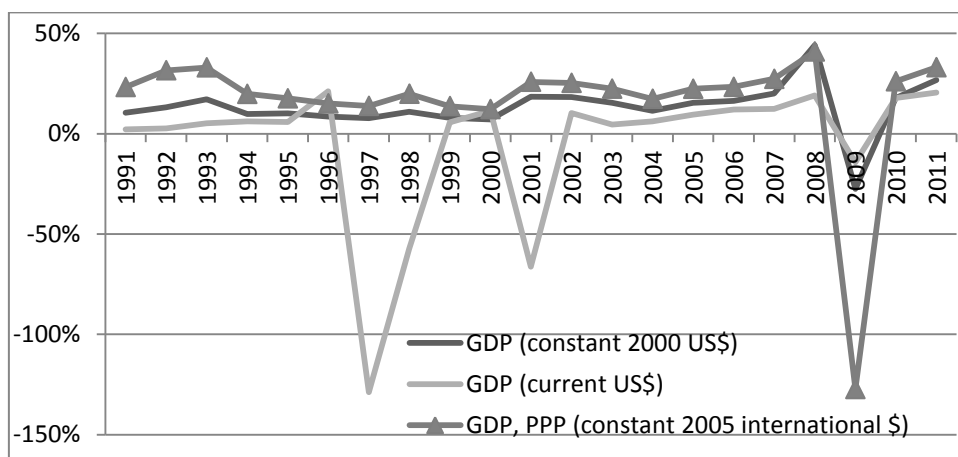


Source: World Bank WDI Database.

2. China's Contribution to the World Economy

Due to large economic size and rapid economic growth, China has always made a substantial contribution to world economic growth. As Figure 4 indicates, China had recorded large and positive economic growth contribution rate to world economy in most of years since 1991. Over the period between 1991 and 2011 except 2009, the average economic growth contribution rate of China attained 15.3% in constant 2000 US dollars and 23.2% in PPP terms (constant 2005 international dollar) respectively. If calculated in current US dollars, China's average growth contribution rate was 10.1% during the years of positive contribution. Comparing to current and constant US dollars, the growth contribution rates in purchasing power parity terms are much higher, which may be due to substantially larger size of Chinese economy calculated in PPP constant 2005 international dollars. It is worthy of noting that China had recorded large and minus growth contribution rates in some years particularly in 2009 should be owing to worldwide economy recession not China's negative contribution to world economy. In reality, China always plays a dominant stabilizing role in the world economy particularly when uncertainty risks substantially rise in worldwide economy.

Figure 4. China's Contribution Rate to World Economic Growth



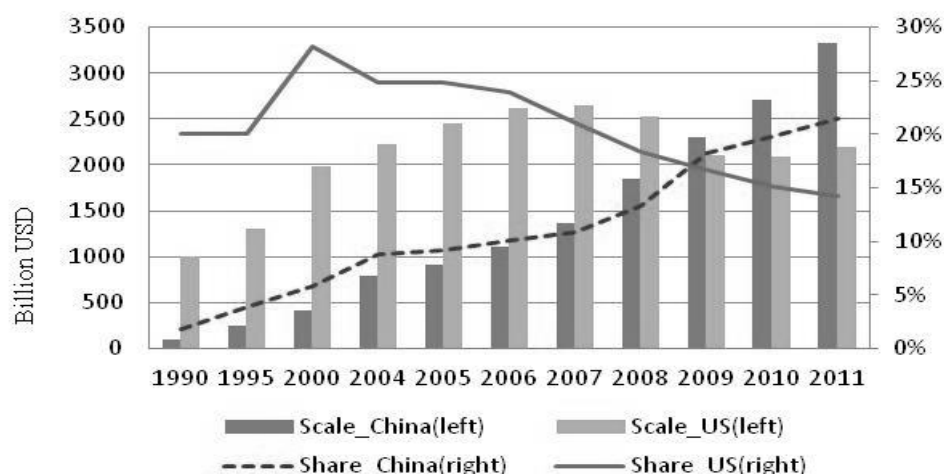
Source: World Bank WDI Database.

III. China's Investment and Energy Consumption

1. China's Fixed Capital Investment

A typical feature of China's economic growth mode is heavy investment. Since entrance into WTO in 2001, China rapidly became "world factory" and a main export platform in the world, and which strongly stimulates China's fixed capital investment in the areas of manufacture industries and infrastructures. As Figure 5 displays, the size of fixed capital investment in China has experienced persistent and substantial growth in the past two decades, rising sharply from 92bn USD in 1990 to 3330bn USD, and whose share in global aggregate investment also climbed significantly from 1.8% in 1990 to 21.4% in 2011. In a sharp comparison to China, US fixed investment has decreased steadily in terms of not only the share in the world aggregate investment since 2000 but also the absolute size since the recent global financial crisis in 2007. In 2009, China surpassed USA and became the largest nation in fixed capital investment. Considering into Chinese features of high savings and investment, it is sure that China will maintain the status of largest investment economy in the foreseeable future.

Figure 5. Value and Share of China and USA's Gross Fixed Capital Investment

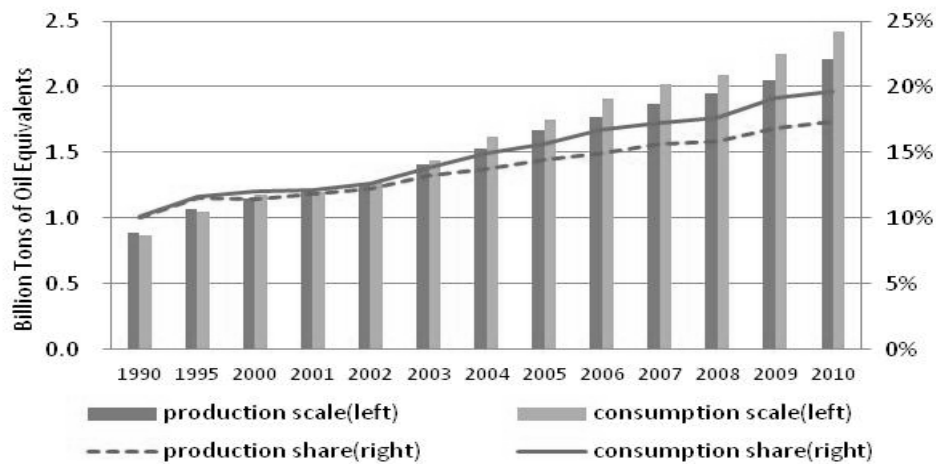


Source: World Bank.

2. China's Energy Production and Consumption

Highly relevant to heavy investment, China is also a main energy production and consumption nation. As Figure 6 shows, although both the scale of production and consumption of energy in China have increased steadily in the past decades, the gap between energy consumption and energy production has enlarged significantly since 2001, and hence China needs to import more energy to meet its strong demand originated from heavy investment. China overtook USA and became the largest energy consumption country in the world in 2009, and its consumption size amounted to 22.5bn tons of oil equivalents, while that of USA was 21.6bn tons of oil equivalents. In 2010, the scale of China's energy production and consumption attained 2.21bn and 2.41bn tons of oil equivalents respectively, whose share in world aggregate energy production and consumption was 17.3% and 19.6% correspondingly, and the gap amounted to -208mn tons of oil equivalents, which means that the scale of China's energy import equalled to 8.6% of its energy consumption.

Figure 6. The Scale of China's Energy Production and Consumption



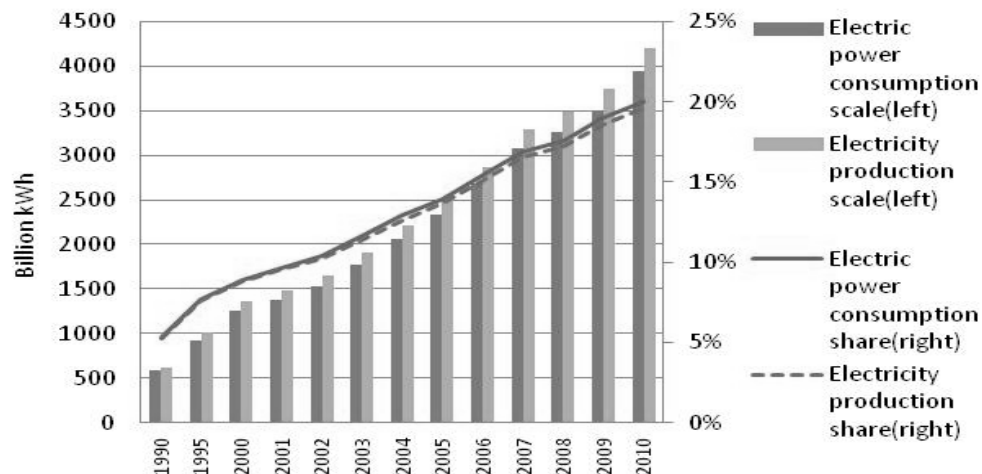
Source: World Bank.

3. China's Electricity Production and Electric Power Consumption

Now, China ranks second only to USA as the largest nation in electricity production and electric power consumption¹. As Figure 7 shows, China's electricity production and electric power consumption had increased steadily in the past decades. In 2010, the amount of China's electricity production and electric power consumption attained 4208bn KWH and 3938bn KWH respectively, much larger than the level of 580bn KWH and 621bn KWH in 1990, and whose share in world electricity production and consumption was 19.6% and 20.0% correspondingly.

¹In China, owing to statistical defect and the economy heavily depended on manufacturing industry, the indicator of electric power consumption is a good leading index to reflect Chinese macro economy situation. If electric power consumption falls, China's GDP growth rate will go down, and if the consumption increases, the economic growth rate will go up.

Figure 7. China's Electric Power Consumption and Electricity Production

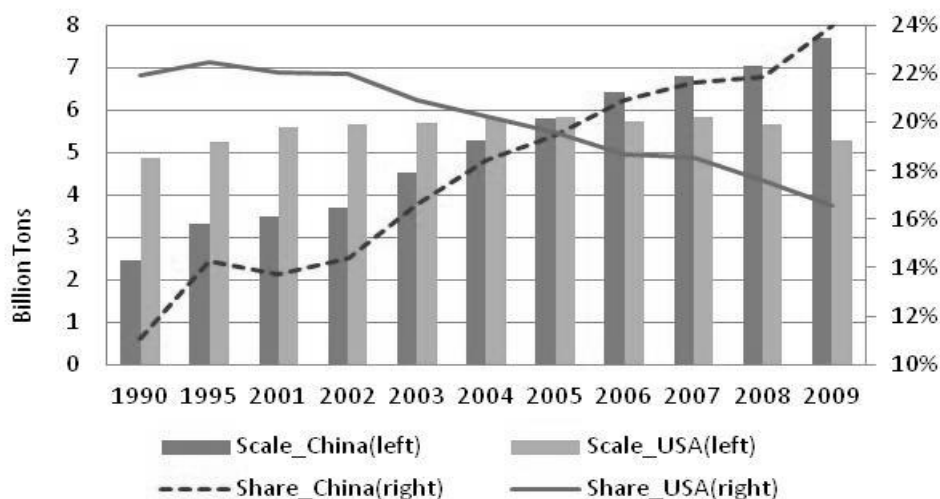


Source: World Bank.

4. China's CO2 Emission

A natural consequence of China's economy highly depended on large fixed capital investment and massive consumption of energy and electric power is heavy CO2 emission. As displayed by Figure 8, the scale of China's CO2 emission has experienced rapid growth in the past decades, rising substantially from 2.46bn tons in 1990 to 7.69bn tons in 2009, and the share of China's CO2 emission in the world aggregate emission correspondingly climbed from 11.0% in 1990 to 24.0% in 2009. China surpassed USA as the biggest emitter in 2006 and the emission margin between China and USA has continually enlarged since then, which partly explains China's worsening air pollutions in recent years.

Figure 8. The Scale and Share of China and US's CO2 Emissions



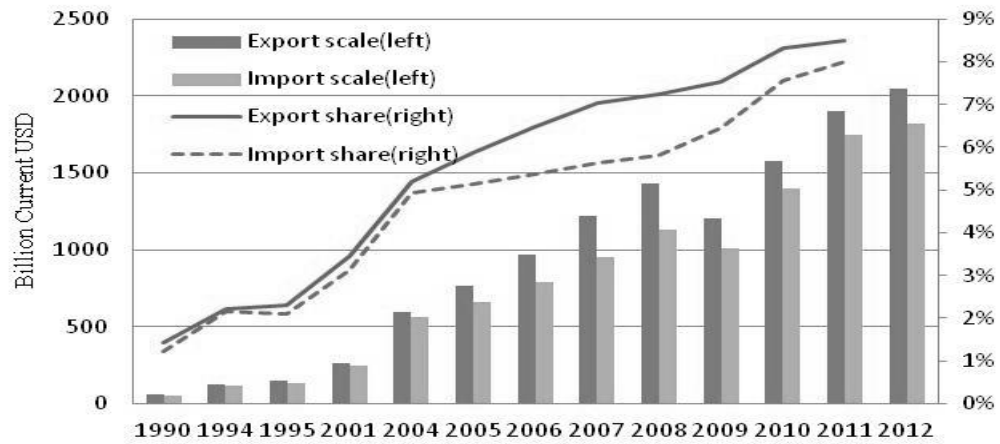
Source: World Bank.

IV. China's International Trade and Investment

1. China's Foreign Trade

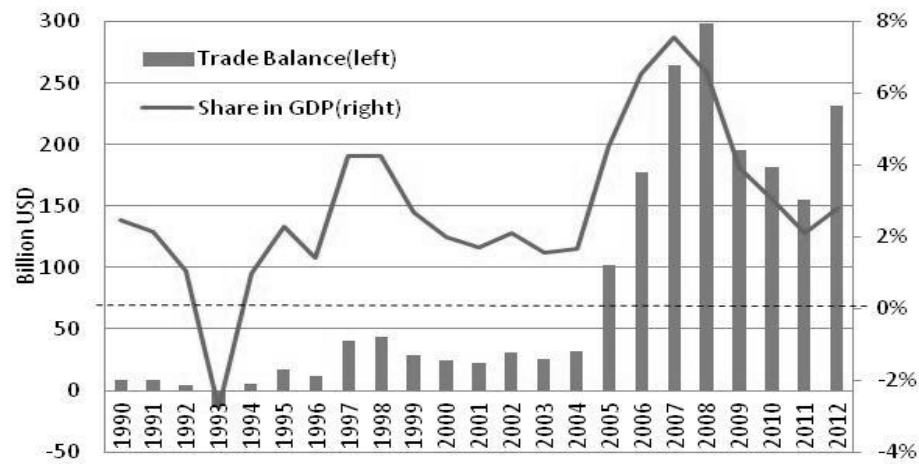
In the past two decades particularly since entrance into WTO in 2001 except the global financial crisis year of 2009, China's exports and imports has always maintained continuously and dramatically growth momentum. China's export-led strategy has achieved unbelievable success and became the world factory. China sequentially overtook Japan as the third largest foreign trader in 2004, Germany as second largest trader in 2010 and USA as the largest exporter in 2011. As seen in Figure 9, the amount of China's imports and exports of goods and services in 2012 reached 1818bn USD and 2049bn USD respectively, and which is correspondingly 13.7 times and 7.70 times as much as those of 2001. In accordance with the strong growth momentum in absolute term, the shares of China's exports and imports in world trade have also increased steadily in the past decades, considerably rising from 1.43% and 1.21% in 1990, then to 3.43% and 2.09% in 1995, and finally to 8.49% and 8.00% in 2011 respectively.

Figure 9. Scale and Share of China's Imports and Exports of Goods and Services



Source: World Bank and CEIC.

Figure 10. China's Trade Balance and Its Share in GDP



Source: CEIC.

In terms of global imbalance, China and USA are two key opponents. China is an excessive saver and exporter, while USA is an extravagant consumer and importer. Since 2005, China's trade surplus has increased sharply and replaced capital transactions surplus as the most important contributing factor to rapid accumulation in foreign exchange reserves. As Figure 10 displays, China had obtained moderate trade surplus between 1994 and 2004. However, China's trade surplus increased dramatically in 2005, and the scale of surplus reached 134 billion USD, which is 1.3

times more than that of 2004. This strong growth trend in trade surplus had maintained till 2008, and it then declined steadily due to the global financial crisis and China's economic structure adjustment. The share of China's trade surplus in GDP has experienced large fluctuation in the past decade, first rising dramatically from 1.66% in 2004 to 7.57% in 2008, and then steady falling to 2.80% in 2012.

It is rather difficult to explain the sharp expansion of trade surplus in the perspective of China's structural changes like drastic enhancement of enterprises' competitive capabilities, or macroeconomic factors, such as, economic downturn¹. Although the rapid expansion in trade surplus should be highly related to the establishment of China's status as "world factory" and the flourish of export processing industries in recent years, the arbitrated capital inflows to obtain potential profits may be another important factor. With liberalization of current transactions, there are potential channels that unwanted capital movements occur via current accounts, particularly when the authority imposed strict restrictions on capital flows. Anecdotal evidences show that a frequent way for unwanted capital to evade capital movement restrictions is over-invoicing exports and under-invoicing imports. Owing to importance of foreign funded enterprises in Chinese import and export, with a share of 55% in 2008, it is easy for them to evade capital regulations through international transfer prices.

When China's foreign funded firms carry out goods trade with their parent companies, they receive high prices for exports while pay imports at low prices. Therefore, these multinational companies can obtain sure profits from the RMB revaluation through transfer prices. Due to the freedom in remittance of outward investment income payments by foreign investors, so the amount of unwanted capital inflows that disguised as export revenue depends on effectiveness of government's supervision on international transfer prices and potential revaluation range of the RMB.

The unwanted capital inflows associated with international transfer prices could produce substantial impacts on China's trade surplus. For example, the scale of import and export of China's foreign funded firms in 2008 is around 1410 billion USD, a $\pm 5\%$ departure from market price will cause 141 billion unwanted capital flows into China, and whose share in total trade surplus of 2008 is about 40%². Thus, the one-way anticipation of RMB revaluation and strict controls on capital inflows provide much incentive for multinational firms in China to circumvent capital mobility restrictions through international transfer prices.

2. China's Inward Foreign Direct Investment

Regarding cross-border capital movement, China adopts a discriminating regime of Capital Controls, and its approach to liberalization through selective easing of regulations. With liberalization of current transactions in 1996 and WTO entry in 2001, China's current account has

¹Some observers think that China's sudden drastic increase in trade surplus since 2005 seems attributed to two factors: one is the business cyclical factor, the economy slowed down due to the government's contracted policy; the other is Chinese export-led mode dominated by processing trade was finally established and China became the export platform of multinational firms (Yu, 2008).

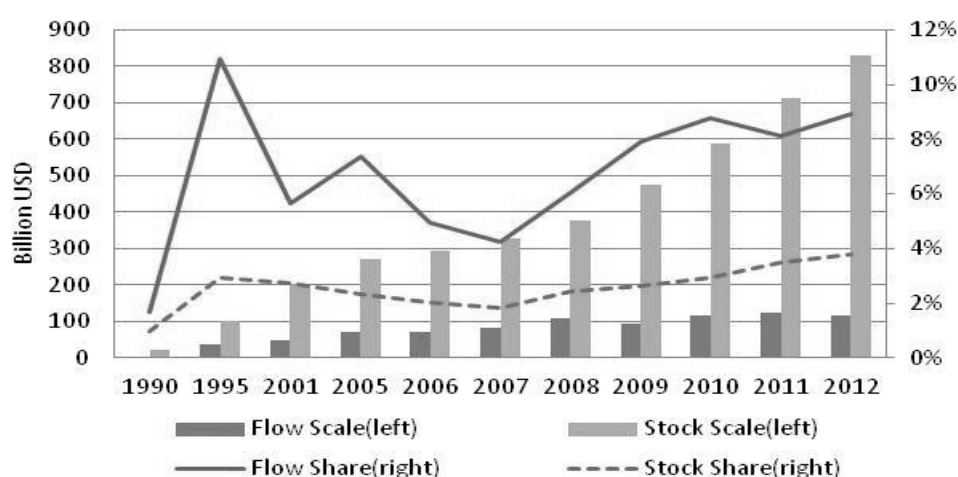
²A former head of National Administration of Statistics once claimed that one third of China's trade surplus in 2006 was hot money (Yu, 2008).

been quite free. China implements a principle of general prohibition in capital transactions, with exceptions of freedom. Under this regime, capital transactions are extensively regulated and authorization is awarded individually. China's regulatory system discriminates among different kind of cross-border capital movements. Encouraging foreign direct investment (FDI) is China's long-held policy. With strong pressure of growing foreign exchange reserves, China has changed fundamentally the outward investment policy recently, and the authorization procedures of outward investment have been simplified substantially, and this will provide scope for capital movements in the future.

With features of relative stability and associated with benefits such as transfers of technological and managerial expertise, FDI has generally been the dominant form of China's capital inflows under the background of capital transactions restrictions. This kind of capital inflows can be divided into three stages: 1979-1991; 1992-2000; from 2001 to the present (Yu, 2008). In the first stage, although FDI inflows into China grew steadily, the amount of FDI was still rather small. In the period of 1992-2000, with acceleration of China's reform and open-up, FDI inflows increased at the speed of leapfrog. From \$4.4 billion in 1991, FDI increased dramatically to \$11 billion in 1992, a jump of 1.5 times, and the inflow reached \$38 billion in 2000, 3.4 times as much as that of 1992. In the third stage, with the establishment of China's status as "world factory" after entry into WTO and the revaluation pressure of the RMB gradually accumulated, China's FDI inflow had expanded steadily, and whose average growth rate attained 11.3%.

As seen in Figure 11, the flow and stock amount of China's inflow FDI in 2012 was 117bn USD and 829bn USD, which is 2.5 times and 4.1 times as much as those of 2001, and whose share in the world total FDI flow and stock attained 8.9% and 3.8% respectively.

Figure 11. The Value and Share of China's Inward FDI



Source: UNCTAD.

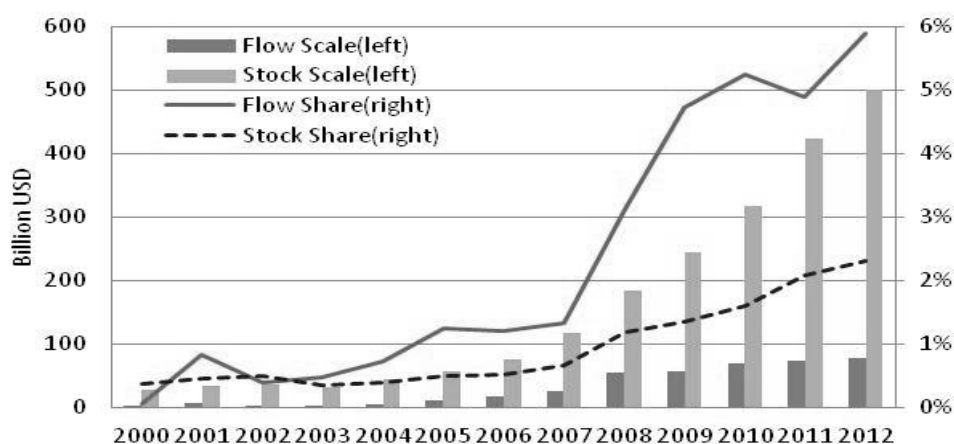
In attracting FDI inflow, China is new comer, hence its share of stock is substantially lower than that of flow, with the average share of stock and flow FDI reaching 6.97% and 2.64% respectively over the period between 2000 and 2012. Hence, China is a main and popular destination for foreign direct investment capital in terms of FDI flow.

3. China's Outward Direct Investment

In 2001, China began to implement the policy of encouraging Chinese companies to carry out direct investment. In June 2006, Chinese authority had delimited restrictions on foreign exchange quotas for outward investment, simplified approval and annual review processes, allowed all profits to be reinvested abroad and improved access to offshore guarantees issued by Chinese banks. In March 2009, the Ministry of Commerce of China (MOC) transferred most of authorization powers to the provincial branches and simplified substantially procedures of authorization of outward investments.

This policy shift intends to increase capital outflows to reduce external surplus, acquire oversea natural resources and advanced technology, establish market distributional channels for Chinese products, and enhance investment revenues of China's huge foreign assets. During the period from 1992 to 2004, China's outward investment was in stagnancy, and average amount of this category outflows was 2.6bn USD. However, under the background of large and persistent trade surplus and FDI inflow, and resultant rapid accumulation of foreign exchange reserves, China's outward investment has accelerated substantially since 2005. The flow and stock of China's outward direct investment rose from 12.3bn USD and 57.2bn USD in 2005 to 77.2bn USD and 502.0bn USD respectively, and the average growth rate the ODI flow and stock is up to 45.4% and 35.9% correspondingly over the period between 2005 and 2012. As displayed by Figure 12, the share of China's ODI flow and stock in the world aggregate ODI flow and stock has experienced dramatic growth since 2005, sharply rising from 1.3% and 0.5% in 2005 to 5.9% and 2.3% in 2012 respectively. The share of ODI flow substantially higher than that of stock reflects China's late comer status in the field of ODI.

Figure 12. The Value and Share of China's Outward FDI



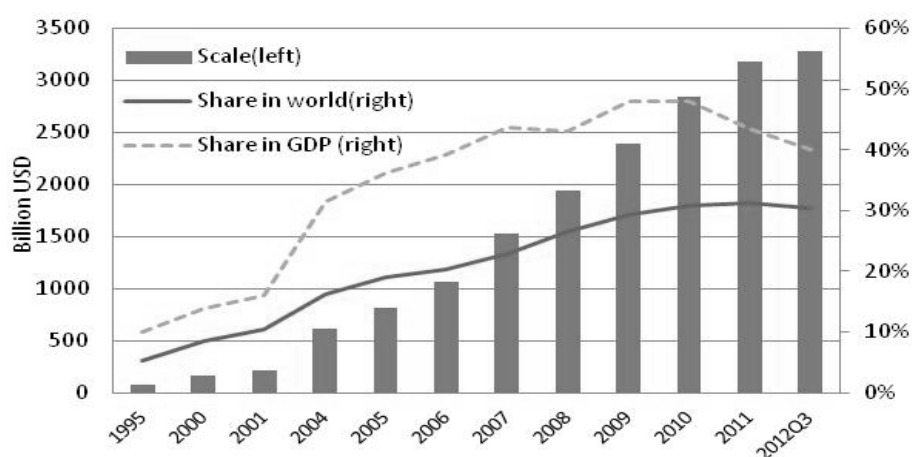
Source: UNCTAD and MOC (China).

It is worthy of noting that the impacts of the outward investment encouragement policy on China's capital account will be much broader than the direct investment itself. With an expanded overseas presence, Chinese firms should manage their financial and currency exposure with large scale transactions spanning both onshore and offshore operations. Such abilities to engage in cross-border arbitrage could weaken the effectiveness of controls on capital transactions, such as trade credit and covered forward trading (Ma and McCauley, 2007). Therefore, China's authority should be aware of the potential for restricted transactions to occur within the intra-corporate accounts of Chinese-based multinationals.

V. China's Foreign Exchange Reserves

Since joined in WTO in 2001, China has undergone large and persistent trade surplus and FDI and speculative capital inflow, and hence China's foreign exchange reserve has maintained dramatically strong growth trend. As seen in Figure 13, the amount of China's foreign exchange reserves skyrocketed at 3.31tn USD in 2012, and was around 2.6 times as much as that of Japan, the traditionally largest foreign reserves holder. In accordance with the strong growth in absolute term, the share of China's international reserves in world total reserves and China's GDP also has increased substantially, rising from 10.4% and 16.0% in 2001 and 30.5% (at the end of third quarter) and 40.1% in 2012 respectively. In recent two years, the growth of China's foreign exchange reserves lost momentum due to increasing flexibility of RMB exchange rate, encouragement of ODI and reduce in trade surplus.

Figure 13. Value and Share of China's FX Reserves



Source: IMF and SAFE.

It is well known that foreign exchange reserve can play a vitally important role in reducing the risks of external debt and local currency crises, and mitigating the negative shocks of a sudden reduction of capital inflow or capital flight when a financial crisis occurs. With lessons from Asian financial crisis, large foreign reserves are also tend to be viewed as an indicator of “strong fundamentals”, hence leads to an upgrade of the country’s credit ratings. Adequate foreign exchange reserves can provide monetary authorities broad space to adjust macroeconomic policy and enhance investors’ confidence in the ability of a country to meet external obligations (Lipsky, 2011). Owing to the buffer of huge foreign exchange reserves, China’s cross-border capital movements have been quite stable during the US financial crisis and European debt crisis¹. Chinese experience highlights the importance of a foreign reserve buffer for those countries that suffer persistent current deficits, lack international capital market access, or are burdened with large short-term external debt.

However, holding huge foreign exchange reserve is costly particularly in China’s case. Currently, China’s foreign exchange reserves are mainly invested in US, European and Japanese long-term government and agency debt securities. The international financial and sovereign debt crises have accelerated the diversification of China’s foreign exchange reserves, with a substantial decline in US agency securities holdings and a significant increase in purchases of Japanese government bonds. Although the PBOC’s sterilization costs are generally in control at the price of financial repression and economic structure distortion, it has become an increasingly difficult task for the central bank to realize a break even on the costs and benefits of holding foreign reserves since the financial crisis began, due to the historically low international interest rates originating from quantitative easing monetary policies in advanced countries intended to address global economic recession, and also exchange rate movements.

Since the vast majority of China’s foreign reserve assets are high-rated government debt securities, the financial crisis and European sovereign debt crisis have not caused large capital losses. In fact, China has gained some short-run unforeseen profits from its massive investments in US government debt, resulting from the significant rise in market prices of US Treasury securities. During the sovereign debt crisis, China has recorded some losses on its investment in euro assets owing to the depreciation of the euro, but the impacts of the default on euro debt securities and even the restructuring of Greek debt have been limited to private holders and have not affected the Chinese government. However, when the global economy, financial system and government fiscal positions return to normal, the mismatch in the risk and return on China’s foreign reserves will deteriorate, with long-term fixed income securities as the main investment targets. At present, China’s foreign exchange reserves face three potential risks: default risk on US agency bonds and government debt securities in some euro zone peripheral members; inflation and interest rate risk originating from the quantitative easing monetary policies in the US; foreign exchange rate risk owing to the long-term depreciation of the US dollar (Wang and Freeman, 2012).

¹Comparing to the large international reserves, the factor of capital controls is possibly a much more important contributive factor to the stability of China’s cross-border capital flows. Even so, the accumulation of foreign reserves can significantly enhance investors’ confidence in the smooth operation of China’s restrictive regulation system of capital movements.

VI. Regime Shift and Internationalization of the RMB

As China's economy has continued remarkable expansion and gained an increasingly important role in the world economy, the regime shift and internationalization of the RMB, Chinese local currency, has also captured growing attention around the world. In terms of RMB regime and accumulation of huge foreign exchange reserves, China is the biggest supporter of current Bretton Woods System and the privilege status of US dollar, through RMB rate queasily pegged at the USD and international reserves heavily invested in US treasury and agency bonds. The RMB regime reform and internationalization indicates that China wants to become a player which is commensurate to its economic size but a passive acceptor in the global economic governance.

1. RMB Regime Shift

On July 21, 2005, China implemented currency reform and introduced a new exchange rate system called "Managed Floating Exchange Rate" based on BBC (Band, Basket, and Crawling), and allowed RMB for a small and first revaluation from 8.28 to 8.11 RMB per US dollar. Before that, the Chinese authorities pegged the RMB price of the US dollar within a very narrow range. Regarding the band, the authority officially limited the daily range of fluctuation of the RMB verses US dollar to $\pm 0.3\%$, and which was widened to $\pm 0.5\%$ later, but the actual fluctuation range of the RMB is much narrower. On the basket, the regime of RMB exchange rate was shifted from strictly pegged at US dollar to a basket of main currencies, such as, dollar, euro and yen. Regarding the crawling, the authority allowed the RMB appreciate gradually against the dollar, and Chinese authority had to intervene massively in foreign exchange market to keep the RMB from rising fast. Under the one way option of stable appreciation of the RMB, large speculative capital flowed into China and induced commodities and assets bubble, to address increasing pressure on inflation and foreign reserves, the pace of appreciation of the RMB accelerated in 2007. In the late half of 2008, with unfolding of the global financial crisis and strong appreciation of US dollar, the RMB temporarily stopped appreciation against dollar and actually returned back to peg at US dollar. The flexibility regime of the RMB against the dollar was reintroduced in June 2010 and the fluctuation range of the RMB versus the dollar was further enlarged to one percent on April 16th, 2012. Since the regime shift in 2005, the RMB has appreciated around 30% against the dollar.

2. RMB Internationalization

As a result of strict constraint regime in capital account transactions, China's stance toward internationalization of the RMB had always been negative and reluctant to allow the RMB to act as a transaction medium in foreign trade. Due to the anxiety on the exchange risk and sterilization cost of huge foreign reserves, China's stance towards internationalization of the RMB has changed fundamentally since the U.S financial crisis.

A small step forward to the RMB internationalization is currency swap. China has signed currency swap agreements with some economies, such as, South Korea, Hong Kong, Malaysia, Belarus, Indonesia, Argentina, Iceland, New Zealand, Kazakhstan, Mongolia, Thailand, Pakistan, The United Arab Emirates, Turkey, Australia and Brazil, and total amount of the currency swap reaches around 1.4tn RMB. This will help the RMB to play the role of trade settlement currency

between China and above economies, and foreign reserve currency in these countries at some degree. Although currency swap can possibly raise international status of the RMB, the exchange risk of holding such soft currencies for China is higher than that of the dollar. Therefore, as an urgent measures to overcome shortage in foreign exchange assets, the currency swap should not implement largely and continuously.

A much important step to internationalization of the RMB is its initial experimental application as a settlement currency in the trade between China and adjacent economies in July 2009, such as, Hong Kong, Macao, and ASEAN countries. Shanghai, Guangzhou, Shenzhen, Zhuhai and Dongguan are chose as experimental sites for cross-borders trade settlements denominated in the RMB. In terms of the RMB as settlement currency in cross-border trade, domestic experimental sites were extended to 20 provinces and municipalities, and abroad ones were broadened to the whole world in June 2010. In August 2011, domestic pilot sites were further extended to the whole country.

China also has made significant progress in RMB internationalization in the following aspects: first, the RMB has become a settlement currency in China's FDI and ODI capital movement; second, RMB offshore centers, such as Hong Kong, London and Singapore, have experienced rapid development, and the amount of RMB deposits in Hong Kong reached 603bn RMB in December 2012; third, the channels of oversea RMB flow back have been significantly broadened, with the allowance of Chinese firms issuing bonds denominated in RMB in offshore RMB market, the increasing quota of RMB qualified foreign institutional investors (RQFII) up to 70bn RMB in January 2013, and the start of RMB loan flowing from Hong Kong to Qianhai, Shenzhen; finally, the RMB has become a regional currency and is accepted as reserve currency in some countries, such as, Nigeria and Thailand.

The internationalization of a currency depends on many factors—the size of the country's economy and its relative share in the world output, its growth performance, its openness to external trade and investment, the state of developments of its financial markets, the degree of convertibility, and the credibility of macroeconomic policies (Hu, 2008). Considering into the current state of China's financial development, capital transaction constraints and economic efficiency, it still has a long way to go for Chinese currency joining the U.S. dollar, the euro, and the Japanese yen as one of the leading global currencies.

VII. China's Role in Global Economic Governance

The undergoing European sovereign debt crisis and recent global financial crisis has highlighted China's increasingly rising role in global economy. As financial institutions in the US and Eurozone collapsed under the weight of subprime loans and sovereign debts, and the developed countries and even the world fell into worst economic depression in 2009 since the Great Depression, China has remained one of the few islands of stability. The relative robustness of Chinese financial system and economy at the time of international financial crisis and global economic recession has seriously undermined the hegemony of advanced nations in the global governance (Wang and Rosenau, 2009). The current global architecture has been reshaped by the international financial crisis, and developed countries no longer can solve challenges by themselves alone without rest on emerging economies.

Through insistent call for more representation of the developing world in global governance, China has taken advantage of the recent international financial crisis to enhance the interests and influences of developing countries, and pushed forward the establishment of a new world economic order that is just, equitable, sound, and stable. Four main points have been developed thus far.

The first is to make use of the G20 and BRICS as the main platforms for global governance. Since the global financial crisis, China has actively participated international coordination involving the developing countries, such as the G-20, which includes the major industrialized countries and the largest developing countries. Currently, the G-20 has replaced the G-7/G-8, the club of seven wealthiest nations plus Russia, as the most important forum for global governance, discussing how to cope with new global challenges and reform global architecture. Now, the BRICS group- Brazil, Russia, India, China and South Africa-has emerged as a main mechanism for main emerging market economies to cooperate and coordinate. The BRICS has made significant progress in stances coordination on worldwide challenges and issues, macroeconomic policies coordination, financial cooperation, and trade and investment facilitation.

The second is to enhance the status and voice of China and emerging countries in existing international financial organizations and monetary architecture. As Table 1 shows, China's voting power at the IMF and World Bank has long been disproportionately small compared to its relative weight in the world economy. The recent global financial crisis accelerated the governance and quota reform in the International Monetary Fund and World Bank. If the quota reforms are both implemented, the voting share of China in the IMF and World Bank will rise significantly from 3.65% and 2.78% to 6.7% and 4.42% respectively, and China will become the third largest voter next to USA and Japan in the above two international financial institutions. However, the post-reform voting share of China is still substantially lower than its weight of GDP in 2011, with the GDP share in world output reaching 10.46% in current dollars, 8.34% in constant dollars and 14.20% in PPP terms. And the share of BRICS in the IMF and World will also change moderately from 10.45% and 14.14% to 11.26% and 13.10%, while that G7 will decline significantly from 44.39% and 42.85% to 41.20% and 39.26% respectively. It is worthy of noting that the reform pace of the IMF is quite slow, and the quota reform has not yet been implemented.

In the Joint Statement of the Fifth BRICS Summit in Durban in April 2013, the BRICS leaders expressed their close concerns with the slow pace of the reform of the IMF and called for the reform of International Financial Institutions to make them more representative and to reflect the growing weight of BRICS and other developing countries, through supporting the reform and improvement of the international monetary system, with a broad-based international reserve currency system providing stability and certainty, welcoming the discussion about the role of the SDR in the existing international monetary system including the composition of SDR's basket of currencies, and proposing that the leadership selection of IFIs should be through an open, transparent and merit-based process and truly open to candidates from the emerging market economies and developing countries.

Table 1. G7 Group and BRICS Group's Voting Share in IMF and World Bank (in percent)

	GDP Share			IMF Voting Share		World Bank Voting Share	
	Current USD	Constant USD	Constant PPP	Pre-reform	Post-reform	Pre-reform	Post-reform
G7	48.02	57.02	38.26	44.39	41.20	42.85	39.26
USA	21.42	27.59	18.85	16.74	16.48	16.36	15.85
Japan	8.38	11.89	5.58	6.01	6.14	7.85	6.84
Germany	5.15	5.03	4.03	5.87	5.31	4.48	4.00
France	3.96	3.54	2.78	4.85	4.02	4.30	3.75
UK	3.49	4.16	2.93	4.85	4.02	4.30	3.75
Italy	3.14	2.70	2.34	3.19	3.02	2.78	2.64
Canada	2.48	2.10	1.75	2.88	2.21	2.78	2.43
BRICS	19.88	14.47	26.43	10.45	14.14	11.26	13.10
China	10.46	8.34	14.20	3.65	6.07	2.78	4.42
India	2.64	2.44	5.66	1.88	2.63	2.78	2.91
Brazil	3.54	2.22	2.88	1.38	2.22	2.07	2.24
Russia	2.65	1.02	3.00	2.69	2.59	2.78	2.77
S. Africa	0.58	0.45	0.70	0.85	0.63	0.85	0.76

Source: IMF and World Bank.

Note: Current USD, constant USD and constant PPP represents GDP in current USD, constant 2000 USD and PPP constant 2005 international dollar respectively.

Due to close concerns over the safety of its large holding of dollar assets, the governor of the PBOC, Zhou Xiaochuan, in an essay published on the website of the Chinese central bank, severely criticized the dollar-dominant monetary system and proposed to create an international reserve currency disconnected from individual countries to escape the inherent deficiencies caused by using credit-based national currencies. As a reflection of the orientation, China has accelerated the RMB internationalization in the areas of currency swap, trade, investment and loans since then.

The third point is to encourage China's foreign trade and cross-border investment by the bilateral and multilateral trade and investment system. As a main trader and FDI receiver and emerging outward investor in the world, China has a great stake in an open, just and non-discriminatory bilateral and multilateral trade and investment system. With fledgling bilateral and regional free trade agreements (FTAs), China mainly relies on the multilateral trade system to promote its trade. The early conclusion of the Doha round negotiations has been in China's interest.

There is concern, however, at the attempts by developed countries to limit market access due to social and/or environmental standards (Sun, 2011). As the stakes are so high for China, it will take a more active role in the Doha negotiation.

In the areas of international investment, there existed no similarly powerful multilateral institution as the WTO in the world trade system, and hence China heavily depends on bilateral investment treaties (BITs) as the most important legal instrument for the governance of global foreign direct investment flows. China has been a committed signatory of BITs since the early 1980s (120 treaties up to 2007). It is thus the second most active contracting party to BITs worldwide, surpassed only by Germany. With the shift from a one-way FDI capital receiver to a two-way importer and exporter of foreign direct investment capital, China's attitude towards BITs has changed substantially. Before the end of 1990s, the traditional Chinese BIT approach has only cautiously supported the legal protection of FDI. As a mere capital-importer, China concluded BITs that contained serious reservations and safeguards intended to preserve policy spaces for the regulation of incoming investments. Starting at the end of the 1990s and the beginning of 2000s, China has initiated a decisive policy shift towards a liberal BIT approach characterized by high levels of substantive and procedural investment protection (Berger, 2008).

The fourth point is to enhance regional economic integration. Regional integration can not only help China sustain its long-term strong growth momentum by sharing the prosperity of Asian economy, but also provide a mechanism to minimize risks of potential conflicts among countries in the region through increased interdependency. China has taken an active and realistic position in pushing forward regional integration. Currently, The economic cooperation among China, Japan and Korea, and their cooperation with ASEAN, such as, the Platform of "10+1" and "10+3", have constituted a solid foundation for regional integration in Asia. The Shanghai Cooperation Organization (SCO) is another platform that China uses to strengthen its cooperation with Central Asia and Russia. The SCO has played an important role in stabilizing the security situation in the region. It is expected that the SCO will go beyond security issues and expand into the economic field in the future (Sun, 2011).

VIII. China's Economic Prospect and Role in the World Economy

Although China has obtained tremendous achievements in economic development in the past three decades, such as, the second largest economy, the biggest exporter and foreign reserves accumulator, and the fame of world factory, China is still a poor country, whose income per capita was just 7.0% and 17.5% of that of USA in constant dollars and 17.5% in PPP terms respectively in 2011. The huge income gap between US and China is evidence that there existed large technology gap between China and industrial countries. Hence, China still can continue to enjoy the backwardness before closing the gap.

According to an optimistic prediction by Lin, China can continue to enjoy the advantage of backwardness before closing the gap and has the potential to grow dynamically for another 20 years. By 2030, China's income per head (measured in purchasing power parity) may reach about 50% of that in the United States. By then, China's economic size (in purchasing power parity terms) may be twice as large as the US; and measured at market exchange rates, China may be at least the same size as the US two decades from now (Lin, 2011).

However, it is impossible that China's rise process will be gone smoothly without a setback. China will encounter some serious challenges in the coming years. These challenges are as follows:

First, European sovereign debt crisis and resultant gloomy global economy could dampen hopes for moderate world growth over the next several years, and which has caused the resurgence of trade and investment protectionism in the world so that some countries have set up many non-tariff barriers against Chinese firms, such as, anti-subsidy, anti-dumping and product standards. This has constituted a serious strike on the sustainability of China's export-led growth mode.

Second, the application of the principle of neutral competition will make Chinese firms particularly SOEs experience many obstacles in carrying out outward direct investments, such as, investment motives investigation, state security examine, market monopoly investigation, and industrial entrance barriers.

Third, the reindustrialization plan of US will constitute a serious threat to the competitive capability of Chinese firms. Comparing to Chinese firms, US manufacturing enterprises have substantial advantages in capital financing cost, energy cost and technology. With an intention to enhance the competitive and export capabilities of manufacturing goods, reduce trade deficits and make the core economy return back to manufacturing industries, the US government plans to provide tax subsidy and R&D fund support to high end core industries like new energy and new equipment.

Fourth, due to low entrance barriers, standardized technology and low value-added ability, Chinese firms have undergone fierce competitions in the world and their temporary competitive advantages in international production chains can easily lose.

Fifth, China's current economic growth mode has faced increasingly serious constraints in labour, land, resources, energy and environment. China has faced the potential threats of social instability, such as, disparity in urban and rural areas, income gaps in different strata, social emergent incidents, corruption, environment pollution, real estate bubble, and unjust in education, health care and endowment insurance.

To cope with the above five main challenges, China should firmly push forward economic reform and structural rebalance. First, China economic growth mode should shift from over-reliance on exports to consumption driven, with a balance between consumption and investment, the latter is critical industrial upgrading, raising incomes, and developing "green economy" sectors (Lin, 2011). Second, China should give new impetus to accelerate structural transformation to reduce income disparities, with alarming income inequality approaching the level of Latin American countries. Third, China should improve its market economy framework, equally treating to private firms and SOEs, and establish institutional environment favourable for technology innovation. Fourth, China should seek balance between environmental protection and economic growth, shifting its stance towards short-term growth and long-term environmental sustainability.

If China's strong growth momentum continued and economic restructuring gone smoothly in the next ten years, China will become a critical important economy and can make manifold contribution to global economy. For advanced countries, China will become an actual main market for their capital goods, intermediate goods and high end consumption goods. For countries rich in agricultural and natural resources, China's huge demand on commodities will continue to support commodity prices and their export sectors. In addition, China's capital control measures will be loosened substantially, and China will become a main capital exporter in portfolio and direct investments in the world. It is sure that Chinese firms will be actively involved in international

production and management, not only investing in advanced countries for marketing channels, technology and product brands, but also providing funds for natural resource and infrastructure investment in emerging markets and low-income countries. This is already happening, and it will continue in increasingly larger scales.

It is certain that the growing relative strength of China will inevitably lead to the reshape of global governance. As a stakeholder in the current international economic system, China will be play an active role in reforming global governance to defend its expanding national interests and to enhance its status in the world, through addressing the unreasonable and unjust components in the existing world economic order (Wang and Rosenau, 2009). Considering into the national interests and limited abilities in global governance, it is clear that China will adapt to the current rules and norms system shaped by developed countries and won't aspire to create an alternative global governance system. In sum, China will generally be a supporter not challenger of current international order, and it will enhance its voice through a complementary rather than a competitive approach in the field of global governance.

References

Berger Axel. "China and the Global Governance of Foreign Direct Investment: The Emerging Liberal Bilateral Investment Treaty Approach", German Development Institute (DIE), Discussion Paper, 2008.

Hu Fred. "The Role of the Renminbi in the World Economy", Cato Journal, Vol. 28, No. 2, Spring/Summer 2008, pp.219-224.

Lin Justin Yifu. "Viewpoint: China, the 'Leading Dragon' of the World Economy", BBC News, 24th November, 2011.

Lipsky John, "Financial Crisis and Reserve Management: Outlook for the Future", International Monetary Fund, January 24, 2011.

Sun Xuegong. "China's Role in Global and Regional Governance Architecture", East Asia Forum, November 2011.

Wang Hongying and James N. Rosenau. "China and Global Governance", Asian Perspective, Vol. 33, No. 3, 2009, pp. 5-39.

Wang Yongzhong and Duncan Freeman. "The International Financial Crisis and China's Foreign Exchange Reserve Management", Asia Paper, Brussels Institute of Contemporary China Studies, Vol.7, No.2, March 2013.

Yu Yongding. "Managing Capital Flows: the Case of China", Research Center for International Finance, Institute of World Economics and Politics, CASS, Working Paper No.0816, September 2008.

The Rise of the Chinese Economy and the Impacts of Renminbi Internationalization on International Monetary System

SUN, Jie¹

The rise of the Chinese economy against the backdrop of global economy in 2009 and the background of global appeal for international monetary system reform enhanced the expectation of renminbi internationalization. In this paper, I will show the expectation is only a natural reaction to the conceptual impact of the Chinese economy booming. In fact, the change of the international monetary system will take a long time. The urgent priority for China, if can be called as renminbi internationalization, is to expand the renminbi cross-border settlement.

1. Renminbi Internationalization: Conceptual Impact versus Real Demand

Domestic and international discussions on the issue of renminbi internationalization are based the fact of the fast expanding Chinese economy. However, from the perspective of historical experiences of currency internationalization, the expectation of renminbi internationalization could be regarded as rather a natural reaction to the conceptual impact than a real demand.

1.1 Background

Academic discussion on renminbi internationalization among Chinese economists can be tracked back about 25 years ago, but before the booming of the foreign trade volume and the booming of the foreign reserves in 2005, published papers on Chinese journal were around only 10 annually, than jumped to about 30 papers a year. It was the break out of global financial crisis in the autumn of 2008 renminbi internationalization became a hot topic domestically and internationally. Papers appear in Chinese numbered more than 300 a year since 2009.

There are three reasons for the booming of research on renminbi internationalization by domestic and international economists since 2009.

Reasons for Chinese economists are worries about the value of US dollar as well as the value of Chinese foreign reserves against the background of quantitative easing policy; the negative effect of dollar's exchange rate fluctuation on China's foreign trade volume and the increasing interest of international counterparts on the issue.

Reasons for foreign economists are the impact of the booming of Chinese economy and the negative impact of the weakening dollar on the stability of the existing international monetary system. It is undeniable that the article of PBOC governor's on the reform of international monetary

¹Institute of World Economics and Politics, Chinese Academy of Social Sciences.

system from the perspective of a super-sovereign reserves currency gave a Chinese impact on the discussion.

Discussions among domestic scholars mainly deal with the definition and prerequisites, necessities and possibilities of renminbi internationalization, along with discussions of the international monetary system reform, as well as the international comparison of currency internationalization. Those papers focused on conceptual discussion and progress describe, and featured by initial study. The beginning of the renminbi cross-border settlement in 2009 did not help the empirical research for the reason of limited available data. However few papers began to make detail analysis on market mechanisms of the arbitrage of exchange and arbitrage of interest rate between onshore/offshore markets that made research deepening. It should be mentioned here that the definition of renminbi internationalization among Chinese economists followed the full definition of international currency for invoicing, settlement and reserve, and hence linked the renminbi internationalization with the international monetary system reform.

Discussions among foreign economists on renminbi internationalization began with the commentary and perspective articles. As an example, Barry Eichengreen published an article named as “The Irresistible Rise of the Renminbi” in 2009 and “The Renminbi as an International Currency” in 2010; Takatoshi Ito predicted in his paper titled with “China as Number One: How about the Renminbi?” that the renminbi is expected to gain the status of international currency, such as the store of value and the medium of exchange sometime in the mid-2020s; in a working paper of “Renminbi Rules: The Conditional Imminence of the Reserve Currency Transition”, Arvind Subramanian suggests that the renminbi could become the premier reserve currency by the end of this decade! With the historical retrospective of currency internationalization of the US dollar, Euro (and its precedents like the deutsche mark), Japanese Yen and others, foreign economists made more rational researches from the perspectives of prerequisites including the depth of financial market and capital account liberalization. Typical researches include Ito(2011), Frankel(2012), Prasad and Ye(2012), Kroeber(2013) and so on so forth. Those above researches indicate that currency internationalization could often be seen.

1.2 Currency Internationalization is a Common Phenomenon in World Economy

According to Kenen (2011), an international currency is the one that is used and held beyond the borders of the issuing country, not merely for transactions with that country's residents, but also, and importantly, for transactions between non-residents. In other words, an international currency is the one that is directly used instead of the national currencies of the parties involved in an international transaction, whether the transaction in question involves a purchase of goods, services or financial assets. Hence, he believes that seven processes are necessary in currency internationalization:

First, the government must remove all restrictions on the freedom of any entity, domestic or foreign, to buy or sell its country's currency, whether in the spot or forward market;

Second, domestic firms are able to invoice some, if not all, of their exports in their country's currency, and foreign firms are likewise able to invoice their exports in that country's currency, whether to the country itself or to third countries;

Third, foreign firms, financial institutions, official institutions and individuals are able to hold the country's currency and financial instruments denominated in it, in amounts that they deem useful and prudent;

Fourth, foreign firms and financial institutions, including official institutions, are able to issue marketable instruments in the country's currency;

Fifth, the issuing country's own financial institutions and non-financial firms are able to issue instruments on foreign markets denominated in their country's own currency;

Sixth, international financial institutions, such as the World Bank and regional development banks, are able to issue debt instruments in a country's market and to use its currency in their financial operations;

Lastly, the currency may be included in the "currency baskets" of other countries, which they are used in governing their own exchange rate policies, But that is also true of currencies that donot necessarily qualify as international currencies.

We could draw conclusions from this perspective that in all seven processes above, currency internationalization mainly denoted by invoicing and settlement. In theoretical analysis, the three key functions of an international currency are integrated as invoicing (unit of account), settlement (medium of exchange) and reserve (store of value). In fact, when counterpart accept a currency as invoicing and settlement of the transaction, it indicates that they believe in the value of the currency and willing to keep the currency as store of value for a period of time. However, the function of store of value is not the key point for currency internationalization in Kenen (2011). A similar case can be seen in Peng and Shu (2009). In their book titled by currency internationalization: Global Experiences and Implications for the Renminbi, they also frequently stress the global roles of currencies and the concept of international currency use in content¹ mainly relying on or starting by its function of invoicing and settlement.

It is a matter of fact that some medium or even small economies had their currencies internationalized in the past four decades. On the one hand, internationalizations of those currencies only mean that they serve as invoicing and settlement currency in cross-border transactions, and have no relation with the role of reserves currency, so those cases did not have much impact on the existing international monetary system. On the other hand, it suggests that currency internationalization could be a policy that many governments could pursuit of, and could be a common phenomenon in world economy. Hence, it is not surprise that BIS (2011) discuss currency internationalization cases not only of the Euro and Yen, but also of the Korean won, Singapore dollar, Australia dollar, Indian rupee and Indonesia rupiah, and Peng and Shu (2009) discuss the case of internationalization of South Africa rand.

It is not deniable that only currencies of big countries could provide liquidity for world trade settlement without much impacts on their domestic economies, they could have the potential of international reserve currency. Even those countries may internationalized their currencies with the limited propose of bilateral invoicing and settlement, discussions of those case will not limited only

¹They defined an international currency as the one that is widely used outside its home country. The classical domestic functions of money are transferred to the international level in the form of trade invoicing, reserve holding and exchange rate anchor for other currency. Factors contribute to the use of a currency as an international currency include that it must be perceived as a sound currency, market participants must be willing to hold is as a store of value and also should be convertible an acquired by non-residents.

as invoicing and settlement, but also reserves and its impact on international monetary system. It is also the case of renminbi internationalization. China as a largest fast growing emerging economy, discussions of renminbi internationalization must be naturally linked with the international monetary system reform and draw international attentions.

It is reasonable that the issue of renminbi internationalization is linked with the international monetary system reform, but we also need to keep in mind that the change of international monetary system cannot be done overnight. The case of US dollar surpass British pound indicate the shift may take a long time.

1.3 Historical Experiences of Currency Internationalization

During the course of the 20th century, Frankel (2012) believes that there were three major fundamentals that determine whether a currency is suited for its international status: the size of the home economy, as measured by GDP or trade; confidence in the value of the currency, as measured by the long-term trends in its exchange rate, the variability of the exchange rate, the country's long-term inflation rate, and its position as an international net creditor; the development of its financial markets, particularly depth, liquidity, dependability and openness.

He found that prior to 1913, the dollar's main problem was not size because the US economy surpass the UK economy measured by national output in 1872. It was the lack of financial markets that were deep, liquid, dependable and open, and even the lack of a central bank that is considered a pre-requisite for the development of financial markets. It should be mentioned that the establishment of the Federal Reserve System was not a result of dollar internationalization policy but an effort to prevent bank panic like 1907 or financial crush. The currency position was finally switched in 1945 when the US stained the other criteria needed for an international currency: a central bank, net creditor status, liquid and open financial markets. One more thing is the dollar emerged from the war still convertible in gold while the pound did not, so the dollar standard became the de facto basis of the Bretton Woods system. This could conceivably imply a lag behind fundamental as long as 80 years.

Eichengreen and Flandreau (2010) show sterling and the dollar in fact share the reserve currency role more or less equally in the 1920s and 1930s; US dollar was true of international reserves (that is, of official use) prior to 1914 and was also true of trade credit (that is, of private use); network effects giving rise to increasing return have limits and lag between fundamental and currency status need not so long. Maziad and Kang (2012) stress that the level of U.S. export first surpass U.K. during World War I and it was not until World War II that U.S. trade definitively overtook that of the U.K. This revelation would suggest that the evolution of the international monetary system could actually take place rather quickly once the preconditions are in place. Another important point that Eichengreen and Flandreau (2010) made is not just market force but also policy support, the Federal Reserve System in its role as market maker, was important for the dollar's overtaking of sterling as the leading international currency.

As for the ascent of the deutsche mark, Frankel (2012) come down two factors. The high degree of confidence, prestige of the deutsche mark, the rising US balance of payments deficit and declining ratio of US gold reserves to dollar liabilities brought into question the long-term prospects for the dollar. However, the economically and politically powerful manufacturing sectors feared

that deutsche mark internationalization would lead to upsurges in the demand for marks, which would result in either further appreciation, and appreciation would immediately hurt exporters' international competitiveness. If the Bundesbank bought up dollars to resist the change in the exchange rate, it will result in inflation via the even-less-welcome channel of booming of the asset of Bundesbank. Nevertheless, the mark continued to gain status throughout the 1980s not because of policy but the market force. It was regarded as a side effect of the growing size of the German economy and the impeccable reputation that the Bundesbank had established for keeping the mark strong in value, whether measured by inflation or the exchange rate. Moss (2011) then indicate that the introduction of the euro in 1999 did not trigger any major shifts in the use of international currencies, and the euro basically inherited the international role of its predecessor currencies.

Similar to the case of deutsche mark internationalization, in 1979-80, Japanese government began to allow foreign residents to hold a fuller range of domestic assets, but politics and policy continued to oppose internationalization. Further liberalization came from the US was the main driving force. The main political motive, which had become strong enough to counterbalance the fears of domestic manufacturers that they might lose competitiveness, was to satisfy US demands, in fear that the alternative of allowing protectionist sentiment to grow in the US Congress would be worse. Support for internationalization from the Japanese financial sector was negligible. In the 1990s, official policy at last shifted firmly in favor of internationalization, with the aims of reducing exchange rate risk for domestic firms, facilitating business for Japanese banks and other financial institutions, and promoting Japan as a financial center. But it became progressively more evident that the effort had failed. Indicators of the yen's international use were shrinking, as an effect of the ills afflicting Japan's real economy, which had shown hardly any growth since the bursting of the land and equity bubbles at the start of the 1990s. Takagi (2011) wrote that by the end of 2003, it was clear that any further attempt to internationalize the yen would be futile without a fundamental change in the economic might of Japan or major cooperation efforts among Asian countries to promote the role of the yen in the region. At the end of the internationalization efforts, the international status of the yen essentially remained where it had started two decades earlier, for reasons about which Japan alone could do very little.

Kim and Suh (2011) evaluated the standing of the Korean won as an international currency. Although Korea's share in international output, trade and finance has increased remarkably, the international use of the Korean won has so far been insignificant, even in the Asia region. However, pursuing internationalization of the local currency could further damage the effectiveness of monetary policy, which is already being experienced due to the large scale of capital flows. Moreover, in its early stages, internationalization of the won may hinder rather than help the stabilization of the domestic capital market. Thus, it is important for Korea to find a possible strategy for pursuing won internationalization while maintaining a safety net. One possible way is to strengthen regional financial cooperation involving the Korean won. Park and Shin (2011) support the view and argues that the benefits of currency internationalization are rather uncertain and often unquantifiable, whereas the costs of increased domestic financial instability could be substantial. In order to minimize the costs, emerging economies would be better advised to push forward in the development of domestic financial markets that are broad and liquid enough to absorb external shocks before proceeding with currency internationalization.

Waiquamdee (2011) studied a case at the opposite end. Singapore's view on this issue has been clear and its long-standing policy of not encouraging internationalization of the Singapore dollar stems from the Monetary Authority of Singapore's use of the exchange rate as the principal tool of monetary policy. This reflects the view that, for a small open economy with a structure like Singapore's, exchange rates play an important role in determining domestic inflation dynamics.

The case of Indonesia rupiah internationalization is also typical as a small open economy. Djaafara (2011) argue following the 1997 crisis as well as a series of short-term exchange rate shocks that could have led to unwanted macro and financial instability, the acceleration of Indonesia's economic integration in the global financial market has become a policy concern in Indonesia. The rupiah is freely convertible for capital account transactions as well as current account transactions and concomitantly permitted currency internationalization. As a consequence, the rupiah has become a tradable currency on the international market. Ironically, the international use of rupiah for exports and import payments, however, has never been significant. But in a liberal financial system, financial markets can be subject to self-fulfilling panic, especially in the presence of highly leveraged positions. In a segmented and thinly traded foreign exchange market, exchange rate movements are extremely reactive to any change in sentiment – especially negative issues – and are subject to manipulation and herd behavior. Because of these problems, in 2001 Bank Indonesia designed policies to reduce the volatility of the rupiah exchange rate originating from foreign exchange trading without underlying economic transactions, while maintaining its commitment to a free foreign exchange regime. This regulation aimed to stabilize the rupiah by reducing the impact of rupiah trading by offshore players, without sacrificing real economic transactions and foreign investment. The experience indicates that in order to prevent the negative effects, currency internationalization should and could come with some kinds of capital control.

Battellino and Plumb (2011) pointed out that for Australia, the move to an internationalized currency a generation ago has proved to be very favorable. It greatly assisted in the management of the economy, spurred the development of dynamic financial markets and facilitated subsequent reforms to the goods and labor markets. Guinigundo (2011) made a comparison of the internationalization of Australia dollar and Indian rupiah and find four enlightenments:

First, currency internationalization cannot be decided in one day and pursued the next; it comes about after a long evolutionary process, when all the building blocks are in place. For the Australian dollar, floating practically took place after 12 years, from 1971 to 1983. Capital controls were dismantled in 1983. In the case of Australia, reforms did not always follow a preset plan. They were often a response to external forces exposing deficiencies in the prevailing system.

The second issue is whether currency internationalization is an end in itself. The Australian economy has benefited greatly from an internationalized currency. Its floating exchange rate has served as a buffer to external shocks, particularly shifts in terms of trade, which can be substantial in the case of Australia. The Indian rupee accounts for a very small proportion of total foreign exchange turnover, while its infrastructure for hedging is still emerging.

The third issue is whether currency internationalization is stabilizing or destabilizing. It should be pointed out, though, that a floating exchange rate and open capital account might not necessarily be destabilizing, depending on market size and confidence. However, given the severity of the crisis, the elements of currency internationalization could contribute to amplification and financial vulnerability.

The fourth issue is whether currency internationalization poses challenges to the conduct of monetary policy. It is worth emphasizing that, without the ongoing global financial challenges, a floating exchange rate and liberalized current/capital account may not necessarily be destabilizing or complicate monetary policy. If complemented by confidence-boosting measures, such as institutional reforms and the development of financial markets, these elements could, in fact, offer a market-based stability solution.

Those literature and international experiences indicate the followings: there exist a time lag between economic fundamental prerequisites and success currency internationalization; policy support, favor to the development and opening of financial market, is necessary but the process is market/demand driven; currency internationalization is far beyond the external issue, it request internal change which cannot be accomplished in a short period of time, and will give impacts on domestic policy.

2. International Monetary System and Currency Internationalization

Even though some medium or small economy internationalized their currencies, for the reason mainly of resisting the exchange rate risks of the third party to their export and domestic stable, have less impact on the reform of international monetary system, their motivation are rooted in their discontent to the malfunction of the existing international monetary system. As for the currency internationalization of systematic significant economies, even if their share the same initial propose of resisting the exchange rate risks of the third party to their export and domestic stable, their potential impact on the reform of international monetary system will make their currency internationalization draw a wide international attention. It is the case of deutsche mark, Japanese yen and euro, so does the renminbi.

We should discuss that what is a well-functioned international monetary system? What is the dilemma of and what is wrong with the present international monetary system?

2.1. Functions of International Monetary System and Its Dilemma

The key functions of international monetary system for economists included the choice of leading currency, the determination of exchange rate and the adjustment of balance of payment, thus to allow countries to run current account deficits and surpluses; to accumulate net financial claims on each other; and the more important is to provide mechanism to resume to a more balanced payment. Thus, an effective and stable international monetary system must capable in providing liquidity for world settlement, keeping confidence on leading currency and adjusting global imbalance. From the perspective of international relations, international monetary system is a set of formal and informal official arrangements or mechanism, rules or conventions relating to the balance of payments on reserve currency, exchange rate and adjustment. If economists try to find out the optimal solution of what should be, politicians will decide the choice of what will be. Hence international monetary system is a matter of choice in multilateral international relation.

It is undeniable that the collapse of the gold standard indicates that have the world liquidity supply pegged on gold production which could prevent inflation but will resulted in deflation when the liquidity supply growth cannot keep exactly in the pace of economic expanding. The breakdown of the Bretton woods system showed that even the gold exchange standard will not also

accommodated the world liquidity supply with money demand in modern economy. A kind of managed standard, global dollar standard for example, is irreversible. However, Triffin's dilemma still exist in the present global dollar standard and even worse since arrangements were replaced by conventions which give more freedom to leading currency country. This became obviously in the period of the global financial crisis. In facing with domestic recession, the Federal Reserve System could implement quantitative easing without any institutional restrictions on the possible negative effect on the existing international monetary system. The decline of the U.S. economy has made the economic fundamental of the existing international monetary system changed. Conflicts between domestic goals and international obligations still rooted in the Triffin's dilemma for leading currency.

It is the background of the new round of global interest of currency internationalization.

2.2 Multiple Currencies for a Multi-polar World Is Possible?

The quantitative easing monetary policy of the United States since the global financial crisis means that the Federal Reserve System provide excess liquidity on domestic market, in the meantime, it also means that the Federal Reserve System provide excess liquidity on international market. The expectation of dollar devaluation inhibited dollar as a store of value and the confidence of the dollar as well as the existing international monetary system.

Jeanne (2012) reviewed the performance of the US dollar as a reserve currency according to three criteria: dollar debt assets must be liquid and safe; they must be provided in sufficient quantity, and they must deliver an appropriate return. He found that the dollar performed relatively well according to the first two criteria but rather dismally according to the third one. He projected that there is little that international monetary reform can do to change that fact. We can further inferred that the long lasting low return, or negative considering the inflation, of dollar asset will finally weaken the status of dollar as a reserve currency even though the premier goals of foreign reserve management is not increase in value but value keeping. At least, some currencies attained such a high degree of confidence and prestige might share the status of international reserve currency with dollar. Eichengreen and Flandreau (2010) show that there existed a period of leading currency shift from Sterling to dollar before the world war first and the multiple currency system existed for more than 20 years. They also pointed that the network externalities giving rise to increasing return have limits effect and now therefore there is no reason why the dollar and the euro, notwithstanding their respective recent difficulties, cannot both be consequential international currencies.

Chinn and Frankel (2005) econometrically estimate determinants of the shares of major currencies in the reserve holdings of the world's central banks and noted that whether the euro might in the future rival or surpass the dollar as the world's leading international reserve currency appears to depend on two things: do the United Kingdom and enough other EU members join euro zone, so that it becomes larger than the US economy; does US macroeconomic policy eventually undermine confidence in the value of the dollar, in the form of inflation and depreciation. Benassy-Quere-Pisani-Ferry (2011) noted that after two decades out of the spotlight, the reform of the international monetary system is once again on the international policy agenda. Looking beyond the system's possible responsibilities in the crisis, exchange-rate disagreements, unprecedented reserve accumulation and the difficulties in coping with volatile capital flows in certain countries can all

explain this renewed interest in international discussions. Though the renminbi is not yet convertible, the international monetary regime has already started to move towards a 'multipolar' system, with the dollar, the Chinese currency and the euro as its key likely pillars. This shift corresponds to the long-term evolution of the balance of economic weight in the world economy. Zandonini (2013) believe that even the dollar is still the dominant reserve currency and is likely to remain so for some years to come. The end of the dollar's dominance in the coming decades seems inevitable, however, and a logical reflection of the changing order in the world economy. There is a wide consensus that a multi-currency system is the end-game in such a process. Subacchi (2012) further point out that even consensus is that a multi-currency regime better reflects a multi-polar world economy, but old problem is still there and new issues will emerge. For example, exorbitant privilege no longer for one country, but the dilemma is still there and the scope for volatility became greater, policy discipline on issuers of reserve currencies still have no clear contender but possible monopoly among issuers.

2.3 Motivations of Currency Internationalization

Historical experiences indicate that the shift of international leading currency and the reform of the international monetary system are hardly to be achieved in short time. It is clear that there is something wrong with the global dollar standard. However, economic fundamentals of the existing international monetary system did not reversed and the decline of the United States may not come to its threshold of the change. In fact, there still exist some debates on the future possible decline of the United States as the one and only superpower among scholars (Wang Jisi, et al, 2011). We also need to address that apart from the economic fundamentals, the swift of the international monetary system is also a processes of international political power game that can be found from the progress of the reform of the quotas and governance of the IMF. Even though the far-reaching reform was made frequently in recent years, the quotas cannot match or still far behind the fast changing world economy. The share of GDP and trade is not the key factor of the reform of the quotas and governance of the IMF, as well as the swift of the international monetary system. Global dollar standard will very likely continue to exist for a period of time in the future.

It is undeniable that the global dollar standard and the existing international monetary system gave negative impact on world economy. Apart from the spillover effect of the monetary policy of the United States and the failure of rebalancing which call for long term mutual effort of international society, the urgent negative impact from the malfunction international monetary system on world economy is the exchange rate risk of the dollar against the background of quantitative easing policy since the crisis. This is also the key motivation of renminbi internationalization¹.

As we had discussed above, even before the impact of financial crisis, some medium and small economies, Australia, ROK, Singapore, India, South Africa and Indonesia for example, who do not have the potential to make change of the international monetary system by themselves, had try to internationalized their own currencies in order to resist the exchange rate risks of the dollar under the existing international monetary system. The motivation of currency internationalization became

¹Considering the huge amount of foreign reserves of China were invested on dollar asset, motivation of international monetary system reform became more stronger.

more intensive and urgent after the breakout of the crisis. Theoretically the three key points of currency internationalization, international currency serve as invoicing, settlement and reserve, are integrated with each other as a whole in the processes of currency internationalization, but in the real processes of currency internationalization of those countries, the function of a international currency as invoicing and settlement were emphasized and go ahead of the function of reserve. From those international experiences and the perspective of invoicing and settlement, currency internationalization could be defined as a currency's international use as invoicing and settlement match the share economic and trade volume of the currency's country in the world.

This is might be the reason that why the reform of international monetary system was back to the spotlight again after the global financial crisis, and at the same time, currency internationalization became a hot topic again. The key motivation of renminbi internationalization is also to resist exchange rate risks of dollar to globalized Chinese economy. Just because of the potential impact of renminbi internationalization on the reform of international monetary system, discussion of renminbi internationalization often linked with the reform of international monetary system. We had to stress here that since renminbi internationalization is only a part of the international monetary system reform and it could be achieved by international efforts multilaterally in long run, now China should focus on expanding the renminbi cross-border settlement along with the prudential domestic reform and financial market development.

3. Limited Renminbi Internationalization is Feasible

As a nation of the second largest trade volume, the first investor on US treasury market, the number one foreign reserve holder in the world and the large country of highest trade dependency only next to the Germany, China takes unprecedented pressure of the exchange rate risks of the dollar since the financial crisis. The immediate challenge is more severe and more urgent than the far-reaching reform of international monetary system. Considering the three determinates of international currency, compared with the United States, now China is far behind in GDP volume and the development of a deep, liquid, and open financial market. The value of renminbi is stable but the high trade dependency made the Chinese economy vulnerable to external impacts and imported inflation. In this economic setting, to boost cross border usage of the renminbi in trade settlement is a more effective and feasible focus than the reform of international monetary system.

3.1 Renminbi Internationalization versus Renminbi Settlement: Cost and Benefit Analysis

Cost and benefit analysis is one of the inevitable parts in the discussion of renminbi internationalization. Each paper has different perspective but can be concluded as follows.

The advantages of renminbi internationalization are: 1) reducing exchange rate risks and promoting foreign trade and investment for Chinese firms since transactions can be invoiced and settled by renminbi; 2) since renminbi is no longer need to convert into the dollar for cross border settlement, Chinese firms can save the foreign exchange transaction charges; 3) if renminbi could be regarded as reserves currency, the difficult problem of foreign reserve management will gone, and can also escape from the "original sin" which most emerging economies had to deal with, help to resist the external impact and enhance financial stability; 4) to give impetus to deepening reform and opening up and improving operational efficiency of financial institutions by the chance of

renminbi internationalization; 5) promoting the development of domestic financial market, enhance the reputation of renminbi and the pricing power of China on international market, accelerating the construction of international financial center in China; 6) to help create a more stable and balanced international monetary system; 7) to gain the seigniorage.

The challenges and risks that come with renminbi internationalization may include: 1) PBOC had to face with the conflict between domestic goals and international obligations in the decision making of monetary policy; 2) it is not automatically clear that having renminbi held by a wide variety of people around the world result in greater variability of demand and a larger function in demand for renminbi, thus monetary policy decision will become more complicated; 3) a forced and reckless reform and opening up, especially the temptation of capital account liberalization, during the process of renminbi internationalization, may bring risks to China's stable growth; 4) the impact of renminbi internationalization on vested interest groups in the existing international monetary system may revokes resistance to the peaceful rise of the Chinese economy.

In terms of advantages, the first two is certainty. The third, if the difficult problem of foreign reserve management will gone and we can escape from the "original sin" depends on whether renminbi could become the only one of international reserve currency or not. Apparently it is impossible in the near future theoretically and practically. In fact, if renminbi become one of the international reserve currency alone with the dollar and the euro is already a remarkable achievement in short run. Even so, we still face the problems above to some extent. So does the fifth one. The fourth one is the possible advantage while it also the possible disadvantage in the meantime. The sixth one is the reform of internationally monetary system itself. China will take part in the process, but it call for the joint effort of the whole international society in long run. Lastly, China is fast grow emerging economy with trade surplus and foreign reserve, so the gain of seigniorage should not be the purpose of renminbi internationalization.

In terms of disadvantage, Triffin's dilemma is still an unsolved challenge for leading currency country. The United States maintain the confidence on dollar by its global economic and financial influence, as well as its political and military might. China is incomparable to the US on aspects above, and the more important is that China is a developing economy, should focus on domestic development. PBOC had only about 30 years experiences in conducting monetary policy and may incapable of handling a complicated monetary demand. For the reason of focusing on domestic development as a developing country, what China needs is to achieve a peaceful rise and should not worsen it international setting by renminbi internationalization.

On the one hand, it is premature and unreasonable for China to promote renminbi internationalization to pursuit uncertainty benefits in a long period of time in the future. On the other hand, China need to boost actively cross border usage of the renminbi in trade settlement to help firms reducing the exchange rate risks and saving transaction cost, and lay a sound basis for renminbi internationalization and the international monetary system reform in the future.

3.2 The Development and Opening up on Onshore Financial Market

There are many prerequisites for success renminbi internationalization, and there are many challenges and risks which will come with the process of renminbi internationalization, but the deep, liquid and open domestic financial market, as well as the free float of exchange rate and

interest rate, and the more important capital account liberalization were discussed intensively among foreign scholars. Chinese economists are also focus on those issues since the renminbi cross border settlement began in 2009.

The process of renminbi internationalization definitely means the currency outflow. At beginning stage, alone with the currency outflow by import settled by renminbi need current account liberalization that was achieved in 1996, currency outflow by outward investment calls for the capital account liberalization that still under selective controlled. Then the accumulated of offshore renminbi will inflow for investment on renminbi denominated assets. At this time, the full liberalized of foreign exchange transaction under capital account will be inevitable. Without an institutional facility of offshore renminbi back flow, and a deep, liquid and open domestic financial market, the process of renminbi internationalization will be severely restricted. Just like under the global dollar standard, on the one hand, the huge foreign reserves in term of the dollar had to find its way back to the financial market of United States, treasury bond market for example; on the other hand, the United States must have a depth, liquid and open domestic financial market to accommodate those back flow investments. In other word, currency internationalization indicates that a deep offshore market, and the deep offshore market calls for a deep onshore market. It is the case of the dollar, so does renminbi.

Firstly, we had to admitted that the capitalization of the domestic financial markets in China are well behind that of the United States, Europe and Japan, especially the bond market which is critical important to hosting those back flow capitals. Market liquidity and pricing efficiency are also can not comparable to those developed markets. Those features made the domestic markets in China is less attractive to investors and hardly accommodate the back flow capital from the deep offshore market; secondly, capital control in China is the hurdle that prevent the back flow capital from offshore market; and the third is that the differences between regulated exchange rate and interest rate on onshore markets and free float exchange rate and interest rate on offshore markets may disturb or twisted the process of renminbi internationalization. For international experiences of currency internationalization, the three preconditions are critical. The deep, liquid and open domestic financial market, the free float exchange rate and interest rate, as well as the capital account liberalization will not automatically ready with the process of currency internationalization. As we noted above, international discussion of renminbi internationalization since 2009 is a natural reaction to impact of the booming of the Chinese economy and trade volume, but the economic or trade volume are not the key determinants of a success currency internationalization, economic opening up and marketization are prerequisites in deep layer.

As a matter of fact, since renminbi cross border settlement began in 2009, promoted by the appreciation of renminbi expectation, the price differences between regulated exchange rate and interest rate on onshore market and free float exchange rate and interest rate on offshore market, and the motivation for arbitrage, the volume of renminbi cross border settlement increase very fast, and the volume of renminbi paid by domestic importers to foreign exporters is apparently exceeding the volume of renminbi paid by foreign importers to domestic exporters, resulted renminbi outflow. From the second half of the 2011, when the exchange rate of renminbi was regarded approaching to its equilibrium level by market participants and the accumulated of renminbi on offshore market which made the interest rate of renminbi approaching to the level on offshore market, the growth of renminbi cross border settlement volume dramatically decreased.

He and McCauley (2010) argue that, for emerging market economies that are interested in seeing some international use of their currencies, when offshore markets can help to increase the recognition and acceptance of the currency while still allowing the authorities to retain a measure of control over the pace of capital account liberalization. However, the development of offshore markets could pose risks to monetary and financial stability in the home economy that need to be prudently managed. Maziad and Kang (2012) employed a bivariate GARCH model to understand the inter-linkages between onshore and offshore markets and found that, while developments on the onshore spot market exert an influence on the offshore spot market, offshore forward rates have a predictive impact on onshore forward rates. They also find evidence of volatility spillovers between two markets. Those spillover channels would be expected to grow as the offshore market further develops.

The inevitable capital account liberalization and the interactions between offshore and onshore market are issues that should be foreseen and well evaluated before the process of currency internationalization. Almost all foreign economists believe the renminbi internationalization is unprecedented for the reason of capital control and policy driven. Even though there are no reasons *ex ante* for concluding that this strategy is doomed to fail, the ongoing process is facing unprecedented challenges for sure.

3.3 Prospect of Renminbi Cross Border Settlement and Renminbi Internationalization

The international monetary system is composed by a series of multilateral conventional and rules that call for the joint efforts of international society in long run. Renminbi internationalization suggests that renminbi will be served as international currency and hence belongs to a part of the process of international monetary system reform. Renminbi cross border settlement is based on bilateral institutional arrangement between China and transaction counterpart that is easier to achieve than multilateral but can be served as the initial stage towards renminbi internationalization. Renminbi cross border settlement is more important for China in facing with the unstable international settings including volatile of exchange rate, slow down of growth and the malfunction of international monetary system. Starting from the renminbi cross border settlement is reasonable for China in the long campaign for renminbi internationalization and international monetary system reform.

Based on China's economic and trade volume, especially the good record of renminbi exchange rate since Asian financial crisis in 1997, Renminbi cross border settlement is mainly a process of demand driven. Policy driven is not necessary but policies are needed firstly to promote the direct trading on foreign exchange market, like renminbi versus Japanese yen and renminbi versus Australia dollar, secondly to gradual deregulate constricts on transactions under capital account, and lastly to promote the development of domestic financial market.

Renminbi cross border settlement is renminbi begin to take functions of international currency for invoicing and settlement. As we had mentioned above that the three functions, invoicing, settlement and reserve, are integrated together as a whole, and the function of reserve will directly involved with process of renminbi internationalization and international monetary system reform. Here we like to note that to begin with functions of international invoicing and settlement is feasible because first, renminbi cross border settlement is limited to private use as currency substitution rather than official reserve currency; second, the expending of private use means it is a demand

driven process rather than a policy driven process; third, at the initial stage of expending renminbi international use as invoicing and settlement currency, if foreign renminbi holder just keep the position only for transaction and precaution, rather than investment, then will not demand of renminbi to serve as international reserve currency.

I believe that renminbi internationalization at present time is feasible if the definition of currency internationalization as a country's currency match with its share of trade and investment in the world. In fact, it is the renminbi cross border settlement. It is a demand driven process and a bilateral issue that could be done by China and its counterpart respectively rather than a multilateral issue like international monetary system reform. However, to expand renminbi cross border settlement is the start point of renminbi internationalization and China's effort of international monetary system reform.

Reference:

Agnès Bénassy-Quéré and Jean Pisani_Ferry (2011): "What International Monetary System for a Fast-Changing World Economy?" Bruegel Working paper, June.

Battellino, Ric and Michael Plumb: "A generation of an internationalised Australian dollar", BIS Papers No.61.

BIS (2011): "Currency Internationalisation: Lessons from the Global Financial Crisis and Prospects for the Future in Asia and the Pacific, Proceedings of a Joint Conference Organised by the BIS and the Bank of Korea in Seoul on 19–20 March 2009, BIS Papers No.61.

Chinn, Menzie, and Jeffrey Frankel, 2005, "Will the Euro Eventually Surpass the Dollar as Leading International Reserve Currency?", NBER Working Paper, No. 11510.

Djaafara, Rizal A (2011): "Internationalisation of currency in East Asia: implications for regional monetary and financial cooperation", BIS Papers No.61.

Eichengreen, Barry (2009): "The Irresistible Rise of the Renminbi", <http://www.project-syndicate.org/commentary/the-irresistible-rise-of-the-renminbi>.

Eichengreen, Barry (2009): "The Renminbi as an International Currency", Journal of Policy Modeling, vol.33, pp.723-730.

Eichengreen, Barry and Marco Flandreau (2010): "The Federal Reserve, the Bank of England and the Rise of the Dollar as an International Currency, 1914-39", BIS Working Papers No.328.

Frankel, J. (2012): "Internationalization Precedents for the Internationalization of the RMB", Journal of Economics Integration, vol.27, No.3, pp.329-365.

Guinigundo, Diwa C (2011): "Comments on Shyamala Gopinath's paper "An Internationalised Rupee?" and Ric Battellino's paper "A Generation of an Internationalised Australian Dollar": A Journey through Time", BIS Papers No.61.

He, Dong and Robert N McCauley (2010): "offshore Markets for the Domestic Currency: Monetary and Financial Stability Issues", BIS working papers No.320.

Ito, Takatoshi (2010): "China as Number One: How about the Renminbi?", Asian Economic Policy Review, vol.5, pp.249-276.

Ito, Takatoshi (2011): "The Internationalization of the RMB: Opportunities and Pitfalls", download from <http://www.cfr.org/china/internationalization-rmb-opportunities-pitfalls/p26287>.

Jeanne, Olivier (2012): "The Dollar and Its Discontents", Peterson Institute for International Economics, Working Paper Series, WP12-10, May 2012.

Kenen, Peter B (2011): "Currency Internationalization: An Overview", BIS Papers No.61.

Kim, Kyungsoo and Young Kyung Suh: "Dealing with the Benefits and Costs of Internationalisation of the Korean Won", BIS Papers No.61.

Kroeber, Arthur (2013): "China's Global Currency: Lever for Financial Reform", Brookings-Tsinghua Center for Public Policy, Monograph Series Number 3, February.

Krugman, Paul (1984): "The International Role of the Dollar: Theory and Prospect." In *Exchange Rate Theory and Practice*, edited by John Bilson and Richard Marston (Chicago: University of Chicago Press): 261-78.

Maziad, Samar and Joong Shik Kang (2012): "RMB Internationalization: Onshore/Offshore Links", IMF Working Papers, No.133.

Moss, Frank: "The Euro: Internationalised at Birth", BIS Papers No.61.

Park, Yung Chul and Kwanho Shin (2011): "Internationalisation of currency in East Asia: implications for regional monetary and financial cooperation", BIS Papers No.61.

Peng, Wensheng and Chang Shu (2009): "Currency Internationalization: Global Experiences and Implications for the Renminbi", Palgrave Macmillan.

Prasad, Eswar and Lei (Sandy) Ye (2012): "The Renminbi's Role in the Global Monetary System", *Global Economy and Development* at Brookings, February.

Subacchi, Paola (2012): "All Change, ... or Not? The International Monetary System in Transition", *International Symposium on IMS Reform and Internationalization of RMB*, China Society of World Economics, Shanghai Jiao Tong University, Shanghai, 27 September 2012.

Subramanian, Arvind (2011): "Renminbi Rule: The Conditional Imminence of the Reserve Currency Transition", *Peterson Institute for International Economics, Working Paper Series*, WP11-14, September 2011.

Takagi, Shinji (2011): "Internationalising the Yen, 1984–2003: Unfinished Agenda or Mission Impossible?", BIS Papers No.61.

Waiquamdee, Atchana (2011): "Progress towards Internationalisation: the Korean and Singaporean Experiences", BIS Papers No.61.

Wang Jisi et al (2011): "China and the United States in the next Decade", *International Economic Review*, No.3.

Yu, Yongding (2013): "The Temptation of China's Capital Account", <http://www.project-syndicate.org/commentary/the-risks-of-easing-china-s-capital-controls-by-yu-yongding>.

Zandonini, Myriam (2012): "Multiple Currencies for a Multipolar World: All Change ... or Not?", Chatham House, April.

Globalization and the implications for China's cooperation with US, EU and Japan

FENG, Weijiang¹

1. Introduction

China has been a major beneficiary, if not the biggest one, of globalization since the reform and opening-up policy was implemented in 1978. Although some works argued that China had accepted greater interdependence largely out of economic necessity (Deng & Moore, 2004) and had even paid the high costs of social, political, and cultural readjustment (Saich, 2000), the mainstream believes that globalization has brought China further successes. Benefited from the Capital flows and technological spillovers, China has been catching up with global advanced levels in various areas such as corporate governance, the legal system, R&D management and business practices (Kato, 2012). Supported by rapid integration into the global economy, China has also achieved remarkable progress in poverty reduction and seen the most spectacular reduction of poverty in world history (Dollar & Kraay, 2002; Liang, 2006). Sustaining impressive double-digit growth for much of the 1980s and 1990s and high single-digit growth for the 2000s, China has accomplished in three decades what many developing nations have taken half a century or more to achieve (Guthrie, 2012, p. 3).

China has been changed by the globalizing world over the past decades, and the world is also changed and will be changed more and more in the future by China. In many cases the popular literature has reflected the concerns and even worries of the latter situation, as evidenced by recent titles such as: *China Shakes the World: A Titan's Rise and Troubled Future – and the Challenge for America* (Kynge, 2007); *Eclipse: Living in the Shadow of China's Economic Dominance* (Subramanian, 2011); *When China Rules The World: The End of the Western World and the Birth of a New Global Order* (Jacques, 2012); *Is China Buying the World* (Nolan, 2012); *China As an Economic and Military Superpower: A Dangerous Combination?* (Uckert, 2012).

Some works argue that China plays the positive role in globalization and projecting from current growth to Chinese global dominance or threats to western way of life is just wrong (Overholt, 2005). However, other works look China as the potential negative impact on world economic order and security. The paradox is that proponents of the latter view can be divided into two opposing camps. One group persists in the China-collapse theory and thinks that China's economic is on the verge of collapse (Chang, 2002)² and which will lead to a global depression (Gorrie, 2013). The other group holds the opinions of the so-called "China threat" theory. Some supporters from this group argue that China will continue to be an increasingly important and influential country in world affairs, and China's continuous anti-democracy diplomacy would have a significant impact on the diffusion of democracy throughout the world (Friedman & McCormick,

¹ Institute of World Economics and Politics, Chinese Academy of Social Sciences.

² According to Chang (2002), China would collapse around 2006.

2000, p. 5). Others think that with rapidly rising military budgets and army generals eager to show their aggressive behavior over disputed territories, China is a threat to geopolitical stability (Swaine & Fravel, 2011). As John Mearsheimer argued, “A wealthy China would not be a status quo power but an aggressive state determined to achieve regional hegemony” (Mearsheimer, 2001, p. 402).

Actually, globalization is a process of interaction with the outside world for the big countries like China. China would be positive to the world and would also continue to get benefit from the world, if it deals with the globalization wisely and correctly and make others, especially its neighbors and the other main players in the world, believe that China's globalization successes is harmless and acceptable. In other words, China will only become a truly global power when its rising power status is accepted, or at least tolerated, by other major powers and China's neighbors (Yee, 2011). If China increases its economic and military strength successfully through globalization but losses the strategic degrees of freedom for incurring suspicion of other powers, then the so-called “China threat” theory would be a self-fulfilling prophecy. If China fails to understand and comply with the globalization ahead, it would even fall into collapse.

This article illustrates the characteristics and laws of globalization as a historical process and makes clear the role of China in the process. After that, we can know about the trends of globalization in the future, discuss the grand strategy of China and find an appropriate method for China to further increase the integration into the global economy and to handle relationships with other main players such as U.S., EU, and Japan in the globalizing world.

2. Three versions of globalization since WWII

It is difficult to give a clear and rigorous definition to globalization since it has been widely used and debated by social sciences. As some authors argue, the word “globalization” has been used in many different discursive fields (Fiss & Hirsch, 2005) and has been a victim of its own success. Its widespread use has blurred the term's meaning to such an extent that its usefulness for scientific purposes is doubtful (Caselli, 2012). Against this background, the following analysis ignores the skeptics' position of denying globalization and identifies three types or versions of globalization since WWII.

2.1 Hegemony-led globalization

After the end of WWII, with the disappearance of common external threats and the rising of their desire to expand powers to cover the world, relations between the two superpowers, the United States and the Soviet Union, began to break down.

To prevent the Western European industrial countries from turning to Communism, the United States announced the Marshall Plan in 1947 to help rebuild a dying postwar Europe. The Soviet Union was excluded from the Marshall Plan when it slowly came to found the plan attempting to use economic aid not only to consolidate a Western European bloc, but also to undermine recently-won, and still somewhat tenuous, Soviet gains in Eastern Europe (Parrish & Narinsky, 1994). As a reply to the formation of the Organization for European Economic Co-operation in non-communist Europe in the framework of the Marshall Plan, the Soviet Union and Eastern Bloc created the COMECON. As a result, the Soviet Union successfully avoided being excluded by the United

States and Europe. However, the Soviet Union and Eastern Bloc were isolated from the whole world.

On the other side, the United States, as the only hegemony of the western world, successfully promoted the globalization led by its own. The United States created the vast majority of the global mechanisms and rules according to its own (and its allies') interest. The organizational structure, location, authorization of the United Nations, the World Bank, the International Monetary Fund (IMF) and other major global institutions are dominated by the United States and mainly reflects the interests of United States (Peet, 2003; Wade, 2002; Woods, 2003). For example, Empirical studies show that, the World Bank loan to all countries is significantly affected by the interests of the United States (Fleck & Kilby, 2006), and the conditions linked to IMF loans are different to the members for the degree of them to close to the United States (Dreher & Jensen, 2007). Without the support of the United States, even if all other parties were willing to agree, a formal agreement on International Trade Organization could not be reached (Keohane, 2005, p. 148).

At this stage, the globalization was almost equivalent to Americanization, because the United States had an absolute advantage over the others and was the main even only provider of public goods. In order to finance for the Western Europe's large trade deficit with the United States and rebuild European economies, the United States had given \$13 billion in economic and technical assistance to help the recovery of the European countries that had joined in the Organization for European Economic Co-operation during the four years that the Marshall Plan was operational. Japan had also greatly benefitted from the assistance from the United States. Total U.S. assistance to Japan for 1946-1952 was roughly \$15.2 billion in 2005 dollars, of which 77% was grants and 23% was loans. Most of these funds were provided through Government Appropriation for Relief in Occupied Area (GARIOA) grants. Japan repaid \$490 million of the total postwar assistance. Of the \$2.2 billion in total aid, an estimated \$655 million, or almost a third, went to categories that would mostly contribute directly to economic recovery (Serafino, Tarnoff, & Nanto, 2006).

At most of the time Chinese freed to the hegemony-led globalization. China was not the member of COMECON and also refused to join the trade and investment network led by the United States. China was though as the world's greatest opponent of globalization, and greatest disrupter of the global institutions created by the United States (Overholt, 2005).

2.2 Oligarch-led globalization

With the economic recovery and rising of Europe and Japan, the gaps between them and the United States were narrowing till mid-1990s (Figure 1). The comparative advantage of the United States was losing (Vogel, 2001). Accordingly, the ability and willingness of the United States to provide public goods declined.

Figure 1. EU, Japan and US share of world GDP (%)



Sources: CEIC

In the 1970s, the United States could not bear the responsibilities to resist the risk from economic globalization by its own and announced to the direct convertibility of dollars to gold, which marked the US dollar's transition from the gold standard to a fiat currency. As president Nixon finally issued Executive Order 11615 in August 1971 and said, “We must protect the position of the American dollar as pillar of monetary stability around the world... I am determined that the American dollar must never again be hostage in the hands of the international speculators” (Meier, 1974, p. 164).

On November 15~17 1975, leaders from six industrialized nations include France, West Germany, Italy, Japan, United Kingdom, and United States came together to discuss economic policies. The summit became known as the Group of Seven or G7 the following year with the addition of Canada. This is the beginning of oligarch-led globalization.

As there came the rapid integration of European countries, especially after the creation of Euro and Euro Area, EU became a new polar of the world besides the United States. The European integration was thought as a key part and a great sample of globalization. As a result, the global rules are no more decided by the only hegemony but are set by some key players include the United States, EU, Japan and so on at several multilateral arena such as G7.

Although EU would not always agree with and support the United States' claims, their basic points about globalization are the same. They share a common ideology. They think the competitions, both horizontal and vertical competitions, should play a central role in the process of globalization. As Pelkmans put it: “Competition by market participants is likely to lead to lower prices for similar goods and services, to greater quality variation and wider choice for the integrating area, as well as to a general impetus for change. Product designs, services methods,

production and distribution systems and many other aspects become subject to actual or potential challenge. They may induce changes in the direction and intensity of innovation and in working habits. (...) Economic integration will also expose regional or national governments to competition, with interesting consequences” (Pelkmans, 2006, p. 3).

The process of EU’s integration inflects the significance of competition in their mind of globalization. The principle of impartiality and equity is essential for a fair competition. In the process of European integration, more specifically, from the EEC treaty of 1957, the Single European Act of 1985, the Maastricht Treaty of 1991, to the Amsterdam Treaty of 1997, the uniformity of market and policy is always considered crucial to remain a level playing field for all.

In the EEC treaty of 1957, the two general means for creating fair environment and developing vibrant economy are the common market and the approximation of economic policies. The common market is defined with a customs union and ‘four economic freedoms’: the free movement of goods, persons, services and capital. The approximation of economic policies includes a series of common policies which concern trade, agriculture, fiscal regulation, and so on. In the Single European Act of 1985, the two general means remain in place, only adds some new content. Significant changes happen in the Maastricht Treaty of 1991, a third means (EMU) is added and the label ‘approximating economic policies’ is replaced by ‘common policies or activities’. The foundation of EMU means a new institution for common market and policies appears which can sustain the fairness of competitive environment more strongly, flexibly and effectively. Comparing to the Maastricht Treaty, The three means in the Amsterdam Treaty of 1997 have not changed and their many instruments have been altered only marginally.

In the normal period, the common market, policies, activities and institution can surely build a fair environment to encourage effective and productive competition, which may promote the technological creativity and economic vitality in the region. Taking into account the possible damage to the free competition by centralization, EU follows the principle of subsidiarity when fulfilling its public economic functions. Article 3b of the Treaty Establishing the European Community prescribes:

In areas which do not fall within its exclusive competence, the Community shall take action, in accordance with the principle of subsidiarity, only if and in so far as the objectives of the proposed action cannot be sufficiently achieved by the Member States and can therefore, by reason of the scale or effects of the proposed action, be better achieved by the Community.

Any action by the Community shall not go beyond what is necessary to achieve the objectives of this Treaty.

At first, the East Asian integration follow EU’s example. Southeast Asia countries created the Association of South-East Asian Nations (ASEAN) to promote the cooperation between and among themselves, as well as China, Japan and South Korea.

The East Asian economic and financial cooperation did not get discernible progress until the grave impact of the Asian financial crisis in the late 1990s happened. When it happened, IMF, which is under the control of western oligarchs, organized the aid and rescuing projects for some Asian countries. However, as country after country fell into crisis, IMF insisted that exactly the same kinds of financial institutions found in the United States and Europe had to be created in Asia, as a condition for IMF support. For most of the countries involved, IMF intervention has been

roundly criticized. The role of the International Monetary Fund was so controversial during the crisis that many locals called the financial crisis the "IMF crisis".

Actually, in the period of crisis, the principle of "free competition first" may conduct and enlarge the external shocks in the region. Fears of breaking the principle of subsidiarity, EU cannot take drastic measures to block the crisis and always releases ambiguous policy signals. For example, as some author describes, "when the Greek crisis began to intensify in February 2010, European partners dithered over providing a loan to Greece and agreeing to IMF involvement. As the crisis intensified, policymakers started to blame 'speculation', or suggest ad hoc measures, such as banning certain financial products and setting up a European credit rating agency. When policymakers are busy with these kinds of redundant activities and provide conflicting signals about their intentions, markets are likely to draw the conclusion that policymakers do not have the means to resolve the crisis" (Darvas, 2010). This situation encourages serious contagious effects within the euro area.

Furthermore, the competitive-oriented integration discourages the regional power to take upon itself to lend a helping hand to members with sticky situations positively. Since the power has provided most regional public products according formal treaties, in the crisis, it is inclined to doubt the necessity of helping others in trouble and even to blame them. For example, in the European sovereign debt crisis, Germany has been reluctant to pledge direct financial aid because German public opinion takes a dim view of the shoddy statistics-keeping that have long hidden the true size of Greek deficits and debts (Wielaard, 2010).

To sum up, the principle of fairness, which is supported by common market, polices, activities and institution, plays a key role in the western-typical globalization process. It may be effective in the normal period, but may also aggravate the situation in crisis.

2.3 Fragmenting globalization

Learning from the experiences of the Asian Financial Crisis, East Asian countries began to explore their own way to promote international economic and financial integration, which could be called as cooperative-oriented integration. Actually, the spirit of cooperative-oriented integration is deeply rooted in traditional Eastern culture. We can find it in the "flying geese" pattern or the FG model.

The phrase "flying geese pattern of development" is coined originally by Kaname Akamatsu in the 1930s articles in Japanese. The original FG model is a theory to explain a sequential development of manufacturing industries in developing economies. In his postwar articles, Akamatsu adds a pattern of inter country alignment in order to explain the regional transmission of FG development from a lead goose to follower geese. In particular, the FG model of industrial development is transmitted from a lead goose (Japan) to follower geese (Newly Industrializing Economies (NIEs), ASEAN 4, China, etc.) (Kojima, 2000).

The most significant insight of the FG model is its clear understanding about the diversities and complementarities among the regional members. Based on the diversities and complementarities, Japan can offer trade-oriented foreign direct investment (FDI) to those industries which Japan was becoming comparatively disadvantaged. In this model, most developed economy supplied the capital, technology, and even developmental norms by the method of FDI to

second-tier "geese", and the second-tier "geese" also transfer less complex technology and relevant capital to third-tier "geese", and so on. Since the same kind of investment, technology and production cluster in same tier of countries, the rationalization of industry is made possible by the economies of scale. It creates export capacity in developing countries while obtaining necessary imports for the more developed economy and accelerating internal structural adjustment (Kaur, 2009). All "geese" benefit from this model of economic development.

However, the FG model is not a flawless pattern. Firstly, it implicates that the less developed regional members must follow the developed members and catch up with them in a unilinear track. As Hobday (1995) says, this model fails to capture the diversity of development paths in the region. Overemphasizing the catch-up and imitating over the developed economy, the FG model underrates the role of specialization and openness in promoting technical progress. Actually, with the development of economy, the NIEs gradually become an important and distinct source of East Asian technological progress. Secondly, it exaggerates the "lead goose" Japan's innovation ability. The FG model also underplays the significance of the US economy, both as a market and as a source of technology and investment (Hobday, 1995). Thirdly, there is not a comprehensive formal regional arrangement to encourage the specialization of each member in the FG framework.

In conclusion, the FG model shows the traditional oriental idea of cooperation on the basis of diversities and complementarities and indicates the possibility of achieving cooperative-oriented integration in Asia, although it cannot complete this task by itself for its immanence limitation, which restrains the functions of scale economies and the economies of scope.

Although Asian countries had begun to explore the other possibilities of the integration and globalization, they were still under the influence of great EU model and Americanization until the outbreak of the Global Financial Crisis of 2007-2008 and the European sovereign debt crisis in 2010. These crises made a fundamental change to the situation where new emerging economies are weak sectors and original places of economic crisis. The double-speed recovery after crisis made other developed markets which are in winds and storms to sign for rapid development of new emerging economies like China. Under the background that developed markets were affected by American subprime crisis and European sovereignty debt crisis, new emerging economies suddenly appeared at the stage for global economic governance, becoming the pillar for keeping world's economic growth. They are changing the world's political and economic structure with the outstanding performance in economic growth.

However, the emerging economies still cannot persuade the western or advanced economies to try to explore a new way to promote globalization. Obviously, till now, there is not a complete and institutionalized cooperative-oriented globalization process in the world. Some western countries still insist the traditional wisdom of the competition. For instance, developed countries after undergoing the economic crisis had reconsidered their competition advantages, economic safety and growth mechanism in a comprehensive manner, and started to promote the internationalization and multilateral development of "competition neutrality", trying to keep their relative advantages to new emerging economies. Originally, the concept "competition neutrality" was put forward from an internal angle of a country, and is aimed at avoiding the circumstance where social resource distribution was distorted by forces or advantages (disadvantages) outside the market, resources were distributed to departments which are lack of efficiency and decrease of

social deposits. Moreover, the principle of “competition neutrality” also prevents departments who were benefited from unfair competition from damaging reputation of entire market, so as to reduce market competition, make massive resources to transfer from creation of new technologies and services to non-productive behaviors, and lower the productive investment level. Countries such as Australia are earliest ones to set up the “competition neutrality” principle in some economic regulatory measures. In November 2011, OECD released the report titled “Competition Neutrality and State-owned Enterprises: Challenges and Policy Selection”, which makes comprehensive researches on competition advantages of state-owned enterprises in comparison with private enterprises as well as ideas and measures to abolish these advantages, and puts forward the policy framework for “competition neutrality”. Later, America, EU and Australia tried to promote member states of OECD and other non-member states to establish the policy framework for “competition neutrality” and promoted “competition neutrality” in various bilateral and multilateral negotiations such as TPP, trying to change the domestic policy into a general rule for international economic cooperation. Internationally, the fundamental reason to promote this principle is to force new emerging markets to give up the development mode of “developing government”, constrain efforts of the government and limit their functions and ability to “intensify the market”. For new emerging markets and less developed countries, they can concentrate their limited resources to promote marketization and have to face competition with advanced enterprises in developed countries before realizing marketization and modernization. Such neutrality is unfair.

In the stage of fragmenting globalization, comparing to the stage of oligarch-led globalization, the divergence among global powers increased. In the stage of oligarch-led globalization, the difference between the two or more sorts of globalization was not a matter of ideology. Not only the western countries but also their eastern students were all believer of Neoliberalism or the so-called Washington Consensus. However, after the Global Financial Crisis, common doctrine or belief to the West was shaken. Some countries began to explore new methods to promote globalization, but their operating modes were immature.

3. Implications for China’s grand strategy and suggestions for cooperation with selected main players

According to the trends in globalization, three conclusions could be drawn at least. Firstly, to build a closed bloc could facilitate to control and consolidate one's hold on first place. However, it might impede the spread of technology and progress and might not conducive to innovation and long-term economic growth.

The evidence shows that no one could challenge the Soviet Union’s power substantively inside the Eastern Bloc, while in the West, Japan and EU had become strong contenders for the United States one after another. Comparing to the United States, the Soviet Union had greater control over its satellite states. However, the costs of isolating from outside world are too heavy. The Soviet Union and the Eastern Bloc could not catch the rich opportunities of markets, resources, technologies, management skills from the rest of the world, which limited their innovation ability and growth potential. In the West, despite the potential competitors challenged the United States in many aspects, the competition promoted a more dynamic economy in the whole, which made the United States and its allies won the marathon with the Soviet Union.

In this respect, China should continue to be integrated into the open world and commit to maintaining the openness of the global economic system. China should firmly demonstrate the desire to “increase trust, reduce trouble, develop cooperation, and refrain from confrontation” in a new model of major country relationship.

Secondly, the hegemony stability mode is diminishing. The demands for international public goods become greater and greater. The hegemony becomes less and less able to match the demands. After WWII, the United States have the most gold in the world, have the only complete industrial system in the world far away from the war, and have the nuclear strike capability above all of the world, hence have the ability to act as a stable core of the Western world and to provide security, economic and social development of public products. With the economic recovery of the rest of the world, the ability and willingness of the United States to provide public goods is relatively declining. It wants more countries to pay for the global issues. Emerging markets begin to play more important roles in the globalization process, and are considered as new comer for sharing responsibilities by the United States, as well as the traditional industrialized countries. China and other emerging economies should keep balance among the responsibilities, capabilities, and power.

Last but not the least, China's experiences and methods are expected to have a lasting and widely influence worldwide. In the process of the fragmenting globalization, old authority is suspected, new rules are absent. Although there has not a complete and canonical explanation of the “China model”, persistent high growth of Chinese economy impresses the world. In the context that the most developed markets are in deep financial crisis and debt crisis, China's high growth persuades some countries, especially some developing or less developed countries, believing that China must have done something right. Some of the less developed countries have begun to want to learn from China, replacing the previous model of development.

It is the best of times for China. It is also a risky times for China. An appropriate grand strategy is important for China to clear the goals and the core interests and to reveal the risks in the process of globalization.

Some strategists espoused that China should take a strategy of “March West” since the United States has designed the foreign policy pivot to Asia. Others suggested that China should pay more attention to take over the surrounding countries and to dedicate to extend its impact on and multilateral cooperation with neighborhood, which sometimes was critiqued as Monroe Doctrine in Asia.

Although there are all kinds of different strategies, there is a consensus among most Chinese strategists that the grand strategy should serve to strengthen China and to enrich Chinese. However, for a big country in the era of fragmenting globalization, this goal might be inappropriate.

As this analysis suggests, the goal for China's grand strategy should match at least four conditions. First, it should not depart from China's long term interests. Second, it should have more positive externality and less negative externality. Third, it should be in line of China's comparative advantages. Fourth, it should be facilitated to absorb others' participation and could motivate the external resource as much as it could.

Reducing global poverty might be a worthy alternative. First, the global poverty would limit the growth potential of China. China is the world's largest producer of manufactured goods, but many raw materials and energy must come from or through some less developed countries. Poverty in these countries or regions has created a lot of difficulties for Chinese investment in these areas.

Materials are looted by local residents, workers and technicians are kidnapped for ransom, resources and products are robbed, and so on. These are all related to poverty. China has an incentive to fight for global poverty.

Second, China has great advantages and achievements in reducing poverty. Poverty reduction is an important goal and task of the whole world. The United Nations has set a Millennium Development Goals to reduce poverty. From 1990 to 2010, the international community has made significant progress on this issue. During these years, poverty in developing countries fell by half, from 43% down to 21%. In this process, China alone contributed three quarters. China has the ability to play an important role to curb global poverty.

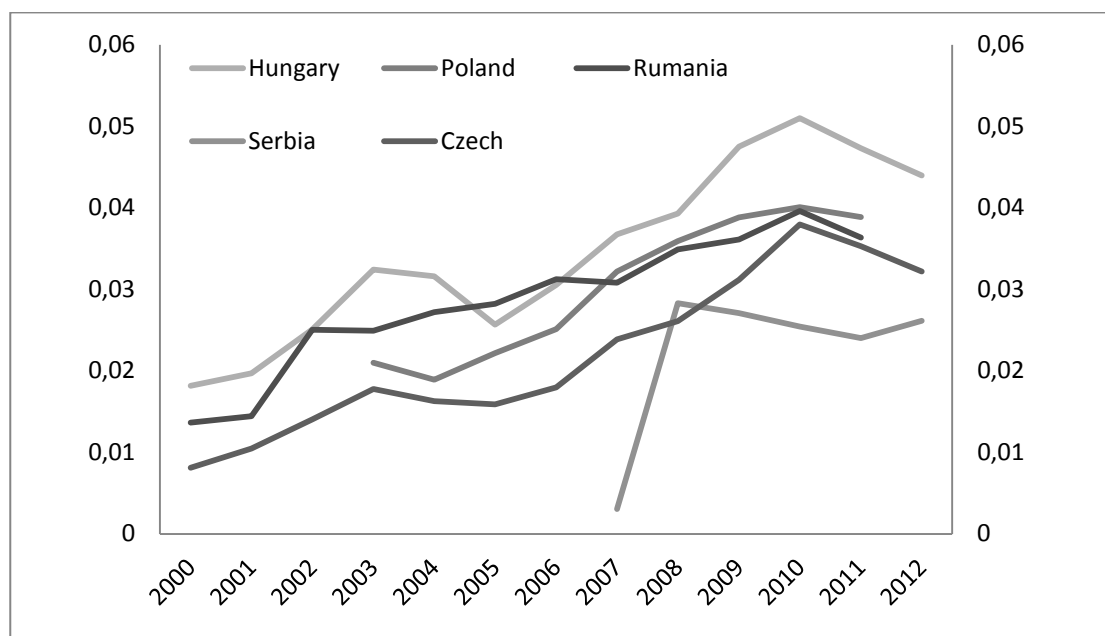
Third, China might get broad support all over the world for fighting global poverty because of the moral characters of the goal. If China only pursues its own wealthy and powerful, it might logically conflict with other powers. If China seeks to curb global poverty, it might motivate resources from other countries to work together. In this process, China's experiences and claims on international rules might implement into the framework of new world order.

China cannot adapt and construct the new globalization or re-globalization only relies on itself. It must find its position in this process and build proper cooperative relationship with other main players.

The United States is the most important potential collaborator for China in global affairs, says to construct the next generation globalization. But as the only superpower in the world, the United States is very sensitive to its relatively decline and turns to more and more difficult to deal with. Ten years ago, we can also hear voice with full self-confidence from the United States, such as: "All of China's economic successes are associated with liberalization and globalization, and each aspect of globalization has brought China further successes. (...)China has effectively become an ally of U.S. and Southeast Asian promotion of freer trade and investment than is acceptable to Japan, India and Brazil. (...)We and the world, not to speak of a billion Chinese citizens, have paid a horrible price, over more than a century, for China's weakness. The world needs a healthy China. (...)From the beginning of the Cold War, it has been the central tenet of U.S. foreign policy that, if we could engage as much of the world as possible in successful economic growth, through domestic reform and what came later to be called globalization, we could stabilize Europe and Asia, win the Cold War, and create a stable global order. (...)This strategy has proved to be one of the most successful geopolitical strategies in human history" (Overholt, 2005)

A superpower lacking self-confidence is the greatest threat to the world order and international security, not to mention the globalization. China must cooperate with European countries, especially the Eastern and Central European countries (ECEs) which have higher and higher degree of interdependence (Figure 2), Russia, and other emerging powers. China should not persuade these countries supporting its plans first, and then coerce the United States to join those plans. On the contrary, China should persuade and encourage the United States exercise a leadership role in those plans though other countries smartly, and help the United States restoring its confidence.

Figure 2. Weight Interdependence Degree of Selected ECEs



Sources: ECIC

Note: This figure reflects the degree of interdependence of products, market and investment between selected ECEs and China.

Japan is one of the most important collaborators for China in regional affairs. Recently, the relationship between Japan and China deteriorated sharply for territorial disputes around Diaoyu Islands. However, Japan joining in the TPP (Trans-Pacific Partnership Agreement) might give a more significant impact on regional cooperation.

Japan announced to take part in TPP increases ASEAN's anxiety over being marginalized in regional economic cooperation. In the existing East Asian economic cooperation framework, whether it is seen as 10+1(ASEAN+either Korea, China, Japan), 10+3 (ASEAN+Korea+China+Japan) or 10+6 (ASEAN+ Korea+China+Japan+India+Australia+New Zealand), ASEAN is still placed in the "driving" or leading position. Because of the competition of great powers in this region, a number of states have made it their objective to conclude regional trade agreements with ASEAN. This has made ASEAN the "axle state" in the regional economic cooperation, while China, Japan and Korea become the "spoke states", since there are no corresponding regional trade agreements among them. This structure of cooperation has brought many specific benefits to ASEAN, the "axle state". For instance, its products can enter all the markets of the "spoke states" through regional trade agreements, while products from the "spoke states" are not able to enter each other's markets due to the restriction on the rules of origin. In terms of investment, the special status of the "axle state" helps to attract outside capital (even including those from "spoke states"). However, once Japan enters the TPP, the pattern of East Asian cooperation will be rewritten. In a broader Asia Pacific Economic Cooperation Framework, Japan will take the place of ASEAN to become a new "axle state" in a larger regional cooperative structure, while ASEAN as a whole would be reduced to the situation of "spoke state". For ASEAN

proposing the large area FTA is not necessarily a direct way to counter the TPP, but it indeed considers reducing the negative influence the TPP exerts on ASEAN. For the alliance with ASEAN at its center, TPP is both the pressure and the centrifugal force. If tackled properly, it will promote further market integration and policy coordination. If not, ASEAN and all the other East Asian economies will lose the power to lead on issues of regional cooperation.

For Japan, joining the TPP has greatly expanded its strategic freedom in the field of cooperation in the Asian Pacific region. Like a senior government official in Japan said, if the strategy of the U.S. “pivot to Asia-Pacific” achieves substantial results, Japan entering the TPP could “change the pattern of economic cooperative rules in the Asian region led by China to a future one decided jointly by Japan and the U.S.” Even if the U.S. strategy of “Returning to Asia-Pacific” is just a “political gesture” with no real effects on economic cooperation, which rather becomes the driving force of the establishment of a large area FTA in ASEAN, this wide cooperative framework (10+6) is still a satisfying way for Japan to replace the framework (10+3) initiated by China. Whichever the situation, the relative power of Japan in the East Asian Region will be guaranteed.

Actually, China-Japan relationship is mainly affected by China-US relationship. If China can establish a good relationship with the United States, Japan would come back the way to regional cooperation, which is called over-head diplomacy.

On the one hand, since the TPP would develop into new global rules and deeply impact on the globalization ahead, China could apply to participate in the talks as an observer and acquire information or even influence the talk, even take part in the negotiation of TPP.

On the other hand, China should leave a back door to Japan for making it back on the way of East Asian economic and financial cooperation. China can jump out of the set pattern of promoting East Asian cooperation only through free trade agreements. China could be devoted to providing public goods which are complementary to the agreements, in order to build up a new economic order in East Asia. To be more specific, China should promote the construction of the East Asian financial rules through East Asia's foreign exchange reserves. In the long run, just like the ultimate goal of the US in promoting the TPP, China should also promote East Asian financial rules as the prototype for the global financial rules, which might be inseparable from the participation of Japan at first and the United States in the end.

References

- Caselli, M. (2012). *Trying to Measure Globalization: Experiences, Critical Issues and Perspectives*. Springer.
- Chang, G. G. (2002). *The Coming Collapse of China*. Arrow Books.
- Darvas, Z. (2010). Fiscal federalism in crisis: some facts and lessons from the US for Europe. *Forthcoming Bruegel policy contribution*, 10.
- Deng, Y., & Moore, T. G. (2004). China views globalization: Toward a new great-power politics? *Washington Quarterly*, 27(3), 115–136.
- Dollar, D., & Kraay, A. (2002). Spreading the Wealth. *Foreign Affairs*, 81(1), 120–133.
- Dreher, A., & Jensen, N. M. (2007). Independent Actor or Agent? An Empirical Analysis of the Impact of U.S. Interests on International Monetary Fund Conditions. *Journal of Law and*

- Economics*, 50(1), 105–124.
- Fiss, P. C., & Hirsch, P. M. (2005). The discourse of globalization: Framing and sensemaking of an emerging concept. *American Sociological Review*, 70(1), 29–52.
- Fleck, R. K., & Kilby, C. (2006). World Bank Independence: A Model and Statistical Analysis of US Influence. *Review of Development Economics*, 10(2), 224–240.
- Friedman, E., & McCormick, B. L. (2000). *What if China doesn't democratize?: implications for war and peace*. East Gate Book.
- Gorrie, J. R. (2013). *The China Crisis: How China's Economic Collapse Will Lead to a Global Depression*. John Wiley & Sons.
- Guthrie, D. (2012). *China and Globalization: The Social, Economic and Political Transformation of Chinese Society*. Routledge.
- Hobday, M. (1995). Innovation in East Asia: diversity and development. *Technovation*, 15(2), 55–63.
- Jacques, M. (2012). *When China Rules The World: The End of the Western World and the Birth of a New Global Order [Greatly Expanded and Fully Updated]*. Penguin Books Limited.
- Kato, H. (2012). globalization: will China change the world? *The Journal of Contemporary China Studies*, 1(1), 5–22.
- Kaur, I. N. (2009). Are the geese still flying? Catch-up industrialization in a changing international economic environment. *Pacific Rim Report*, 51(January).
- Keohane, R. O. (2005). *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton University Press.
- Kojima, K. (2000). The “flying geese” model of Asian economic development: origin, theoretical extensions, and regional policy implications. *Journal of Asian Economics*, 11(4), 375–401.
- Kynge, J. (2007). *China Shakes the World: A Titan's Rise and Troubled Future - And the Challenge for America*. Houghton Mifflin Harcourt.
- Liang, Z. (2006). *Threshold estimation on the globalization-poverty nexus: Evidence from China* (No. 2006/57). Research Paper, UNU-WIDER, United Nations University (UNU).
- Mearsheimer, J. J. (2001). *The Tragedy of Great Power Politics*. W W Norton & Company Incorporated.
- Meier, G. M. (1974). *Problems of a world monetary order*. Oxford University Press.
- Nolan, P. (2012). *Is China buying the world?* Cambridge, UK; Malden, MA: Polity Press.
- Overholt, W. H. (2005). *China and Globalization: Testimony presented to the US-China Economic and Security Review Commission on May 19, 2005*. Santa Monica, CA: RAND Corporation.
- Parrish, S. D., & Narinsky, M. M. (1994). *New evidence on the Soviet rejection of the Marshall Plan, 1947: two reports*. Woodrow Wilson International Center for Scholars.
- Peet, R. (2003). *Unholy Trinity: The Imf, World Bank, and the Wto*. Zed Books.
- Pelkmans, J. (2006). *European Integration: Methods And Economic Analysis*. Financial Times Prentice Hall.
- Saich, T. (2000). Globalization, Governance, and the Authoritarian Westphalian State: The Case of China. *Governance in a globalizing world*, 208–28.
- Serafino, N., Tarnoff, C., & Nanto, D. K. (2006). US occupation assistance: Iraq, Germany and Japan compared.
- Subramanian, A. (2011). *Eclipse: Living in the Shadow of China's Economic Dominance*. Peterson Institute.
- Swaine, M. D., & Fravel, M. T. (2011). China's assertive behavior—part two: The maritime periphery. Retrieved from <http://dspace.mit.edu/handle/1721.1/71259>

- Uckert, M. B. (2012). *China As an Economic and Military Superpower: A Dangerous Combination?* BiblioBazaar.
- Vogel, E. F. (2001). *Japan As Number One: Lessons for America*. Replica Books.
- Wade, R. H. (2002). US hegemony and the World Bank: the fight over people and ideas. *Review of International Political Economy*, 9(2), 215–243.
- Wielaard, R. (2010, March 19). Greece Debt Crisis: Germany Holding Up European Union Bailout. *the Huffington Post*.
- Woods, N. (2003). The United States and the international financial institutions: Power and influence within the World Bank and the IMF. *Foot, McFarlane and Mastanduno (Eds.), US Hegemony and International Organizations, Oxford*, 92–114.
- Yee, H. S. (2011). *China's Rise: Threat Or Opportunity?* Routledge Chapman & Hall.

Приложение

Основные социально-политические показатели КНР

Общая численность населения (городское и сельское, численность среднего класса и класса малоимущих)

<i>Страна</i>	<i>Общая численность населения</i>	<i>Городское население</i>	<i>Сельское население</i>
<i>Китай</i>	1,34 млрд. чел.	690 млн. чел. (51%),	650 млн. чел. (49%).
<i>США</i>	314 млн. чел.	258 млн. чел. (82%),	56 млн. чел. (18%).
<i>Россия</i>	143 млн. чел.	106 млн. чел. (74%),	37 млн. чел. (26%).

Источник: Национальное бюро статистики КНР, Бюро переписи США, Федеральная служба государственной статистики РФ, расчет ИМЭМО РАН.

Численность *среднего класса* в Китае составляет около 250 млн. чел. (почти 20%)*. *За чертой бедности* находятся примерно 120 млн. чел. в сельской местности и 50 млн. чел. в городе**, балансируют на грани бедности – 200 млн. трудовых мигрантов***.

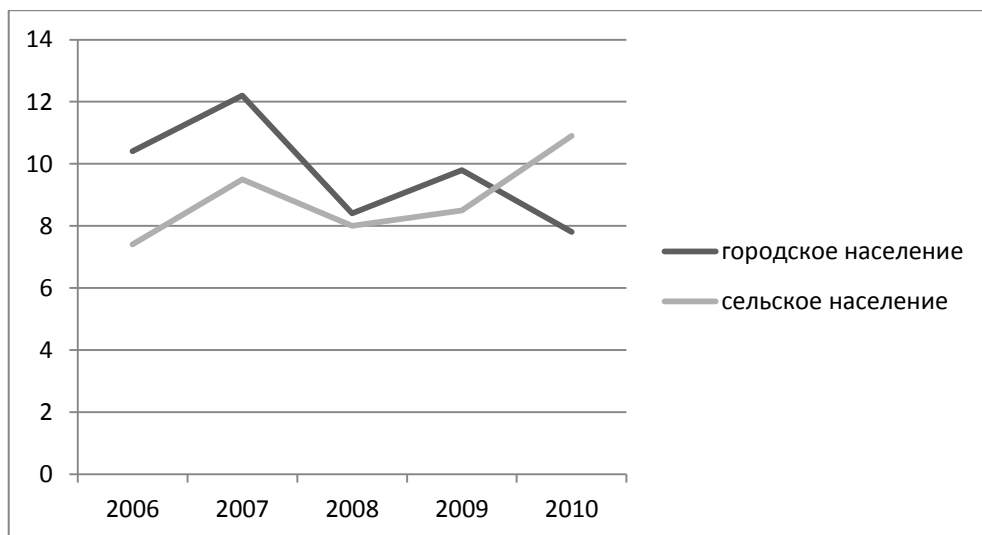
Количество *миллионеров* в Китае по чистым доходам более 1 млн. долл. в год в 2012 г. составило около 2 млн. чел. Количество *миллиардеров* по активам – 212 чел. (США – 211 чел.).

* *Единого определения среднего класса не существует – для Китая под средним классом обычно понимается: заработная плата не менее 1000 долл. в мес. на человека, наличие автомобиля, современной квартиры площадью примерно 100 м² (стоимость 1 м² жилплощади в Пекине составляет примерно 4-4,5 тыс. долл., в элитном сегменте – 20-30 тыс. долл.).*

** *Согласно Ежегодному докладу Китайской академии общественных наук о городском развитии в Китае (т.н. Голубая книга городов в Китае) под неимущим городским населением понимаются субъекты с годовым доходом 1300 долл./1 чел.*

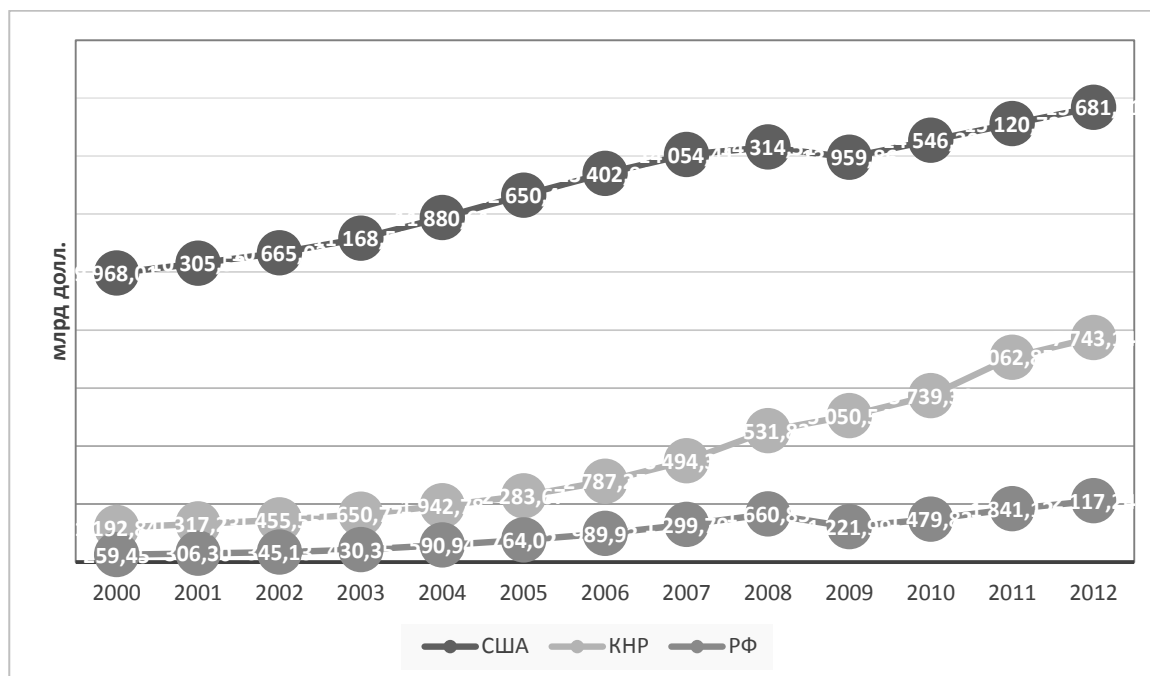
*** *Имеются в виду внутренние трудовые мигранты, которые на несколько месяцев в году переезжают из села в город на заработки.*

**Темпы роста доходов городского и сельского населения
в 2006-2011 гг. (%)**



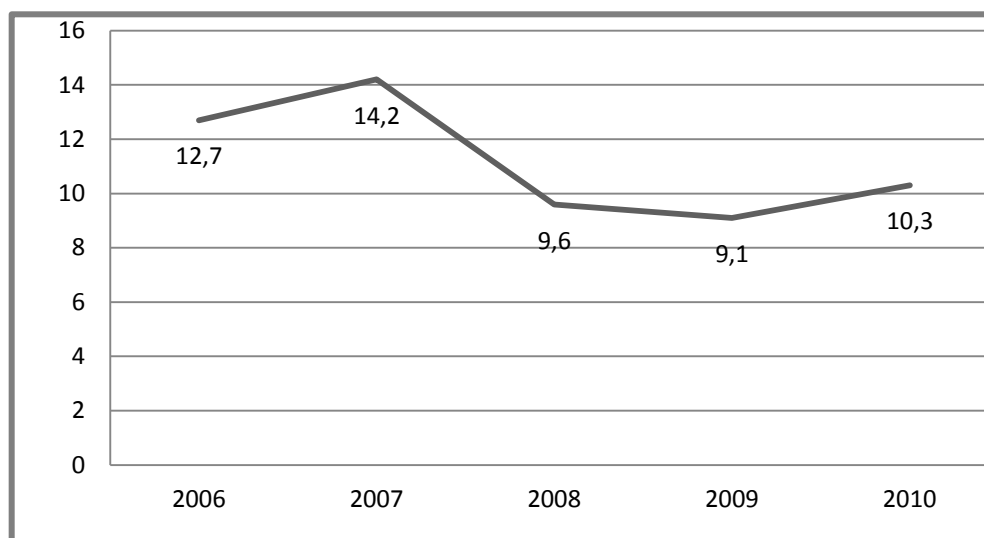
Источник: Доклад о выполнении плана экономического и социального развития за 2010 г. и проект плана развития на 2011 г.», представлен на 4-ой сессии ВСНП 11-го созыва (<http://russian.people.com.cn/31521/7320862.html>)

Объем ВВП КНР, США и РФ в 2000-2012 гг.



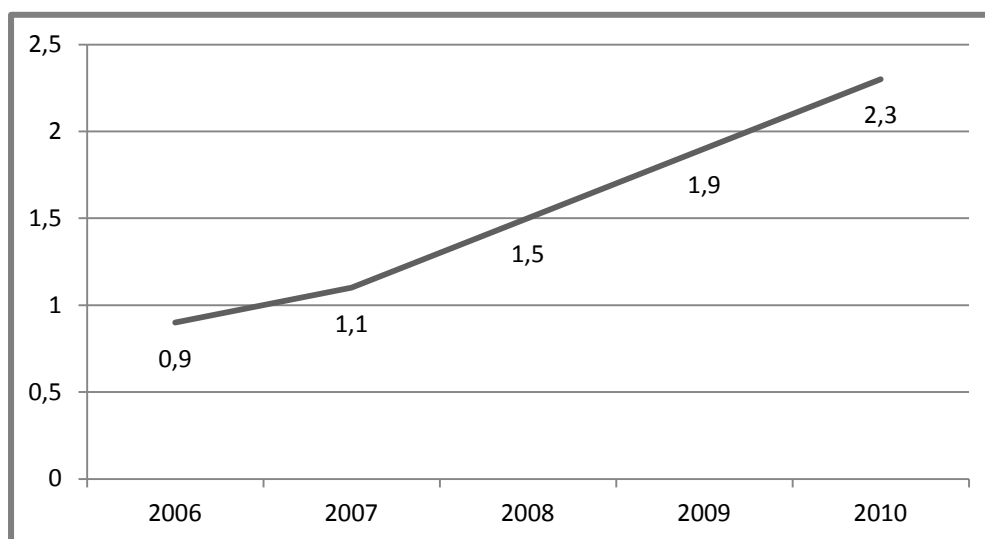
Источник: Конференция ООН по торговле и развитию, Национальное бюро статистики КНР, Министерство коммерции США.

Темпы прироста ВВП Китая в годы 11-ой пятилетки (%)



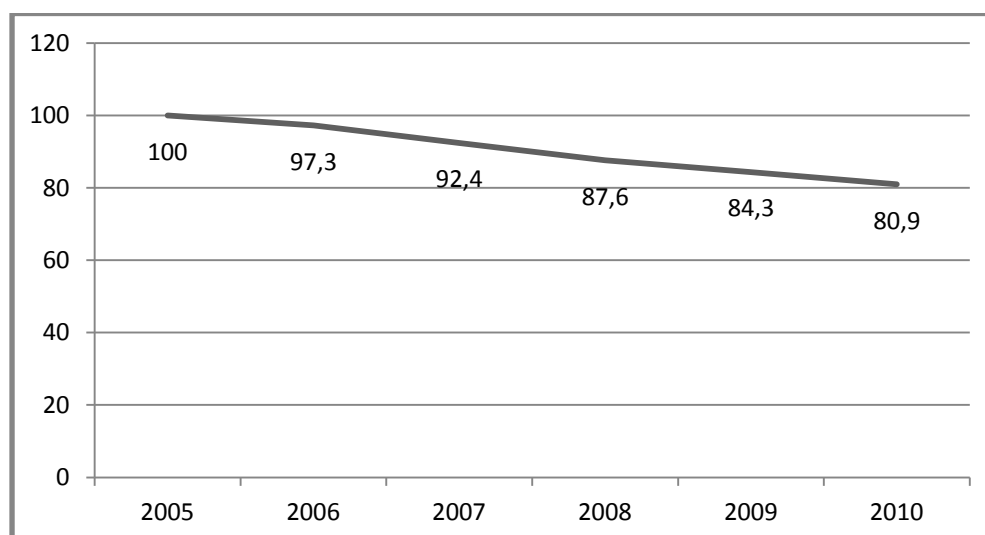
Источник: Национальное статистическое бюро Китая
(<http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2010/indexeh.htm>)

***Рост объема продаж потребительских товаров
в 2006-2010 гг. (трлн. долл.)***



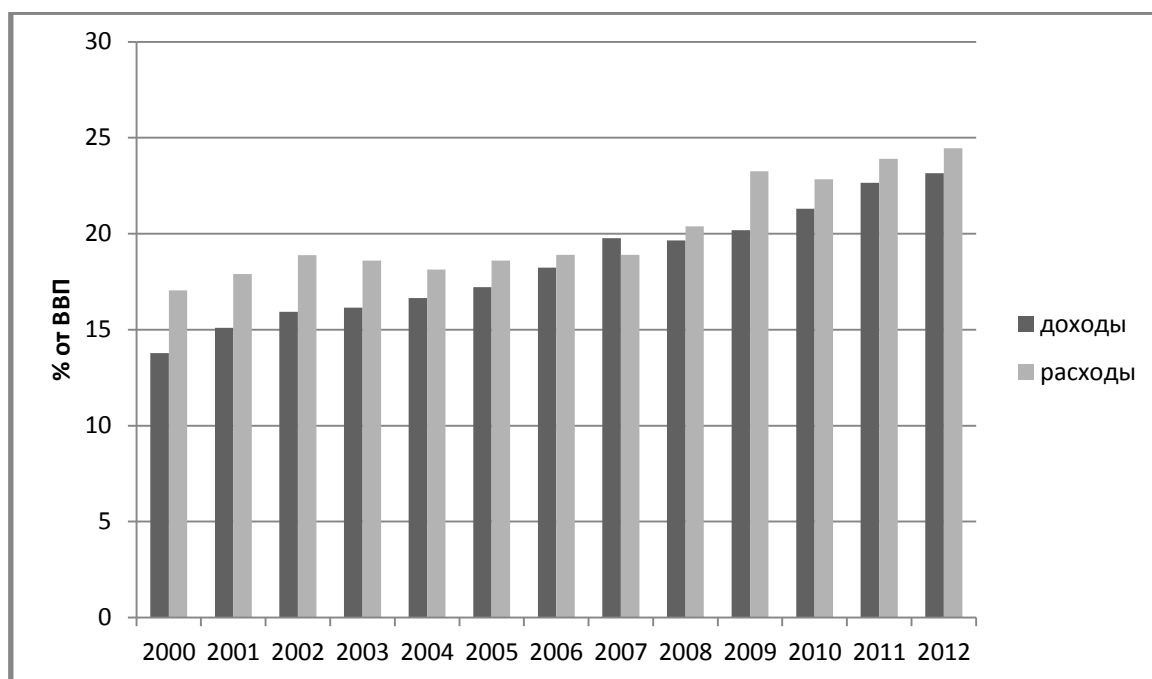
Рассчитано по данным Национального статистического бюро КНР:
(<http://www.stats.gov.cn/english/statisticaldata/yearlydata/#>).

***Снижение удельной энергоемкости китайского ВВП в 2006-2010 гг.
(2005 г. = 100%)***



Источник: Доклад о выполнении плана экономического и социального развития за 2010 г. и проект плана развития на 2011 г.», представлен 4-ой сессии ВСНП 11-го созыва (<http://russian.people.com.cn/31521/7320862.html>)

**Доходы/расходы государственного консолидированного
бюджета Китая в 2000-2012 гг.**



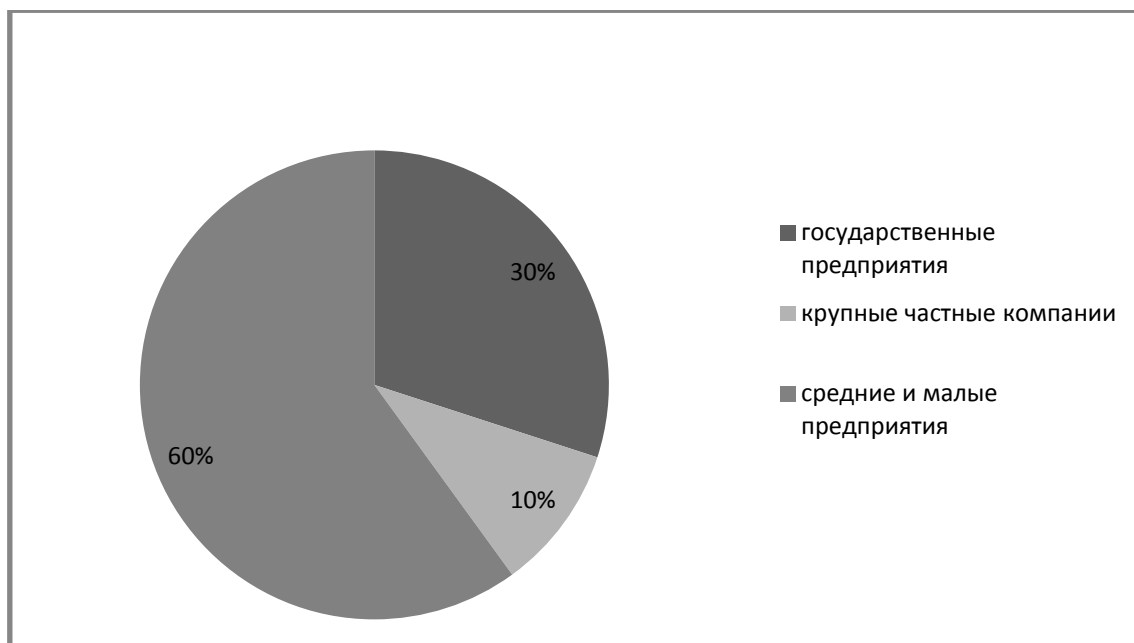
Источник: Международный валютный фонд

**Основные статьи расходов консолидированного государственного
бюджета Китая (% от общих расходов)**

Статьи расходов	2008	2009
Общегосударственные расходы	16	14,4
Национальная оборона	6,7	5,5
Национальная безопасность	6,5	5,7
Национальная экономика	24,6	24,8
Наука и технологии	3,4	3,5
Социальные гарантии и занятость	10,9	10,2
Образование, здравоохранение, культура, спорт, СМИ	20,6	22,7
Жилищное обеспечение	-	3,5
Управление сельскими и городскими коммунарами	6,7	7
Другое	4,6	2,7

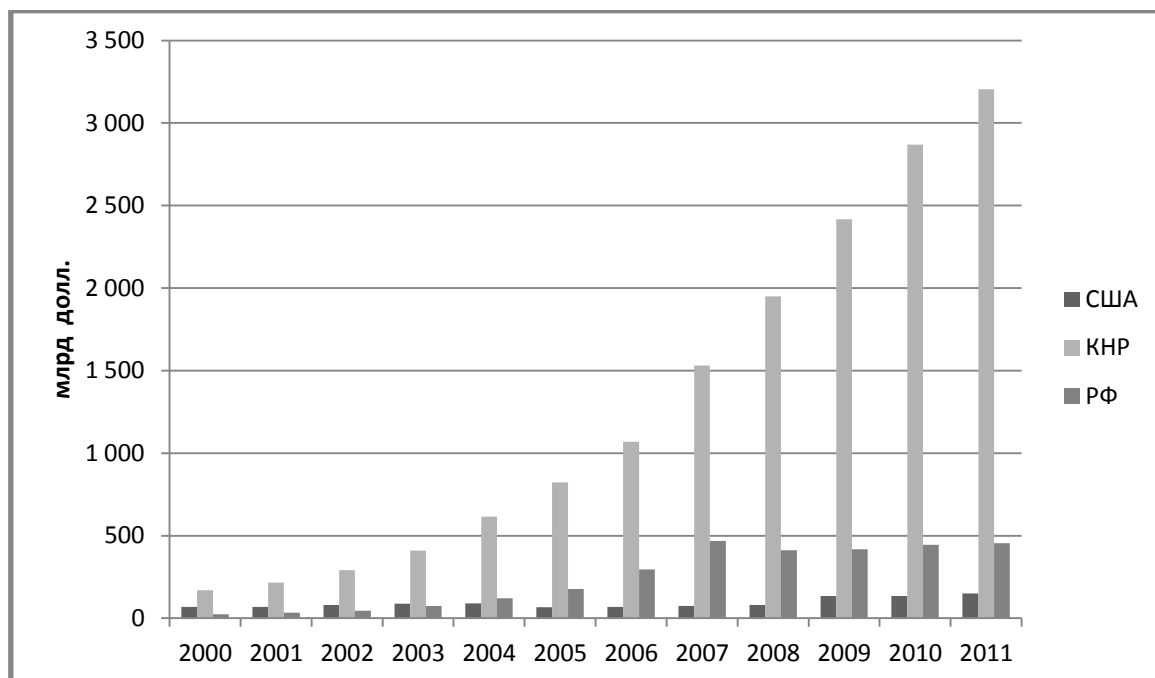
Источник: Национальное статистическое бюро КНР

Вклад государственных предприятий, крупных частных компаний и среднего и малого бизнеса в ВВП Китая



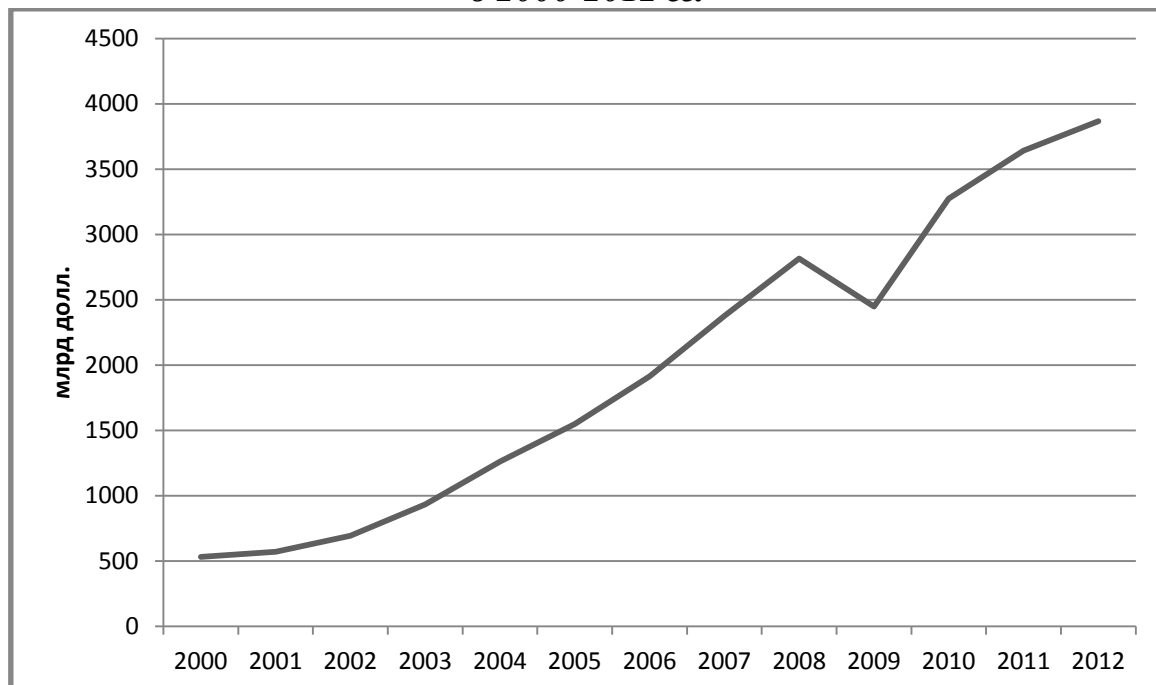
Источник: расчет ИМЭМО РАН

Объем золотовалютных резервов КНР, США и РФ в 2000-2011 гг.



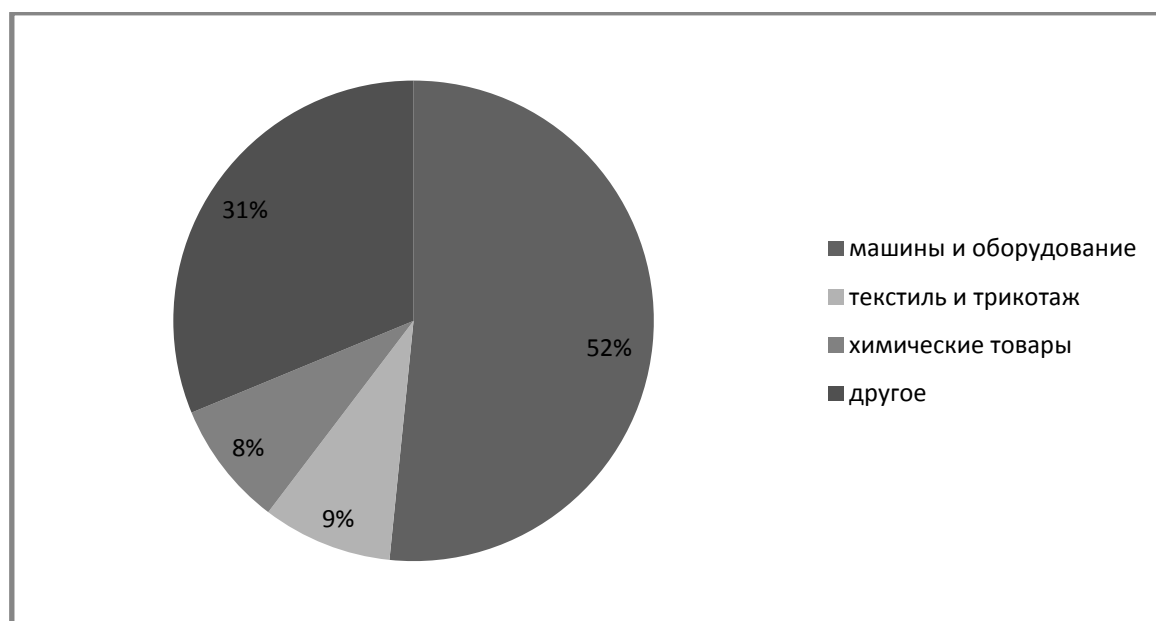
Источник: Конференция ООН по торговле и развитию

**Объем внешней торговли Китая товарами и услугами
в 2000-2012 гг.**



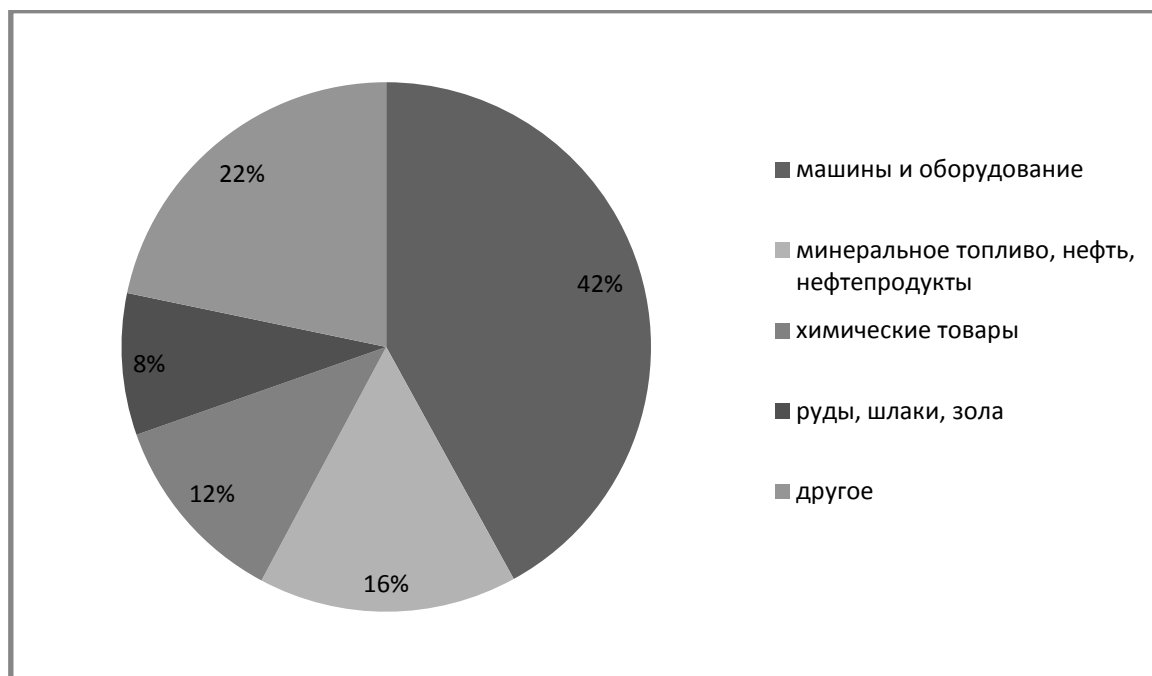
Источник: Национальное статистическое бюро КНР

Структура экспорта КНР в 2011 г.



Источник: Главное таможенное управление КНР

Структура импорта КНР в 2011 г.



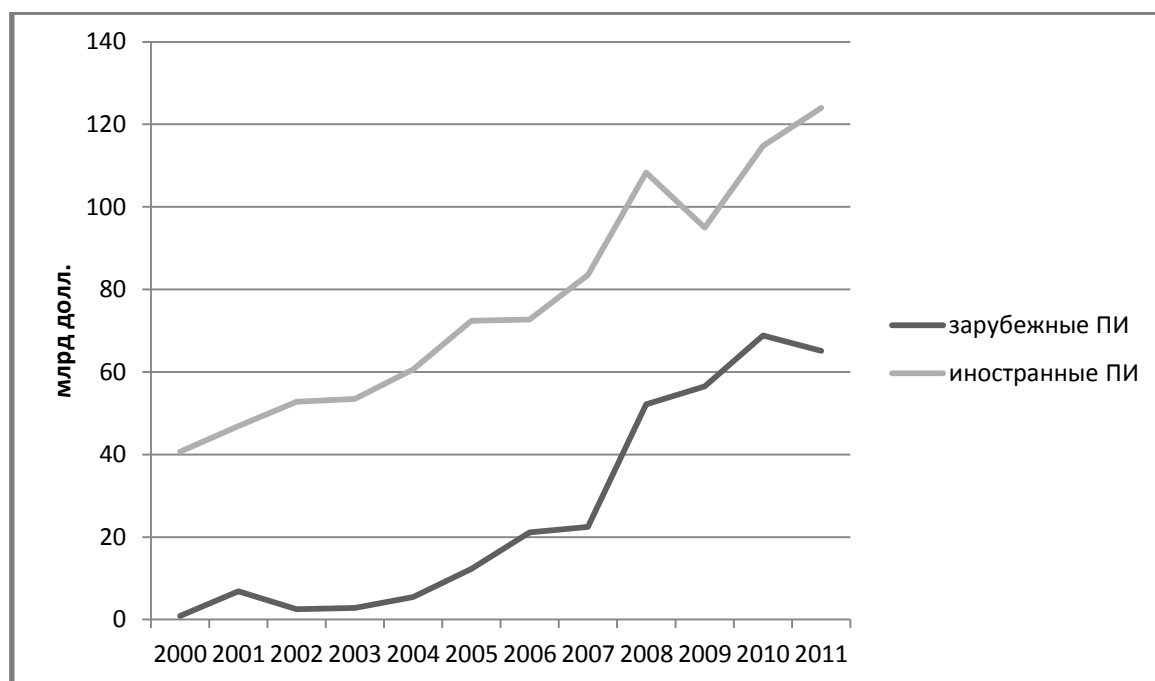
Источник: Главное таможенное управление КНР

Основные внешнеторговые партнеры Китая

Основными внешнеторговыми партнерами Китая в 2011 г. являлись:

- страны *Азии* (АСЕАН, Япония, Южная Корея, страны Ближнего Востока), общий объем торговли с которыми составил 1,9 трлн. долл.;
- *ЕС* – 700 млрд. долл.;
- страны *Северной Америки* (США, Канада) – около 500 млрд. долл.;
- страны *Латинской Америки* – около 240 млрд. долл.;
- страны *Африки* – 166 млрд. долл.;
- *Океания* (Австралия, Н. Зеландия, Фиджи) – около 130 млрд. долл.

Объем прямых иностранных инвестиций в КНР и зарубежных инвестиций КНР в 2000-2011 гг.



Источник: Конференция ООН по торговле и развитию

Основные источники прямых иностранных инвестиций в Китае в 2012 г.

- Гонконг – 71 млрд. долл.;
- Япония – 7 млрд. долл.;
- Сингапур – 6,5 млрд. долл.;
- Тайвань – 6,2 млрд. долл.;
- США – 3,1 млрд. долл.;
- Южная Корея – 3 млрд. долл.;
- Германия - 1.5 млрд. долл.;
- Голландия – 1,1 млрд. долл.;
- Великобритания – 1 млрд. долл.;
- Швейцария – 878 млн. долл.

Основные направления китайских инвестиций

Традиционно наибольший объем китайских ПИИ осуществляется в ЮВА, далее в страны Латинской Америки (тенденция последнего времени), далее ЕС, США, Африка, Океания.